

Джон Грин

**Ошибки
наших
звезд**

...Но чего мы хотим,
так это быть замеченными
вселенной, чтобы вселенная,
черт возьми, обратила на нас
внимание – не на
собирательную идею
разумной жизни, а на нас
как личности.

Джон Грин
и
ножд

Ошибки наших звезд

John Green

**The Fault in Our
Stars**

Джон Грин

**Ошибки наших
звезд**

★Перевод Межетовой Марии★
2013

посвящается Эстер Эрл

Голландец с тюльпанами смотрел на воду, приносимую приливом:

- Сближает, разделяет, отравляет, укрывает, разоблачает. Посмотри на него: поднимается и опускается, забирая все с собой.

- О чем ты? – спросила я.

- Об океане, - сказал Голландец. – Ну, и еще о времени.

Питер Ван Хаутен, *Высшее страдание*

Примечание автора

Это не столько именно примечание автора, сколько его напоминание о том, что должно было быть напечатано мелким шрифтом несколько страниц назад: эта книга – авторский вымысел. Я ее выдумал.

Ни романы, ни их читатели не получают никакой пользы из попыток предугадать, не прячет ли сюжет внутри себя какие-то реальные факты. Эти усилия подрывают саму идею о том, что выдуманные истории могут иметь значение, идею, которая является в некотором роде основной для нашего биологического вида.

Я благодарен вам за сотрудничество в этом вопросе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поздней зимой моего семнадцатого года мама решила, что у меня депрессия, вероятно, потому, что я редко выходила из дома, проводила достаточно много времени в кровати, перечитывала одну и ту же книгу по несколько раз, ела нерегулярно и посвящала большую часть моего избыточного свободного времени размышлениям о смерти.

Что бы вы не читали о раке: будь то буклет, интернет-сайт, что угодно, депрессию всегда включают в список побочных эффектов рака. На самом деле это не так. Депрессия – это побочный эффект умирания. (Рак – это тоже побочный эффект умирания. По правде говоря, таким побочным эффектом является практически все). Но моя мама считала, что мне необходимо лечение, и отвела меня к моему терапевту доктору Джиму, который подтвердил, что я действительно впала в парализующую и абсолютно клиническую депрессию, а следовательно, я должна принимать больше лекарств и посещать еженедельную Группу поддержки.

В Группу поддержки входил постоянно меняющийся состав персонажей на разных стадиях опухолевого нездоровья. Почему этот состав менялся? Побочный эффект умирания.

Группа поддержки, конечно же, чертовски вгоняла в депрессию. Она собиралась каждую среду среди каменных стен цокольного этажа крестообразной Епископальной церкви. Мы все сидели в кругу прямо в центре креста, где как бы встречались две балки, где как бы было сердце Иисуса.

Я заметила это, потому что Патрик, лидер Группы поддержки и единственный совершеннолетний человек в комнате, говорил о сердце Иисуса каждую чертову встречу, говорил о том, что мы, молодежь с онко-диагнозом,

находились прямо в святейшем сердце Христа, и прочую чушь.

Так вот, в Божьем сердце происходило следующее: шесть, или семь, или десять из нас входили/въезжали туда на коляске, едва прикасались к нищенскому набору печенья и лимонада, садились в Круг доверия и слушали, как Патрик пересказывает в тысячный раз гнетуще несчастную историю его жизни – у него был рак прямо в яйцах, и все думали, что он умрет, но он не умер, и вот теперь он здесь, зрелый мужчина в подвале церкви сто тридцать седьмого лучшего города Америки, разведенный, зависимый от видео игр, по большей части без друзей, влачащий скудное существование за счет использования своего онкологического прошлого, медленно пробивающийся к степени магистра, которая не улучшит его карьерных перспектив, ждущий, как мы все, пока его Дамоклов меч не даст ему то облегчение, от которого он убежал много лет назад, когда рак забрал оба его яичка, но пощадил то, что только самый великодушный человек назвал бы жизнью.

И ВАМ ТОЖЕ МОГЛО БЫ ТАК ПОВЕЗТИ!

Затем мы представлялись: имя. Возраст. Диагноз. И как мы чувствуем себя сегодня. Я Хейзел, сказала бы я в свою очередь. Шестнадцать. Изначально щитовидная железа, но вместе с впечатляющей и надолго обосновавшейся в моих легких колонией спутников. И я в норме.

Когда мы заканчивали со знакомством, Патрик всегда спрашивал, кто из нас хотел бы поделиться. И начинался этот придурочный круг поддержки: все говорили о сражении, о борьбе, о победе, о сокращении и о сканировании. Если быть честной к Патрику, то он позволял нам говорить и о смерти. Но большинство из нас не были при смерти. Большинство, скорее всего, доживут до взрослой жизни, как Патрик.

(Что означало определенное соревнование по этому поводу, потому что все хотели не только победить рак сам по себе, но и других людей в этой комнате. То есть, я понимаю, что это абсурдно, но когда тебе дают, к примеру, двадцатипроцентный шанс прожить пять лет, вдруг всплывают знания по математике, и ты понимаешь, что это одна пятая... поэтому ты оглядываешься вокруг себя и думаешь, как это сделал бы любой здоровый человек: я должен продержаться дольше четырех из этих подонков).

Единственным приятным аспектом Группы поддержки был парень по имени Айзек, худой, с длинным лицом и закрывающими один глаз прямыми светлыми волосами.

Проблема была как раз в его глазах. У него был какой-то фантастически невозможный рак глаз. Один из них был вырезан, еще когда он был ребенком, и теперь он носил толстые очки, которые делали оба его глаза (и настоящий, и стеклянный) противоестественно огромными, будто вся его голова была только этими двумя глазами, уставившимися на тебя. Из того, что я смогла узнать в те редкие случаи, когда Айзек делился с группой, рецидив подверг его оставшийся глаз смертельной опасности.

Айзек и я общались почти единственно посредством вздохов. Каждый раз, когда кто-нибудь обсуждал антираковую диету, или вдыхание молотых акульих плавников, или еще чего, он бросал на меня взгляд и едва слышно вздыхал. Я микроскопически качала головой и выдыхала в ответ.

Так что Группа поддержки была полный отстой, и через несколько недель я готова была топтать ногами и кричать от необходимости ходить туда. На самом деле, в ту среду, когда я встретила Августа Уотерса, я старалась пропустить Группу изо всех сил, сидя на диване с моей

мамой во время третьего этапа двенадцатичасового марафона прошлого сезона *Топ-модели по-американски*, который, надо сказать, я уже видела, но это без разницы.

Я: «Я отказываюсь посещать Группу поддержки».

Мама: «Один из симптомов депрессии – это отсутствие интереса к активности».

Я: «Пожалуйста, можно я просто посмотрю *Топ-модель по-американски*? Это активность»

Мама: «Телевизор – это пассивность».

Я: «Грр, мам, ну пожалуйста».

Мама: «Хейзел, ты же подросток. Ты больше не маленький ребенок. Тебе нужно заводить друзей, выбираться из дома и жить своей жизнью».

Я: «Если хочешь, чтобы я была настоящим подростком, не посылай меня в Группу поддержки. Купи мне фальшивые права¹, чтобы я могла ходить в клубы, пить водку и принимать травку».

Мама: «Травку не *принимают*, а курят, для начала».

Я: «Вот видишь, я бы знала это, будь у меня были фальшивые права».

Мама: «Ты идешь в группу поддержки».

Я: «Гррррррррр».

Мама: «Хейзел, ты заслуживаешь нормальной жизни».

Это заставило меня заткнуться, хотя у меня и не получилось понять, каким таким образом посещение Группы поддержки означало *нормальную жизнь*. Все же я согласилась пойти – после того, как отсудила себе право

¹ В Америке разрешенный возраст употребления алкоголя и посещения ночных клубов составляет 21 год. Для его подтверждения необходимо иметь с собой удостоверение личности с указанной на нем датой рождения. Таким удостоверением чаще всего служат водительские права. – *зд. и далее прим. переводчика*

посмотреть в записи те полтора эпизода *ТМА*, которые пропущу.

Я ходила в Группу поддержки по той же причине, по какой однажды позволила медсестрам с едва ли восемнадцатью месяцами образования травить меня экзотически названной химией: я хотела сделать моих родителей счастливыми. Хреново умирать от рака, когда тебе шестнадцать, но еще хреннее, когда твой шестнадцатилетний ребенок умирает от рака.

Мама въехала на круговой подъезд к церкви в 16:56. Я притворилась на секунду, что вожусь с кислородным баллоном, чтобы убить время.

- Хочешь, я занесу его за тебя?

- Нет, все нормально, - сказала я. Цилиндрический зеленый баллон весил пару кило, и у меня была маленькая стальная тележка, чтобы везти его рядом с собой. Он доставлял мне два литра кислорода в минуту через канюлю, прозрачную трубку, которая разделялась на двое у меня за шеей, оборачивалась вокруг ушей и снова соединялась в моих ноздрях. Этот гаджет был необходим, потому что из моих легких, вообще-то, хреновые легкие.

- Я люблю тебя, - сказала она, когда я вышла.

- Я тебя тоже, мам. Увидимся в шесть.

- Заведи друзей! - сказала она через опущенное стекло, пока я уходила.

Я не хотела спускаться на лифте, потому что лифт - это вроде как дело для Последних дней, так что я пошла по лестнице. Я схватила печенье и налила немного лимонада в бумажный стаканчик, а затем оглянулась.

Какой-то парень глазел на меня.

Я была вполне уверена, что никогда раньше его не видела. Высокий и достаточно мускулистый, он заставлял пластиковый стул для первоклашек, на котором он сидел, казаться еще меньше, чем он был на самом деле. Красновато-коричневые волосы, короткие и прямые. Он

выглядел моим ровесником, может на год старше, и сидел в вызывающе скромной позе: копчиком на самом краю стула, одна рука наполовину в кармане темных джинсов.

Я отвернулась, внезапно осознав тысячу моих недостатков. На мне были старые джинсы, которые когда-то сидели в обтяжку, а теперь болтались в странных местах, и желтая футболка с названием группы, которая мне даже больше не нравилась. А еще мои волосы: эта стрижка под пажа, и я даже не удосужилась их, что-ли, расчесать. Более того, у меня были до смешного огромные щеки, как у бурундука: побочный эффект лечения. Я выглядела как нормальный человек с воздушным шаром вместо головы. И это еще если забыть про мои толстые лодыжки. Но все же, я украдкой взглянула на него, а он продолжал на меня пялиться.

Я вдруг поняла, почему это называется зрительный контакт.

Я вошла в круг и села рядом с Айзеком, за два сиденья от парня. Снова подняла глаза. Он все еще на меня смотрел.

С позволения сказать, он был просто красавчик. Некрасивый парень тарашится на тебя безжалостно, и это, в лучшем случае, неловко, а в худшем, напоминает нападение. А красивый парень...ну.

Я достала телефон и нажала на кнопку, чтобы он показал время: 16:59. Круг наполнился неудачливыми детьми от двенадцати до восемнадцати, и затем Патрик начал с молитвы безмятежности: *Господи, даруй мне душевный покой, чтобы принять то, что я не могу изменить, смелость, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого.* Парень все еще глазел на меня. Я почувствовала, что краснею.

Наконец, я решила, что лучшей стратегией было уставиться в ответ. В конце концов, мальчики не обладают монополией на Дело по производству взглядов. Так что я смотрела на него, пока Патрик в тысячный раз признавал

свое без-яичие и т.д., и вскоре это была игра в гляделки. Через какое-то время парень улыбнулся, и, наконец, его голубые глаза взглянули в сторону. Когда он снова посмотрел на меня, я приподняла брови, вроде как говоря, *Я выиграла.*

Он пожал плечами. Патрик продолжал, и вскоре пришло время представиться.

- Айзек, может быть, ты захочешь быть первым сегодня. Я знаю, что для тебя пришло время испытаний.

- Да, - сказал Айзек. - Меня зовут Айзек. Мне семнадцать. И вроде как через пару недель я отправлюсь на операцию, после которой ослепну. Не хочу жаловаться или типа того, потому что я знаю, многим из нас гораздо тяжелее, но эмм... я имею в виду, быть слепым как-то хреново. Хотя, моя девушка помогает. И друзья вроде Августа, - он кивнул в сторону парня, у которого теперь было имя. - Так что вот, - продолжил Айзек. Он смотрел на свои руки, сложенные пирамидкой. - В общем, я ничего не могу с этим поделать.

- Мы с тобой, Айзек, - сказал Патрик. - Пусть Айзек это услышит, ребята.

И мы все монотонно сказали: «Мы с тобой, Айзек».

Следующим был Майкл. Ему было двенадцать, и у него была лейкемия¹. Всю жизнь. Он чувствовал себя нормально. (По крайней мере, так он сказал. Он спустился на лифте).

Лиде было шестнадцать, и она была достаточно симпатичной, чтобы привлечь внимание красивого парня. Она была постоянной участницей встреч - долго восстанавливалась после рака аппендикса, о существовании которого я раньше не знала. Она сказала - как и в каждый раз, когда я появлялась в Группе поддержки, - что чувствовала себя *сильной*. Я слушала ее, в то время как

¹ Лейкемия - рак кроветворной системы.

брызжущие кислородом трубки щекотали мои ноздри, и думала о том, как все это напыщенно звучит.

Представились еще пятеро, прежде чем очередь дошла до него. Он слегка улыбнулся. Его голос был низким, каким-то дымчатым и чертовски сексуальным.

- Мое имя Август Уотерс, - сказал он. - Мне семнадцать. Меня слегка затронула остеосаркома¹ полтора года назад, но здесь я только по просьбе Айзека.

- И как ты себя чувствуешь? - спросил Патрик.

- О, отпадно, - Август Уотерс улыбнулся уголком рта. - Я на американских горках, которые идут только вверх, друг мой.

Затем была моя очередь, я сказала: "Меня зовут Хейзел. Мне шестнадцать. Щитовидка с метастазами в легких². Я в норме".

Встреча продолжилась: сражения пересказывались, успешные битвы против безнадежно проигранных войн; надежда хранилась; семьи прославлялись и проклинались; было решено, что друзьям просто не понять; слезы проливались; утешение обеспечивалось. Ни я, ни Август Уотерс не проронили ни слова, пока Патрик не сказал:

- Август, может, ты хотел бы поделиться своими страхами с группой.

- Моими страхами?

- Да.

- Я боюсь забвения, - сказал он после минутной паузы. - Я боюсь его как пресловутый слепой, который боится темноты.

- Слишком рано, - сказал Айзек, вымучивая улыбку.

¹ Остеосаркома – злокачественная опухоль, растущая в кости.

² Метастаза – частое осложнение онкологического заболевания, выражающееся в перемещении клеток злокачественной опухоли через кровяной поток к другим органам тела (изначально здоровым).

- Это было бесчувственно? – спросил Август. – Я могу быть слеп к чувствам других людей.

Айзек смеялся, но Патрик поднял обвиняющий перст и сказал:

- Август, пожалуйста. Давай вернемся к тебе и твоим проблемам. Ты сказал, что боишься забвения?

- Именно, - ответил Август.

Патрик казался растерянным.

- Не хотел бы...эээ, не хотел бы кто-нибудь это прокомментировать?

Я не была в нормальной школе три года. Мои родители были двумя моими лучшими друзьями. Моим третьим лучшим другом был писатель, который никогда не знал о моем существовании. Я была достаточно скромным человеком – совсем не из тех, кто подсказывает с места.

И все же, только в этот раз, я решила высказаться. Я начала поднимать руку, и Патрик, с очевидным облегчением, сразу сказал: «Хейзел!» Я уверена, он предположил, что я хочу открыться. Стать Частью Группы.

Я посмотрела на Августа Уотерса, который ответил мне взглядом. Его глаза были настолько голубыми, что сквозь них практически можно было видеть.

- Придет время, - сказала я, - когда все мы будем мертвы. Все. Придет время, когда не будет ни одного человека, чтобы вспомнить, что кто-то когда-то существовал или что наш вид что-либо совершил. Не будет никого, кто мог бы вспомнить Аристотеля или Клеопатру, не говоря уже о тебе. Все, что мы сделали, и построили, и написали, и придумали, и открыли, будет забыто, и все это, - я обвела руками комнату, - будет напрасно. Может быть, это время придет скоро, а может, оно наступит через миллионы лет, но даже если мы переживем взрыв солнца, мы не будем жить вечно. Было время до того, как организмы обрели сознание, и будет время после. И если неизбежность человеческого забвения беспокоит тебя, я

предлагаю забыть об этом. Бог свидетель, это то, что все делают.

Я узнала это от моего вышеупомянутого третьего лучшего друга, Питера Ван Хаутена, асоциального автора книги под названием *Высшее страдание*, которая была мне ближе Библии. Питер Ван Хаутен был единственным человеком, с которым я когда-либо сталкивалась, который а) понимал, что значит умирать, и б) не умер.

За моими словами последовал довольно долгий период тишины, в то время как я смотрела на улыбку, которая расползлась по лицу Августа – не кривая ухмылка парня, старающегося быть сексуальным, пока он тарачился на меня, а его настоящая улыбка, слишком большая для его лица. «Черт возьми, - тихо сказал Август, - ты просто нечто».

Никто из нас двоих не сказал ничего в оставшееся время. В конце Группы поддержки все взяли за руки, и Патрик вел нас в молитве. «Господь Иисус Христос, мы, сражающиеся с раком, собрались здесь в Твоем сердце, буквально в Твоем сердце. Ты и только Ты знаешь нас так, как мы сами знаем себя. Веди нас через испытания жизни к Твоему Свету. Мы молимся за глаза Айзека, за кровь Майкла и Джейми, за кости Августа, за легкие Хейзел, за горло Джеймса. Мы просим, чтобы Ты исцелил нас, и хотим почувствовать Твою любовь и Твой покой, который превосходит все наши представления о нем. И мы помним в своем сердце всех тех, кого мы знали и любили, и кто ушел к Тебе домой: Марию, и Кейда, и Джозефа, и Хейли, и Абигейл, и Анджелину, и Тейлора, и Габриэля, и...»

Это был длинный список. В мире много мертвых. И пока Патрик бубнил, зачитывая список по листку бумаги, потому что он был слишком длинным, чтобы запомнить его наизусть, я держала глаза закрытыми, стараясь думать о молитве, но по большей части представляя тот день, когда мое имя попадет в список, в самый его конец, когда все уже перестают слушать.

Когда Патрик замолчал, мы вместе произнесли эту тупую мантру: ПРОЖИВЕМ НАШУ ЛУЧШУЮ ЖИЗНЬ СЕГОДНЯ, и встреча закончилась. Август Уотерс оттолкнулся от стула и подошел ко мне. Его походка была кривой, как его улыбка. Он навис надо мной, но не слишком близко, чтобы я не вытягивала шею для того, чтобы смотреть ему в глаза.

- Так как тебя зовут? – спросил он.

- Хейзел.

- Нет, твое полное имя.

- Эм, Хейзел Грейс¹ Ланкастер.

Он собирался сказать что-то еще, когда подошел Айзек.

- Погоди, - сказал Август, поднимая палец, и повернулся к Айзеку, - это было даже хуже, чем ты рассказывал.

- Я говорил тебе, что это совершенно безрадостно.

- Зачем тогда ты продолжаешь ходить?

- Не знаю. Это типа помогает...

Август наклонился к Айзеку, так что он думал, что я не услышу: «Она постоянная?». Я не услышала ответ Айзека, но Август проронил: «Я бы сказал». Он обнял Айзека за оба плеча и затем отошел от него на полшага. «Расскажи Хейзел о клинике».

Айзек оперся о столик с печеньем и сфокусировал свой гигантский глаз на мне.

- Ладно, в общем, я был в больнице этим утром и сказал своему хирургу, что лучше уж я буду глухим, чем слепым. А он сказал, что это не сработает, а я такой, ну, я понимаю, что это не сработает, я просто говорю, что лучше бы я был глухим, чем слепым, если бы у меня был выбор, но я понимаю, что у меня его нет, а он говорит, что хорошие новости заключаются в том, что я не буду глухим, и тогда я сказал: «Спасибо вам за объяснение, что рак глаз не сделает

¹ Грейс (Grace) – англ. *благодать, милосердие*

меня глухим. Мне так повезло, что меня соблаговолит оперировать такой интеллектуальный гигант, как вы».

- Этот парень просто крут, - сказала я. - Я попытаюсь заработать рак глаз, просто чтобы познакомиться с ним.

- Удачи с этим. Ладно, мне пора. Моника ждет меня. Мне следует видеть ее почаще, пока я еще могу.

- Карательная миссия завтра? - спросил Август.

- Обязательно. - Айзек развернулся и побежал по ступенькам, перескакивая через них.

Август Уотерс повернулся ко мне.

- Буквально, - сказал он.

- Буквально? - спросила я.

- Мы буквально в сердце Иисуса, - ответил он. - Я думал, что мы в подвале церкви, но мы буквально в сердце Иисуса.

- Кто-то должен сказать об этом Иисусу, - сказала я. - Я хочу сказать, это должно быть небезопасно, хранить раковых детей в твоём сердце.

- Я бы сам Ему сказал, - предложил Август, - но, к сожалению, я буквально застрял у Него в сердце, так что Он не сможет меня услышать.

Я рассмеялась. Он покачал головой, смотря на меня.

- Что? - спросила я.

- Ничего, - сказал он.

- Почему ты так смотришь на меня?

Август слегка улыбнулся:

- Потому что ты красивая. Мне нравится смотреть на красивых людей, и некоторое время назад я решил не отказывать себе в простых удовольствиях существования.

Последовало неловкое молчание. Август с трудом продолжил:

- Я имею в виду, особенно учитывая тот факт, что все это закончится забвением и прочее, на что ты очаровательно обратила всеобщее внимание.

Я вроде хихикнула, или вздохнула, или выдохнула так, что это скорее напоминало кашель, и возразила:

- Я не кра...

- Ты как Натали Портман из двухтысячных. Как Натали Портман из *V значит Вендетта*.

- Никогда не видела.

- Правда? – спросил он. – Великолепная девушка с волосами, как у феи, отрицательно относится к власти и против своей воли по уши влюбляется в парня, от которого, как она прекрасно знает, одни проблемы. Это твоя автобиография, насколько я могу сказать.

Каждый его слог флиртовал со мной. Честное слово, он меня вроде как взволновал. Я даже не знала, что парни способны меня взволновать – ну, не в реальной жизни.

Девушка помладше прошла мимо нас. «Как ты, Алиса?» - спросил он. Она улыбнулась и пробормотала: «Привет, Август».

- Девченка из Мемориала, - пояснил он. Мемориалом назывался большой исследовательский госпиталь. – А ты куда ходишь?

- В детский, - сказала я, тише, чем думала. Он кивнул. Казалось, разговор закончился. – Ну что ж, - сказала я, слегка кивая в сторону ступенек, которые выводили нас из Буквального Сердца Иисуса. Я наклонила тележку на колеса и начала идти. Он хромал позади меня. - Может, увидимся в следующий раз? – спросила я.

- Ты должна это увидеть, - сказал он. – Я имею в виду *V значит Вендетта*.

- Хорошо, - сказала я. – Я посмотрю.

- Нет. Со мной. В моем доме, - сказал он. – Сейчас.

Я остановилась:

- Я едва знаю тебя, Август Уотерс. Ты можешь оказаться маньяком. С топором.

Он кивнул:

- Справедливо, Хейзел Грейс.

Он прошел мимо меня, его плечи облегла зеленая рубашка поло, спину он держал прямо, устойчиво и уверенно шагая на том, что я определила как протез – походка лишь слегка пружинила вправо. Иногда остеосаркома забирает конечность, чтобы проверить тебя. Затем, если ты ей понравился, она забирает тебя всего.

Я пошла за ним наверх, постепенно теряя сознание – подъем по лестнице не входил в компетенцию моих легких.

И вот мы вышли из сердца Иисуса на автомобильную стоянку. Идеально прохладный весенний воздух, предзакатный свет изумителен почти до боли.

Мамы еще не было, что было необычно, потому что она почти всегда ждала меня. Я оглянулась вокруг и увидела высокую кудрявую брюнетку, которая практически агрессивно целовала Айзека, прижимая его к каменной стене церкви. Они были достаточно близко ко мне, чтобы я услышала жуткие чмокающие звуки их соединенных ртов, и то, как он говорит «Навсегда», и как она говорит «Навсегда» в ответ.

Неожиданно оказавшийся рядом со мной Август прошептал:

- Они большие поклонники публичного проявления чувств.

- Что за фигня с этим «навсегда»?

Хлюпающие звуки усилились.

- «Навсегда» - это их фишка. Они будут *всегда* любить друг друга и прочее. Я скромно предположу, что они употребили в смс-ках друг другу слово «навсегда» четыре миллиона раз за последний год.

Пара машин подъехали, чтобы забрать Майкла и Алису. Теперь остались только мы с Августом, наблюдающие за Айзеком и Моникой, которые ускорили темп, как будто бы не прислонялись к месту богослужения. Его рука потянулась к ее груди через футболку и обхватила ее, двигались только пальцы, ладонь оставалась на месте. Мне

стало интересно, приятно ли это. Не похоже было на то, но я решила простить Айзека на основании того, что скоро он станет слепым. Чувства должны пировать, пока еще есть голод, и все такое.

- Представь себе, как ты в последний раз едешь в больницу, - тихо сказала я. – Последний раз, когда ты когда-либо будешь вести машину.

Не смотря на меня, Август сказал:

- Ты разрушаешь атмосферу, Хейзел Грейс. Я пытаюсь наблюдать за юной любовью во всем ее нелепом великолепии.

- Мне кажется, он не очень нежен к ее сиськам.

- Да, в данном случае трудно установить, пытается ли он возбудить ее или выполнить осмотр груди.

Затем Август Уотерс залез в карман и вытащил оттуда, кто бы мог подумать, пачку сигарет. Он открыл ее и всунул сигарету между губ.

- Ты *серьезно*? – спросила я. – Ты думаешь, это круто? О Боже, ты только что *все* испортил.

- Что все? – спросил он, оборачиваясь ко мне. Незажженная сигарета болталась в неулыбающемся уголке его рта.

- *Все*. Определенно привлекательный, умный и по всем статьям приемлемый парень глазеет на меня и обращает мое внимание на неправильное употребление понятия буквальности, а еще сравнивает меня с актрисой и предлагает посмотреть кино у себя дома. Но конечно же, всегда существует *гамартия*, и твоя заключается в том, что несмотря на то, что У ТЕБЯ БЫЛ ЧЕРТОВ РАК, ты отдаешь деньги компании в обмен на шанс получить ЕЩЕ БОЛЬШЕ РАКА. О, Господи. Позволь мне только убедить тебя в том, что не иметь способности дышать – полный отстой. Совершенное разочарование. *Совершенное*.

- Гамартия? – спросил он, все еще с сигаретой во рту. Его челюсть была сжата. К сожалению, у него была умопомрачительная линия челюсти.

- Роковая ошибка¹, - объяснила я, отворачиваясь от него. Я отошла к обочине, оставляя Августа Уотерса за собой, и тут услышала машину внизу улицы. Это была мама. Она ждала, пока я заведу друзей, или типа того.

Я почувствовала странную смесь разочарования и злости, закипающую во мне. Я даже не совсем уверена, что это в действительности было за чувство, его просто было *слишком много*, и я хотела дать пощечину Августу Уотерсу, а еще заменить мои легкие другими, не такими хреновыми. Я стояла в своих конверсах прямо на бордюре, кислородный баллон камнем на шее болтался рядом со мной, и прямо в тот момент, как моя мама подъехала к церкви, я почувствовала, что меня взяли за руку.

Руку я вырвала, но к нему обернулась.

- Они не убьют, пока их не зажжешь, - сказал он, в то время как мама подъезжала к бордюру. – И я ни одной еще не зажег. Это метафора, понимаешь: ты зажимаешь орудие убийства прямо у себя между зубами, но не даешь ему силы убить тебя.

- Это метафора, - неуверенно сказала я. Мамина машина работала вхолостую.

- Это метафора, - сказал он.

- Ты основываешь свое поведение на его метафорическом отголоске... - проронила я.

- О да, - он улыбнулся. Широкой, нелепой, настоящей улыбкой. – Я большой поклонник метафор, Хейзел Грейс.

Я повернулась к машине. Постучала по стеклу. Оно опустилось.

¹ Гамартия (др-греч. ἁμαρτία – ошибка, изъян) – в древнегреческой трагедии изъян характера героя или роковая ошибка, которая приведет его к неизбежному трагическому концу.

- Я иду смотреть кино с Августом Уотерсом, - сказала я. - Будь так добра, запиши следующие несколько серий *ТМА*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Август Уотерс вел просто ужасно. Останавливался он или стартовал, все происходило с грандиозным толчком. Я повисала на ремне безопасности его Тойоты SUV каждый раз, когда он тормозил, и моя шея отлетала назад каждый раз, когда он давил на газ. Я могла бы нервничать – сажу в машине со странноватым парнем на пути к его дому, прекрасно зная, что мои дерьмовые легкие осложнят попытки оттолкнуть нежелательные приставания, - но его манера вождения была поразительно плохой, и я не могла думать ни о чем другом.

Мы проехали пару километров в неловком молчании, пока Август не сказал:

- Я провалил экзамен на права три раза.
- Да ну???

Он рассмеялся, кивая.

- Да, я не могу ощущать давление в старине Проти и не могу привыкнуть к вождению левой ногой. Доктора говорят, что большинство перенесших ампутацию водят без проблем, но... не я. В общем, сдаю я в четвертый раз, и дело идет... как сейчас.

Метрах в пятистах от нас загорелся красный свет. Август ударил по тормозам, бросая меня в треугольные объятия ремня безопасности:

- Извини. Богом клянусь, я стараюсь вести аккуратно. Ну так вот, в конце экзамена я уж подумал, что опять провалился, но инструктор сказал, что моя манера вождения не слишком приятна, но технически безопасна.

- Не уверена, что я соглашусь. Пахнет Онко-Бонусом.

Онко-Бонусами мы называем те небольшие приятные вещи, которые получают дети, больные раком: баскетбольные мячи, подписанные спортивными звездами, разрешение не делать домашнюю работу, незаслуженные водительские права и т.д.

- Ага, - сказал он. Загорелся зеленый. Я приготовилась. Август вдавил педаль газа в пол.

- Ты же знаешь, что существует ручное управление для тех, кто не в ладах с ногами? – заметила я.

- Ага, - сказал он. – Может, когда-нибудь, – он вздохнул так, что я засомневалась, а уверен ли он в существовании этого *когда-нибудь*. Я знала, что есть большой шанс излечиться от остеосаркомы, но все же...

Существует некоторое количество способов установить ожидания человека насчет приблизительных сроков его жизни. Я использовала классическое: «Ты учишься?». Обычно родители забирают тебя из колледжа в определенный момент, если чувствуют, что время подходит.

- Да, - ответил он. – В старшей школе, Северной Центральной. Правда, остался на второй год. А ты?

Я рассматривала вариант солгать. Никто не любит трупы. Но в конце концов я решила сказать правду:

- Нет, родители забрали меня из школы три года назад.

- Три года? – ошеломленно спросил он.

Я рассказала Августу краткое содержание моего чуда: мне поставили диагноз рака щитовидной железы IV степени, когда мне было тринадцать. (Я не сказала ему, что узнала об этом через три месяца после первой менструации. Типа: наши поздравления, ты стала женщиной! А теперь умри). Нам сказали, что он неизлечим.

Я перенесла операцию под названием *радикальное иссечение шеи*, звучит так же приятно, как и есть на самом деле. Затем облучение. Потом они попробовали немного химии на опухолях в моих легких. Опухоли сократились и выросли снова. К этому времени мне было четырнадцать. Мои легкие начали заполняться водой. Я выглядела вполне мертвой: руки и ноги надулись, как воздушные шары, кожа потрескалась, губы вечно синие. Есть такая отравка, которая

заставляет тебя не так ужасаться тому факту, что ты не можешь дышать, и мне вливали ее и десяток других лекарств просто-таки литрами через ЦВК¹. Но даже несмотря на это, есть определенные неприятные ощущения в том, чтобы постоянно тонуть, особенно на протяжении нескольких месяцев. В конце концов я оказалась в реанимации с пневмонией, и моя мама встала на колени рядом с моей постелью и спросила: «Ты готова, дорогая?», и я сказала ей, что я готова, а папа продолжал повторять мне, что он любит меня, не просто ломающимся, а уже сломанным голосом, и я говорила ему, что люблю его тоже, и мы держались за руки, а я не могла вдохнуть, мои легкие отчаянно искали кислород, выталкивая меня из постели, чтобы я нашла хоть какое-то положение, в котором они смогут получить немного воздуха, я была в смущении от этой безысходности и раздражена от того, что они просто не *отпустят*, а еще я помню, как мама говорила мне, что все будет хорошо, что со мной все будет хорошо, и папа настолько старался не разрыдаться, что когда он все-таки не сдержался, что было обычным делом, это было просто землетрясение. А еще я помню, что хотела заснуть и не проснуться.

Все были готовы к тому, что я уйду, но моему врачу Марии удалось вывести часть жидкости из моих легких, и вскоре антибиотики, которые мне ввели от пневмонии, подействовали.

Я проснулась и через некоторое время вошла в одну из этих экспериментальных программ, которые известны в штате Онкохома за то, что они Не работают. Препарат назывался Фаланксифор, его молекулы были разработаны так, чтобы они прицеплялись к раковым клеткам и

¹ ЦВК – центральный венозный катетер (англ. PICC-line – peripherally inserted central catheter), медицинский инструмент в виде трубки, предназначенный для введения в организм лекарственных веществ.

замедляли их рост. Он не работал примерно на семьдесят процентов людей. Но сработал на мне. Опухоли уменьшились.

И прекратили изменяться в размерах. Ура Фаланксифору! За прошедшие восемнадцать месяцев метастазы не росли, хотя и оставили меня обладательницей хреновых легких, которые, по-видимому, все же справлялись с помощью кислорода и дневной дозы Фаланксифора.

По общему признанию, это онкологическое Чудо привело к приобретению для меня лишь ограниченного времени (насколько – я пока не знала). Но когда я рассказывала о нем Августу Уотерсу, я нарисовала как можно более радужную картину, приукрашивая чудесность чуда.

- Теперь тебе нужно вернуться в школу, - сказал он.

- Вообще-то, я *не могу*, - объяснила я, - потому что уже сдала выпускные экзамены. Я посещаю занятия в МКК. – Так назывался наш общинный колледж¹.

- Чикса из колледжа, - сказал он, одобрительно кивая головой. – Это объясняет ауру утонченности. – Он ухмыльнулся. Я шутя толкнула его в предплечье. Было просто изумительно почувствовать тугие мускулы под его кожей.

Визжа тормозами, мы повернули в переулочек с трехметровыми оштукатуренными стенами. Его дом был первым слева. Двухэтажный, в колониальном стиле. С толчком он остановил машину на подъездной дороге.

¹ Общинный колледж (англ. *Community college*) – учреждение высшего образования в США, срок обучения в котором составляет два года. После окончания такого колледжа можно продолжить обучение в университете, чтобы получить степень бакалавра, а можно начать работать по специальности, которая не требует полного четырехлетнего образования.

Я зашла за ним внутрь. Деревянную табличку на стене в прихожей украшали вырезанные курсивом слова *Дом там, где твое сердце*, и вообще весь он оказался обвешен подобными замечаниями. *Хороших друзей трудно найти и невозможно забыть*, изрекала надпись над вешалкой. *Настоящая любовь рождается в тяжелые времена*, обещала вышитая подушка в гостиной, оформленной под старину. Август заметил мое внимание. «Мои родители называют их Ободрениями, - объяснил он. – Они повсюду».

Его родители называли его Гас. Они готовили энчилада¹ на кухне (кусоч крашеного стекла у раковины выпуклыми буквами гласил *Семья навсегда*). Его мама накладывала курицу на тортильи, которые его папа затем сворачивал и клал в стеклянную миску. Они не казались чересчур удивленными моему появлению, что было понятно: то, что Август заставлял меня *чувствовать* себя особенной, не означало, что я *была* таковой. Быть может, он каждый вечер приводил домой какую-нибудь девушку, чтобы посмотреть с ней кино и приободрить ее.

- Это Хейзел Грейс, - представил он меня.
- Просто Хейзел, - сказала я.
- Как дела, Хейзел? – спросил папа Гаса. Он был высоким – почти такого же роста, как Гас, - и худым, какими обычно не бывают люди в возрасте отцовства.
- Нормально, - сказала я.
- Как прошла Группа поддержки Айзека?
- Невероятно, - ответил Гас.
- Слышу сарказм, - сказала его мама. – Хейзел, а тебе нравится?

Я помолчала секунду, пытаясь сообразить, кому мой ответ должен угодить: Августу или его родителям.

¹ Энчила́да – блюдо мексиканской кухни, представляет собой начинку, обычно мясную, завернутую в тортилью (кукурузную лепешку).

- Большинство людей очень приятные, - в конце концов сказала я.

- Как раз с такими семьями мы столкнулись в Мемориале в разгар лечения Гаса, - сказал его папа. - Все были такими добрыми. И сильными. В самые темные времена Господь приводит в твою жизнь лучших людей.

- Быстро, дай мне подушку и нитки, это должно быть Ободрением, - сказал Август, и папа его показался мне раздраженным, но Гас обхватил его вокруг шеи своей длинной рукой и сказал: - Да шучу я, пап. Мне нравятся чертовы Ободрения. Правда нравятся. Просто я не могу этого признать, потому что я подросток. - Его папа закатил глаза.

- Я надеюсь, ты присоединишься к нам за ужином? - спросила его мама. Она была небольшого роста брюнеткой, отчасти похожей на мышь.

- Думаю, да, - сказала я. - Мне нужно быть дома в десять. И еще, я, эмм... не ем мясо.

- Без проблем. Мы сделаем пару вегетарианских, - сказала она.

- Животные слишком милые? - спросил Гас.

- Я хочу сократить количество смертей, за которые я ответственна, - сказала я.

Гас открыл было рот, чтобы возразить, но потом остановился.

Его мама заполнила паузу:

- Я думаю, что это замечательно.

Они немного рассказали мне об этих Знаменитых энчиладас Уотерсов и как их Нельзя пропустить, и о том, что комендантским часом Гаса тоже были десять часов и что они не доверяли тем, кто ограничивает своих детей *другим* временем, и спросили, хожу ли я в школу («Она в колледже», перебил их Гас), а еще заметили, какая действительно и абсолютно необыкновенная погода стояла для марта, и что весной все кажется новым, и они ни разу не

спросили меня ни про кислород, ни про мой диагноз, что было странно и замечательно, а потом Август сказал:

- Мы с Хейзел хотим посмотреть *V значит Вендетта*, чтобы она увидела своего кинематографического двойника, Натали Портман из середины двухтысячных.

- Телевизор в гостиной весь ваш, - счастливо сказал его папа.

- Я думаю, что мы все же посмотрим его у меня, внизу. Его папа рассмеялся:

- Хорошая попытка. В гостиную.

- Но я хочу показать Хейзел Грейс свою комнату, - сказал Август.

- Просто Хейзел, - напомнила я.

- Так покажи Просто Хейзел свою комнату, - сказал его папа. – А затем поднимайтесь наверх и смотрите свое кино в гостиной.

Август надул щеки, встал на одну ногу, крутанул бедрами и выбросил протез вперед.

- Ну ладно, - пробурчал он.

Я пошла за ним по покрытым ковровыми ступенькам на нижний этаж, в его огромную спальню. На уровне моих глаз я увидела идущую через всю комнату полку, которая была забита баскетбольными реликвиями: десятки трофеев с позолоченным пластиковым человечком, ведущим мяч или забрасывающим его в невидимую корзину одной или двумя руками. Также там была куча подписанных мячей и кроссовок.

- Я раньше играл в баскетбол, - объяснил он.

- Ты, должно быть, был хорош.

- Я был неплох, но вся обувь и мячи – это Онко-Бонусы. – Он подошел к телевизору, рядом с которым огромная гора DVD и видео-игр была сформирована в подобие пирамиды. Он наклонился и схватил *V значит Вендетта*. – Я был вроде типичного белого парня из Индианы, - продолжил он. – Вообще, я был сосредоточен на

восстановлении забытого искусства трехочковых в прыжке, но однажды я тренировал штрафные броски: просто стоял за штрафной линией в нашем спортзале и бросал от полки с мячами. Внезапно, я не смог сообразить, почему я методично продолжаю впихивать сферический объект в объект тороидальный¹. Это показалось мне наиглупейшим занятием.

Я начал думать о маленьких детях, просовывающих цилиндр в круглое отверстие, и как они занимаются этим месяцами, пока не догадываются, и о том, что баскетбол является, в общем-то, слегка более аэробной версией того же самого занятия. Как бы то ни было, я продолжал загонять штрафные броски. Я попал восемьдесят раз подряд, побив все мои рекорды, но в процессе я чувствовал себя все больше и больше как двухлетний ребенок. А потом я почему-то начал думать о беге с препятствиями. Все нормально?

Я присела на угол его незаправленной кровати. Я не пыталась намекнуть или что-то типа того, просто немного устала от долгого стояния. Пришлось стоять в гостиной, потом была лестница, потом опять стоять, это было слишком для меня, и я не хотела упасть в обморок или еще чего. Во мне было немного от викторианской леди, сведущей в потере сознания.

- Я в норме, - ответила я, - просто слушаю. Бег с препятствиями?

- Да, с барьерами. Не знаю почему. Я начал думать о том, как атлеты пробегают свои дистанции, перепрыгивая через эти совершенно случайные объекты, установленные на их пути. И мне стало интересно, думают ли они хоть

¹ Тор (тороид) – поверхность вращения, образуемая вращением окружности вокруг оси, лежащей в плоскости данной окружности. Тороидальной формой обладают, например, бублик или автомобильная шина.

иногда: «Дело пошло бы лучше, если бы мы избавились от препятствий».

- Это было до твоего диагноза? – спросила я.

- Ну, он тоже повлиял, - он ухмыльнулся половиной рта. – День экзистенциально обремененных штрафных бросков по совместительству был также моим последним днем дву-ножья. У меня были выходные между решением об ампутации и днем, когда она случилась. Мое собственное беглое знакомство с тем, через что сейчас проходит Айзек.

Я кивнула. Мне нравился Август Уотерс. Очень, очень, очень нравился. Мне понравилось, как его история закончилась кем-то другим. Мне нравился его голос. Мне понравилось, что он совершал экзистенциально обремененные штрафные броски. Мне нравилось, что он был штатным профессором на факультете Кривоватых усмешек, одновременно занимая должность и на факультете Обладания голосом, который заставлял меня ощущать свою кожу больше похожей на кожу. И мне нравилось, что у него было два имени. Мне всегда нравились люди с двумя именами, потому что тебе нужно решить, как ты будешь звать их: Гас или Август? Я всегда была просто Хейзел, неизменная Хейзел.

- У тебя есть братья или сестры? – спросила я.

- А? – переспросил он, отвлекшись.

- Ты сказал что-то про наблюдение за играющими детьми.

- Ах вот оно что, вообще-то нет. У меня есть племянники, дети моих сводных сестер. Но они старше. Им что-то вроде... ПАП, СКОЛЬКО ЛЕТ ДЖУЛИИ И МАРТЕ?

- Двадцать восемь!

- Им двадцать восемь. Они живут в Чикаго. Обе замужем за очень крутыми юристами. Или банкирами. Не помню. А у тебя есть брат или сестра?

Я покачала головой.

- Так в чем твоя история? – спросил он, садясь рядом со мной на безопасном расстоянии.

- Я уже рассказала тебе свою историю. Мне поставили диагноз, когда...

- Нет, не история твоего рака. *Твоя* история. Интересы, хобби, пристрастия, странные фетиши и т.д.

- Эмм, - промычала я.

- Только не говори мне, что ты одна из тех людей, которые становятся своей болезнью. Я знаю много таких. Это приводит меня в уныние. Ну, рак, конечно, постоянно растет, правильно? Захватывает людей. Но я уверен, что ты не позволила ему преждевременно преуспеть в этом.

Мне пришло на ум, что, возможно, я именно это и сделала. Я напряглась, стараясь решить, как разрекламировать себя перед Августом Уотерсом, какой интерес выделить, и в тишине, последовавшей за его словами, мне показалось, что я не очень интересная.

- Я совсем не необычная.

- Это мы сразу отсекаем. Подумай о чем-то, что тебе нравится. Назови первое, что придет на ум.

- Эээ, чтение?

- Что ты читаешь?

- Все. От омерзительных романов до вычурной беллетристики или поэзии. Что угодно.

- А сама ты пишешь стихи?

- Нет. Я не пишу.

- Вот оно! – практически прокричал Август. – Хейзел Грейс, ты единственный подросток в Америке, который предпочитает читать поэзию, а не сочинять ее. Это так много для меня значит. Ты читаешь много Великих с заглавной В книг, не так ли?

- Наверное...

- Какая твоя любимая?

- Ммм, - сказала я.

Моей любимой книгой с большим отрывом было *Высшее страдание*, но я не любила рассказывать о ней людям. Иногда ты прочитываешь книгу, и она наполняет тебя странным евангелическим рвением, убеждая, что разбитый мир никогда не соберется обратно, если и пока все живущие люди не прочтут эту вещь. А еще есть книги как *Высшее страдание*, о которых ты не можешь рассказывать, книги настолько особенные, и редкие, и твои, что рекламирование твоей привязанности кажется предательством.

Дело было даже не в том, что эта книга была какой-то особенно хорошей, просто казалось, что автор, Питер Ван Хаутен, сверхъестественно и невероятно понимал меня. *Высшее страдание* было *моей* книгой, так же, как мое тело было моим телом, а мои мысли были моими мыслями.

И даже несмотря на это, я сказала Августу:

- Моя любимая книга – это, наверное, *Высшее страдание*.

- Там есть зомби? – спросил он.

- Нет, - ответила я.

- Штурмовики?

Я покачала головой:

- Это не такая книга.

Он улыбнулся:

- Я собираюсь прочитать эту ужасную книгу со скучным названием, в которой нет штурмовиков, - пообещал он, и я сразу почувствовала, что мне не стоило рассказывать ему о ней. Август крутанулся к стопке книг под его прикроватным столиком. Он схватил одну из них в мягком переплете и ручку. Выцарапывая что-то на первой странице, он произнес:

- Все, о чем я прошу тебя взамен, это прочесть эту блестящую и западающую в память романизацию моей любимой видео-игры, - он протянул мне книгу, которая называлась *Цена рассвета*. Я рассмеялась и взяла ее. Наши

руки спутались в процессе передачи книги, и моя рука оказалась в его.

- Холодная, - сказал он, надавливая пальцем на мое бледное запястье.

- Не то чтобы холодная, просто кислородное голодание...

- Обожаю, когда ты бросаешься медицинскими выражениями вроде этого, - сказал он. Он встал и потянул меня за собой, и не отпускал мою руку, пока мы не дошли до ступеней.

Мы смотрели кино, а между нами был десяток сантиметров дивана. Я повела себя, как совершенная восьмиклассница: положила руку на диван на полпути между нами, чтобы он видел, что ее можно взять, но он не попытался. Через час после начала фильма вошли родители Августа, чтобы принести нам энчиладас; мы съели их, сидя на диване, и они были вполне себе ничего.

Фильм был о героическом парне в маске, который совершенно героически умер за Натали Портман, которая была настоящей задирой и просто секси, и не имела ничего общего с моим отекившим стероидным лицом.

Когда пошли титры, он спросил:

- Крутой фильм, ага?

- Крутой, - согласилась я, хотя на самом деле он таким не был. Это был фильм для парней. Не знаю, почему парни ждут, что нам понравятся их фильмы. Мы же не ждем, что им понравятся наши. - Мне надо домой. Утром в колледж, - сказала я.

Я сидела на диване, пока Август искал ключи. Его мама села рядом со мной и сказала:

- Это мое любимое.

Наверное, я смотрела в сторону Ободрения над телевизором, это было изображение ангела с заголовком *Без боли, как бы мы узнали радость?*

(Это старый спор в области Размышлений о страданиях, и в его глупость и отсутствие утонченности можно вникать веками, но достаточно сказать, что существование брокколи никаким образом не влияет на вкус шоколада).

- Да, - согласилась я. – Прекрасная мысль.

Я вела машину Августа до своего дома, он сидел справа от меня. Он дал мне послушать пару песен его любимой группы *The Hectic Glow*¹, и это были хорошие песни, но так как я слушала их в первый раз, они не были для меня так же хороши, как для него. Я все поглядывала на его ногу, или где она раньше была, стараясь представить, как выглядит протез. Я не хотела беспокоиться об этом, но, похоже, беспокоилась. Он, наверное, волновался из-за моего кислорода. Болезнь отталкивает. Я поняла это уже давно и подозреваю, что Август тоже.

Когда я подъехала к дому, Август выключил радио. Воздух накалился. Возможно, он думал, а не поцеловать ли меня, а я-то уж точно думала о том, чтобы его поцеловать. Интересно, а хочу ли я этого вообще? Я целовалась с парнями, но это было давно. До Чуда.

Я припарковалась и посмотрела на него. Он действительно был прекрасен. Я знаю, что так обычно не говорят о парнях, но по-другому не скажешь.

- Хейзел Грейс, - сказал он, и мое имя, произнесенное его голосом, прозвучало по-новому, приятнее. – Для меня большая честь познакомиться с Вами.

- Взаимно, господин Уотерс, - сказала я. Мне было стыдно смотреть на него. Я не чувствовала себя способной столкнуться с яркостью его голубых глаз.

¹ The Hectic Glow (англ.) – Лихорадочное сияние

- Я могу увидеть Вас снова? – спросил он. Его голос обворожительно дрожал.

Я улыбнулась:

- Конечно.

- Завтра? – спросил он.

- Терпение, кузнечик, - посоветовала я. – А то ты кажешься чересчур пылким.

- Правильно, вот почему я сказал завтра, - признался он. – Я хотел бы увидеть тебя сегодня же ночью. Но я готов подождать *целую ночь и большую часть завтра*.

Я закатила глаза.

- Я серьезно! – воскликнул он.

- Ты даже не знаешь меня, - заметила я. Я взяла книгу с приборной доски. – Как насчет того, что я прочитаю ее и позволю тебе?

- Но у тебя же нет моего номера, - возразил он.

- У меня сильное подозрение, что ты написал его в книге.

Он растянулся в своей нелепой улыбке:

- А еще говоришь, что мы друг друга не знаем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Той ночью я долго не ложилась, читая *Цену рассвета* (осторожно, спойлер¹: цена рассвета – это кровь). Это было не *Высшее страдание*, но главный герой, старший сержант Макс Хаос, был вполне приятен, если не обращать внимание на то, что за 284 страницы он убил, по моим подсчетам, не меньше 118 особей.

Так что утром четверга я встала поздно. В маминых правилах было никогда не будить меня, потому что одно из требований для Профессионального больного – это много спать, и я сначала очень удивилась, когда проснулась от прикосновения ее рук к моим плечам.

- Почти десять, - сказала она.
- Сон борется с раком, - сказала я. – Я долго читала.
- Это, должно быть, была особенная книга, - заметила она, вставая на колени рядом с кроватью и отвинчивая меня от огромного прямоугольного кислородного концентратора, которого я звала Филипом, потому что он выглядел как Филип.

Мама прицепила меня к портативному баллону и напомнила, что у меня занятия.

- Это тот парень дал тебе? – спросила она из ниоткуда.
- Под *этим* ты подразумеваешь герпес?
- Ну ты и шутишь, - сказала мама. – Книга, Хейзел. Я имею в виду книгу.
- Да, он дал мне ее.
- Я вижу, что он тебе нравится, - сказала она, приподнимая брови, как будто это замечание требовало какого-то особого материнского инстинкта. Я пожалала

¹ Спойлер – от агл *to spoil* – портить.

плечами. – Я же говорила, что Группа поддержки рано или поздно пойдет тебе на пользу.

- Ты снаружи ждала все время?

- Да. Я взяла с собой кое-какую бумажную работу. Ну что ж, молодая леди, время начинать день.

- Мам. Сон. Рак. Борьба.

- Я знаю, дорогая, но тебе нужно на урок. И потом, сегодня же... - ликование в мамином голосе было очевидным.

- Четверг?

- Ты что, серьезно забыла?

- Похоже на то...

- Сегодня четверг, 29 марта! – она практически прокричала с чокнутой улыбкой, прилипшей к ее лицу.

- Ты чересчур возбуждена из-за того, что знаешь дату! – прокричала я в ответ.

- ХЕЙЗЕЛ! ЭТО ТВОЙ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ПОЛУ-ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ!

- Оооооо, - вздохнула я. Моя мама была реально любительницей максимизации праздников. ЭТО ДЕНЬ ДЕРЕВА! ПОЙДЕМТЕ ОБНИМАТЬ ДЕРЕВЬЯ И ЕСТЬ ПИРОГ! КОЛУМБ ПРИВЕЗ ОСПУ К ТУЗЕМЦАМ; МЫ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬ ЭТО СОБЫТИЕ ПИКНИКОМ!, и т.д. – Ну что ж, счастливого мне тридцать третьего Полу-Дня Рождения, - сказала я.

- Что ты хочешь делать в свой особенный день?

- Прийти домой из колледжа и поставить мировой рекорд по числу просмотренных подряд эпизодов *Битвы шеф-поваров*.

Мама дотянулась до полки над моей кроватью и взяла Синю, голубого мягкого медведя, который у меня с тех пор,

¹ В Америке *Arbor Day* – букв. День деревьев – праздник древонасаждения, чаще всего проводится в последнюю пятницу апреля.

как мне было вроде года, еще в то время, когда считалось социально приемлемым называть друзей по цвету их кожи.

- Ты не хочешь сходить в кино с Кейтлин или Мэттом?
– они были моими друзьями.

Неплохая идея.

- Конечно, - сказала я. – Я позвоню Кейтлин и спрошу, не хочет ли она сходить в молл¹ или типа того после школы.

Мама улыбнулась, прижимая медведя к животу.

- Это все еще круто, ходить в молл? – спросила она.

- Я очень горжусь незнанием того, что круто, -
ответила я.

Я написала Кейтлин, приняла душ, оделась, а затем мама довезла меня до колледжа. Мне нужно было на лекцию американской литературы, посвященную Фредерику Дугласу². Аудитория была большей частью пуста, да и мне не заснуть было невероятно трудно. В середине урока Кейтлин ответила на мою смс-ку:

Круточень. С Полу-Днем! В Каслтоне в 15:32?

У Кейтлин была наполненная социальная жизнь, требующая поминутного расписания. Я ответила:

Хорошо. Я буду на фуд-корте.

Мама забрала меня с учебы и отвезла в книжный магазин, расположенный рядом с моллом, где я купила *Полуночные рассветы* и *Реквием по Хаосу*, первые два

¹ Молл (англ. mall) – в Америке так называют большой торговый центр.

² Фредерик Дуглас – американский писатель 19 века, известный борец за права чернокожего населения Америки.

сиквела к *Цене рассвета*, а затем дошла до огромного фуд-корта и купила диетическую колу. Было 15:21.

Я читала и поглядывала на детей, играющих на площадке, оборудованной под пиратский корабль. Там был туннель, через который постоянно проползали два ребенка, и они делали это снова и снова, не уставая, что заставило меня думать об Августе Уотерсе и экзистенциально обремененных штрафных бросках.

Мама тоже была на фуд-корте, одна, сидела в углу, где, как она думала, я ее не замечу, ела сырно-мясной сендвич и проглядывала какие-то бумаги. Наверное, что-то медицинское. Сквозь документы можно было продираться бесконечно.

Ровно в 15:32 я заметила Кейтлин, уверенно шагавшую мимо Вок Хауса. Я подняла руку, она меня заметила, блеснула свежевывправленными белоснежными зубами и направилась ко мне.

На ней было идеально сидящее темно-серое пальто до колен и темные очки, закрывающие пол-лица. Она убрала их на макушку, когда наклонилась обнять меня.

- Дорогая, - сказала она с неясным британским акцентом. – Как дела?

Окружающие не считали акцент странным или отталкивающим, просто Кейтлин была чрезвычайно утонченной британской светской львицей двадцати пяти лет, застрявшей в шестнадцатилетнем теле в Индианаполисе. Все с этим смирились.

- Хорошо. А у тебя?

- Я даже не знаю. Это диетическая? – я кивнула и протянула ей стаканчик. Она сделала глоток через соломинку. – Как бы я хотела, чтобы ты была сейчас в школе. Некоторые парни стали решительно *аппетитными*.

- Да что ты говоришь? А кто же? – спросила я. Она назвала имена пятерых, с которыми мы ходили в

начальную и среднюю школу, но я не смогла представить ни одного из них.

- Последнее время я встречаюсь с Дерекком Веллингтоном, - сказала она, - но не думаю, что у этого есть будущее. Он такой *ребенок*. Но хватит обо мне. Что нового во вселенной Хейзел?

- Да ничего особенного, - ответила я.

- Как со здоровьем?

- Да вроде все так же.

- Фаланксифор! – пришла она в восторг, улыбаясь. – Так ты теперь можешь жить вечно?

- Вероятно, все же нет.

- Но в принципе! – возразила она. – Что еще нового?

Я подумывала сказать ей, что я тоже встретила парня, ну или хотя бы что я смотрела с ним кино, просто потому что я знала, что ее удивит и ошарашит новость о том, что кто-то такой взъерошенный, нелепый и чахлый, как я, мог даже ненадолго завоевать чувства молодого человека. Но мне не было особо чем похвастать, так что я пожала плечами.

- Господи, а *это* еще что такое? – спросила Кейтлин, показывая на книгу.

- А, это фантастика. Меня затащило. Целая серия.

- Я в смятении. Отправимся по магазинам?

Мы пошли в обувной. Все время, пока мы были там, Кейтлин постоянно выбирала для меня балетки с открытым пальцем и говорила: «Они будут на *тебе* мило смотреться», и это напомнило мне о том, что Кейтлин никогда не носила туфель с открытыми носками по причине ненависти к своим ногам из-за слишком длинных вторых пальцев, как будто второй палец – это окно в душу или еще чего. Так что когда я показала ей пару босоножек, которые красиво бы смотрелись с ее цветом кожи, она проронила «Да, но...», и это но скрывало за собой *но они*

выставят на показ мои омерзительные вторые пальцы, и я сказала:

- Кейтлин, ты единственный из знакомых мне человек с дисморфией пальцев ног, - а она сказала:

- Что это такое?

- Ну, знаешь, когда ты смотришь в зеркало, и то, что ты видишь, не то, что есть на самом деле.

- Ох. Ага, - сказала она. – А эти тебе нравятся? – она держала в руках пару милых, но невзрачных туфель, и я кивнула, и она нашла свой размер и примерила их, и прошла взад и вперед по магазину, смотря на свои ноги в напольных зеркалах. Потом она схватила пару огромных каблучков на завязках, вроде тех, в которых танцуют стриптиз, и сказала: - В них вообще реально ходить? То есть, я бы умерла наверное... - но обрезала фразу, смотря на меня, будто хотела извиниться, будто это было преступлением, упоминать смерть при умирающем. – Ты должна их примерить, - продолжила Кейтлин, пытаясь сгладить неловкость.

- Уж лучше умереть, - уверила я ее.

В общем, я выбрала какие-то шлепанцы, просто чтобы мне было что купить, и села на одну из скамеек напротив магазина, смотря, как Кейтлин петляет между полок и выбирает себе обувь с такой энергией и сосредоточенностью, которые обычно ассоциируются с профессиональными шахматами. Я вроде как хотела достать *Полуночные рассветы* и немного почитать, но понимала, что это было бы грубо, так что я просто смотрела на Кейтлин. Время от времени она подкатывала ко мне с зажатой в руках добычей (с закрытым носком) и спрашивала: «А эти?», и я старалась сделать умный комментарий об обуви, а потом она купила три пары, а я свои шлепанцы, и, выйдя из магазина, она спросила:

- Теперь в Антрополоджи?

- На самом деле мне пора домой, - сказала я. - Я немного устала.

- Конечно, - согласилась она. - Нам нужно чаще видиться, дорогая. - Она положила руки ко мне на плечи, поцеловала меня в обе щеки и ушла, рассекая воздух узкими бедрами.

Вообще-то, домой я не пошла. Я сказала маме забрать меня в шесть, и, пока она, как я думаю, либо где-то в молле, либо на парковке, у меня есть пара часов для себя.

Мама мне нравилась, но ее постоянная близость иногда заставляла меня причудливо нервничать. И Кейтлин мне тоже нравилась. Правда, нравилась. Но после трех лет, проведенных без постоянных школьных контактов с моими ровесниками, я почувствовала некоторую непреодолимую дистанцию между нами. Я думаю, что мои школьные друзья хотели помочь мне пройти через рак, но в конечном счете они поняли, что не могут. Вообще-то, в данном случае не было *через*.

Так что я ушла под предлогом боли и усталости, как я часто делала в последние годы при встрече с Кейтлин или другими моими старыми друзьями. По правде говоря, больно было всегда. Всегда было больно не дышать как нормальный человек, постоянно напоминая легким, что они легкие, заставляя себя принять как неразрешимую царапающую и скребущую изнутри жажду по кислороду. Если быть точной, я не лгала. Я просто выбирала одну из правд.

Я нашла скамейку среди Ирландских сувениров, Ярмарки авторучек и магазинчика с бейсбольными кепками - в уголке молла, куда даже Кейтлин никогда не занесет - и начала читать *Полуночные рассветы*.

Эта книга обладала пропорцией предложений к трупам примерно один к одному, и я глотала ее не поднимая глаз. Мне нравился старший сержант Макс Хаос, даже несмотря на то, что у него не было, скажем, технически

проработанной индивидуальности, но мне очень нравилось то, что его приключения *продолжались*. Всегда было кого убить (плохие парни) и кого спасти (хорошие парни). Новые войны начинались даже до того, как выигрывались старые. Я не читала подобных серий с тех пор, как была ребенком, и это было захватывающе, снова жить в бесконечной фантазии.

За двадцать страниц до конца *Полуночных рассветов* дела Хаоса пошли неважно: он получил семнадцать ранений, пытаюсь спасти (американца, блондина) заложника Врага. Но как читатель, я не отчаивалась. Война может продолжаться и без него. Могут быть – и будут – сиквелы о его соратниках: младшем сержанте Мэнни Локо, и рядовом Джаспере Джеке, и других.

Я почти заканчивала читать, когда маленькая девочка с косичками и в берете появилась передо мной и спросила:

- А что это в твоём носу?

И я ответила:

- Эмм, это называется канюля. Эти трубочки дают кислород и помогают мне дышать. – Тут налетела ее мама и осуждающе позвала: «Джеки!», но я сказала: - Нет-нет, все в порядке, - потому что так и было, и затем Джеки спросила:

- А мне они тоже помогут дышать?

- Не знаю. Давай попробуем. – Я сняла трубки и позволила Джеки засунуть канюлю в нос, чтобы подышать.

- Щекотно, - сказала она.

- Точно.

- Мне кажется, я лучше дышу, - сказала она.

- Да?

- Ага.

- Ну, - сказала я, - хотела бы я отдать тебе канюлю, но мне вроде как очень нужна помощь. – Недостаток уже чувствовался. Я сфокусировалась на дыхании, пока Джеки протягивала трубки обратно мне. Я быстро протерла их о

футболку, поместила за уши и вернула концы трубок на место.

- Спасибо, что дала попробовать, - сказала она.
- Без проблем.

«Джеки!», - опять сказала ее мать, и в этот раз я отпустила ее.

Я вернулась к книге, где старший сержант Макс Хаос сожалел, что у него всего одна жизнь, которую можно отдать за свою страну, но я продолжала думать об этой маленькой девочке, и как она мне понравилась.

Еще одна проблема с Кейтлин была, я думаю, в том, что я больше никогда не почувствую себя естественно, говоря с ней. Любые попытки симулировать нормальное социальное взаимодействие просто вгоняли меня в депрессию, потому что это было так ослепительно ясно, что все, с кем я буду говорить до конца жизни, будут чувствовать себя нелепо и смущаться, кроме, разве что, детей вроде Джеки, которые просто не знают подробностей.

В любом случае, мне очень нравилось быть одной. Мне нравилось быть наедине с бедным старшим сержантом Максом Хаосом, который - ой, подождите, неужели он собирается *выжить* после этих семнадцати пулевых ранений?

(Внимание, спойлер: он выживает).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Той ночью я пошла спать довольно рано, переодевшись в мужские боксеры и футболку перед тем, как залезть под одеяло в мою огромную кровать, которая была завалена подушками и вообще служила моим любимым местом в мире. А затем я начала читать *Высшее страдание* в миллионный раз.

ВС – это книга о девушке Анне (от лица которой ведется рассказ) и ее одноглазой маме, профессиональном садовнике, одержимой тюльпанами, и они живут нормальной жизнью низов среднего класса в маленьком городке центральной Калифорнии, пока Анна не заполучает редкий вид рака крови.

Но это не *книга о раке*, потому что книги о раке – полной отстой. Например, в книгах о раке онкологический больной основывает благотворительный фонд, чтобы помогать сражаться с раком, правильно? И эта приверженность благотворительности напоминает больному о неотъемлемой доброте человечества и заставляет его/ее почувствовать себя любимым и вдохновленным, потому что он/а оставит после себя наследие для излечения рака. Но в *ВС* Анна решает, что основать фонд для борьбы с раком будучи больной раком попахивает нарциссизмом, так что она открывает Фонд Анны для больных раком, которые хотят победить холеру.

Также, Анна честна так, как никто другой: на протяжении всей книги она называет себя *побочным эффектом*, что совершенно правильно. Дети, больные раком, по существу являются побочным эффектом безжалостной мутации, которая сделала возможной многообразие жизни на земле. В ходе повествования Анне становится все тяжелее, лекарства и болезнь соревнуются, кто скорее убьет ее, а ее мама влюбляется в голландского торговца тюльпанами, которого Анна называет Голландец с

тюльпанами. У Голландца с тюльпанами много денег и еще больше эксцентричных идей о том, как излечить рак, но Анна думает, что он может быть аферистом, да и вообще даже не голландцем, и когда мама и предполагаемый голландец собираются пожениться, а Анна скоро начнет новое лечение, включающее в себя пырей и малые дозы мышьяка, книга заканчивается прямо в середине предло

Я знаю, что это очень *литературное* решение, и, возможно, одна из причин, по которым я так люблю эту книгу, но положительно отзываются обычно об историях, которые *имеют конец*. А если они не могут закончиться, то должны по крайней мере бесконечно продолжаться, как приключения взвода старшего сержанта Макса Хаоса.

Я понимала, что история закончилась, потому что Анна умерла или стала слишком плохо себя чувствовать, чтобы писать, и это незаконченное предложение должно отразить, как жизнь на самом деле кончается и все такое, но были и другие герои книги, кроме Анны, и казалось нечестным, что я никогда не узнаю, что случилось с ними. Я написала (через его издателя) десятки писем Питеру Ван Хаутену, каждое из которых требовало рассказа о том, что произойдет после конца истории: действительно ли Голландец с тюльпанами мошенник, выйдет ли мама Анны за него замуж, что случится с тупым хомячком Анны (которого ее мама ненавидит), закончат ли друзья Анны старшую школу, и остальное. Но он не ответил ни на одно из них.

ВС было единственной книгой, которую написал Питер Ван Хаутен, и все, что было известно о нем, это то, что после выхода книги он переехал из Соединенных Штатов в Нидерланды и стал вроде отшельника. Я представляла себе, что он работает над продолжением к своему роману: может, мама Анны и Голландец с тюльпанами поженились и переехали в Голландию, пытаясь начать там новую жизнь. Но прошло десять лет с

выхода *Высшего страдания*, а Ван Хаутен не опубликовал даже поста в блоге. Я не могла ждать вечно.

Когда я перечитывала книгу в эту ночь, я постоянно отвлекалась, представляя, как Август Уотерс читает те же слова, что и я. Я думала, нравятся ли они ему, или он отвергает их как слишком претенциозные. Я вспомнила, что обещала позвонить после прочтения *Цены рассвета*, нашла его номер на обложке книги и отправила смс:

Рецензия на Цену рассвета: слишком много трупов, слишком мало прилагательных. Как ВС?

Он ответил минутой позже:

Как я помню, ты обещала позвонить, а не написать.

Так что я позвонила.

- Хейзел Грейс, - сказал он сразу, как поднял трубку.
- Так ты прочел ее?
- Ну, еще не закончил. 651 страница, а у меня было только двадцать четыре часа.
- Где ты сейчас?
- На 453.
- И?
- Я придержу свое мнение до конца книги. Однако я могу сказать, что мне стыдно за то, что я дал тебе *Цену рассвета*.
- Не надо. Я уже читаю *Реквием по Хаосу*.
- Блестящее дополнение к серии. Ну ладно, этот с тюльпанами, он мошенник? Какой-то неприятный тип.
- Без спойлеров, - сказала я.
- Если он что-то кроме настоящего джентльмена, я ему глаза выдолблю.
- Так значит, тебе нравится.
- Придерживаю мнение! Когда мы можем увидеться?

- Точно после того, как ты прочтешь *Высшее страдание*, - мне нравилось быть недотрогой.
- Тогда лучше я повешу трубку и продолжу читать.
- Точно, - сказала я, и связь прервалась без единого слова.

Флиртовать было чем-то новым для меня, но мне нравилось.

Следующим утром у меня была лекция в МКК по американской поэзии двадцатого века. Эта старушка-лектор умудрилась проговорить 90 минут о Сильвии Плат, ни разу не процитировав ни единого ее слова.

Когда я вышла из здания, мама уже стояла у бордюра напротив него.

- Ты что, просто прождала здесь все это время? - спросила я, когда она поторопилась помочь мне затащить тележку и баллон в машину.

- Нет, я забрала одежду из чистки и съездила на почту.
- А потом?
- У меня с собой была книга, - ответила она.
- И это *мне* нужно начать жить, - улыбнулась я, и она попыталась улыбнуться в ответ, но получилось слабовато. Через мгновение, я предложила: - Не хочешь сходить в кино?

- Конечно. Есть что-то, что ты хочешь посмотреть?
- Давай сделаем как обычно: когда мы просто идем на ближайший сеанс.

Она закрыла дверцу с моей стороны и обошла машину, чтобы сесть на водительское сиденье. Мы доехали до кинотеатра Каслтон и посмотрели фильм в 3D о говорящих грызунах. Вообще-то, было даже смешно.

Когда мы вышли из кинотеатра, я проверила телефон и увидела четыре смс-ки от Августа.

Скажи, что в моей копии не достает последних двадцати страниц.

Хейзел Грейс, скажи мне, что это не конец книги.

О БОЖЕ ОНИ ЖЕНЯТСЯ ИЛИ КАК О БОЖЕ ЧТО ЭТО

Так что, Анна умерла и это конец? ЖЕСТЬ. Позвони как сможешь. Надеюсь, все в норме.

Когда мы были дома, я вышла на задний двор, села в ржавеющее решетчатое кресло и позвонила ему. Было облачно, типичная Индиана: погода, которая закрывает тебя в четырех стенах. Над нашим маленьким задним двором возвышались мои детские качели, которые выглядели мокрыми и жалкими.

Август взял трубку после третьего гудка.

- Хейзел Грейс, - сказал он.

- Ну что ж, добро пожаловать на сладкую пытку чтения *Вышего*... - я остановилась, когда услышала неистовые рыдания на другом конце провода. - Ты в порядке? - спросила я.

- Я прекрасно, - ответил Август. - Чего не скажешь об Айзеке, который, кажется, находится в стадии декомпенсации¹. - Завывания продолжились. Это было похоже на предсмертные крики раненого животного. Гас обратил свое внимание на Айзека: - Чувак. Чувак. Тебе с Хейзел из Группы поддержки будет лучше или хуже? Айзек! Сконцентрируйся. На. Мне. - Через пару секунд Гас спросил: - Ты можешь навестить нас у меня дома через, скажем, минут двадцать?

- Конечно, - сказала я и повесила трубку.

¹ Декомпенсация - нарушение работы органа или всего организма, связанное с исчерпанием его возможностей.

Если бы можно было по прямой доехать от меня до Августа, это заняло бы минут пять, но по прямой ехать не получится, потому что между нашими домами находится Холлидей Парк.

Даже несмотря на то, что он был географическим неудобством, мне очень нравился Холлидей Парк. Когда я была маленькой, мы с моим папой частенько переходили вброд Белую реку и всегда устраивали ту здоровскую штуку, когда папа бросал меня в воздух, одновременно немного отталкивая в сторону, а я вытягивала руки, будто летела, и он тоже вытягивал свои, и тут мы понимали, что наши руки не встретятся, и оба пугались до чертиков самым прекрасным образом, а затем я падала в воду, молотя ногами, после чего невредимая возвращалась на поверхность глотнуть воздуха и кричала: «Еще, папа, еще!», пока течение относило меня обратно к нему.

Я подъехала к дому и остановилась рядом со старой черной Тойотой, которая, как я поняла, была машиной Айзека. Везя за собой баллон, я дошла до двери и постучала. Открыл папа Гаса.

- Просто Хейзел, - сказал он. - Рад тебя видеть.

- Август сказал, что я могу зайти.

- Да, они с Айзеком внизу. - В этот момент с нижнего этажа донесся вой. - Это, наверное, Айзек, - сказал отец Гаса и медленно покачал головой. - Синди уехала покататься. Эти звуки... - не договорил он. - Ну ладно, думаю, тебя ждут. Мне понести твой, эээ, баллон? - спросил он.

- Не, все нормально. Спасибо, мистер Уотерс.

- Марк, - сказал он.

Мне было немного страшно идти вниз. Слушать чьи-то страдальческие завывания не входит в список моих любимых способов провести время. Но я спустилась.

- Хейзел Грейс, - сказал Август, когда услышал мои шаги. - Айзек, Хейзел из Группы поддержки спускается к

нам. Хейзел, позволю себе напомнить, что Айзек находится в разгаре психотического эпизода.

Август и Айзек сидели в креслах, выгнутых в форме ленивых букв L, перед колоссальным телевизором. Экран был поделен между точкой зрения Айзека слева и Августа справа. Они были солдатами, сражающимися в разбомбленном современном городе. Я узнала место действия из *Цены рассвета*. Когда я подошла ближе, я не увидела ничего необычного: просто два парня притворяются, что убивают людей, сидя в сиянии огромного телика.

Только когда я достаточно приблизилась, я увидела лицо Айзека. Постоянный поток слез, устремляющийся по натянутой маске боли через покрасневшие щеки. Он уставился в телевизор, не отрываясь даже чтобы взглянуть на меня, и выл, одновременно колотя по своему джойстику.

- Как ты, Хейзел? – спросил Август.

- Я в норме, - ответила я. – Айзек? – ответа я не получила. Ни малейшего намека, что он подозревал о моем присутствии. Только слезы, стекающие по лицу на его черную футболку.

Август на секунду оторвался от экрана.

- Классно выглядишь, - сказал он. На мне было платье чуть ниже колена, которое я носила лет сто подряд.

- Девушки считают, что платья полагаются только для официальных приемов, но я из тех женщин, которые скажут: *Я собираюсь навестить парня в состоянии нервного срыва, который, к тому же, едва поддерживает хрупкую связь со своим чувством зрения, и черт возьми, я надену платье для него*. И все же, - сказала я, - Айзек на меня даже не взглянет. Слишком влюблен в Монику, наверное. – Эта фраза привела к катастрофическому всплеску рыданий.

- Щекотливая тема, - объяснил Август. – Айзек, не знаю как у тебя, но у меня такое чувство, что нас обходят с фланга. – И снова мне: - Пары Айзек-Моника больше не

существует, но он не хочет говорить об этом. Он просто хочет рыдать и играть в Карательную миссию 2: Цену рассвета.

- Неплохой вариант, - сказала я.

- Айзек, мое беспокойство по поводу нашего расположения нарастает. Если ты согласен, двигайся к той электространии, а я прикрою тебя. – Айзек побежал по направлению к не поддающемуся описанию зданию, пока Август, следуя за ним, короткими очередями свирепо разряжал автомат. – В любом случае, - продолжил Август, обращаясь ко мне, - никто не запрещает *поговорить* с ним. Если у тебя найдутся мудрые слова женского совета.

- На самом деле, я думаю, что его ответ горю вполне адекватен, - сказала я, в то время как пулеметная очередь Айзека уничтожила вражеского солдата, высунувшего голову из-за сгоревшего каркаса грузовика.

Август кивнул экрану.

- Боль требует, чтобы ее прочувствовали, - процитировал он *Высшее страдание*. – Ты уверен, что за нами никого нет? – спросил он Айзека. Через мгновение над их головами начали свистеть трассирующие пули¹. – Черт побери, Айзек, - сказал Август. – Не хочу критиковать тебя в момент великой слабости, но ты позволил нам быть окруженными с флангов, и теперь нет ничего между террористами и школой. – Герой Айзека зигзагами побежал по направлению к огню по узкому переулку.

- Вы могли бы перейти через мост и сделать круг назад, - напомнила я о тактике, которую узнала благодаря *Цене рассвета*.

Август вздохнул:

- К сожалению, мост уже под контролем мятежников благодаря сомнительной стратегии моего лишенного ума соратника.

¹ Трассирующие снаряды светятся в полете и оставляют за собой дымный след.

- Благодаря мне? – возмутился Айзек хриплым голосом. – Мне?? Это ты предложил спрятаться в чертовой электростанции!

Гас на секунду отвернулся от экрана, чтобы озарить Айзека своей кривоватой улыбкой:

- Я знал, что ты можешь говорить, дружище. А теперь давай спасем несуществующих школьников.

Вместе они побежали дальше по переулку, стреляя или прячась в нужный момент, пока не достигли одноэтажного здания школы, состоящей из одной комнаты. Они прижались к земле у стены через улицу и отстреливали врагов одного за другим.

- Почему они хотят пробраться в школу? – спросила я.

- Они хотят взять детей в заложники, - ответил Август. Он сгорбился над джойстиком, ударяя по кнопкам. Его предплечья были напряжены, вены на руках вздулись. Айзек наклонился к экрану, джойстик танцевал в его руках с тонкими пальцами. – Получи получи получи, - повторял Август. Волны террористов наступали, и парни косили каждого из них удивительно точными выстрелами, как и было необходимо, иначе они бы попали в школу.

- Граната, граната! – прокричал Август, когда что-то пролетело дугой по экрану, подпрыгнуло у порога и подкатилось к дверям школы.

Айзек разочарованно бросил джойстик:

- Раз эти подонки не могут взять заложников, они просто убьют их и скажут, что это мы сделали.

- Прикрой меня! – крикнул Август и побежал в сторону школы, выпрыгнув из-за укрытия. Айзек не глядя схватил свой джойстик и начал отстреливаться, пока пули дождем сыпались на Августа, в него попали один раз, потом другой, но он все еще бежал, крича «ВАМ НЕ УБИТЬ МАКСА ХАОСА!», и с последним шквалом комбинаций кнопок он опустился на гранату, которая сдетонировала прямо под ним. Его расчлененное тело взорвалось, как гейзер, и экран

стал красным. Гортанный голос произнес: «МИССИЯ ПРОВАЛЕНА», но Август улыбался своим останкам на экране, имея, видимо, кардинально противоположное мнение. Он залез в карман, достал сигарету и засунул ее между зубов.

- Спас детей, - сказал он.

- Временно, - заметила я.

- Любое спасение временно, - возразил Август. – Я подарил им минуту. Может быть, это та минута, которая стоит часа, которого будет достаточно, чтобы приобрести целый год. Никто не подарит им вечность, Хейзел Грейс, но моя жизнь купила им минуту. И это что-то значит.

- Вау, спокойно, - сказала я. – Мы говорим о пикселях.

Он пожал плечами, как будто думал, что игра могла действительно быть реальной. Айзек опять всхлипывал. Август резко повернулся к нему:

- Еще одна миссия, капрал?

Айзек отрицательно покачал головой. Он перегнулся через Августа, чтобы посмотреть на меня, и через туго натянутые связки сказал:

- Она не хотела делать этого *после*.

- Она не хотела бросать слепого парня, - сказала я. Он кивнул, его слезы были похожи на тихий метроном – равномерные, бесконечные.

- Она сказала, что не вынесет этого, - сказал он мне. – Я скоро потеряю зрение, и *она* не сможет этого вынести.

Я думала о слове *вынести* и всех невыносимых вещах, которые все-таки *выносят* люди.

- Я сожалею, - сказала я.

Он вытер лицо рукавом. За очками глаза Айзека казались такими большими, что все остальное на его лице будто исчезало, и только его висящие в воздухе бестелесные глаза уставились на меня: один настоящий, другой стеклянный.

- Это неприемлемо, - сказал он мне. – Это совершенно неприемлемо.

- Ну, если говорить начистоту, - сказала я, - она действительно *не может* вынести этого. Ты тоже, но я хочу сказать, что ей *не нужно* это выносить. А тебе придется.

- Я все говорил ей «навсегда», «навсегда навсегда навсегда», а она продолжала перебивать меня и не отвечала мне тем же. Мне казалось, что я уже исчез, понимаешь? «Навсегда» было обещанием! Как можно просто взять и нарушить обещание?

- Иногда люди не понимают, что за обещания они дают, - сказала я.

Айзек взглянул на меня:

- Да, конечно. Но все равно держат их. *Вот* что такое любовь. Любовь – это держать обещание несмотря ни на что. Ты разве не веришь в настоящую любовь?

Я не ответила. У меня не было ответа. Но я подумала, что если настоящая любовь *действительно* существовала, это было достаточно хорошее определение для нее.

- Ну а я верю в настоящую любовь, - сказал Айзек. – И я люблю ее. И она пообещала. *Она обещала мне любовь навсегда.* – Он поднялся и сделал шаг по направлению ко мне. Я двинулась вперед, подумав, что, может, он хочет обняться или что-то еще, но он просто обернулся вокруг себя, будто забыл, зачем вообще вставал, а затем мы с Августом увидели эту ярость в его лице.

- Айзек, - сказал Гас.

- Что?

- Ты выглядишь немного... Извини за каламбур, друг мой, но есть что-то меня беспокоящее в твоих глазах.

Внезапно Айзек начал колошматить кресло, в котором до этого сидел, и отправил его в сальто по направлению к кровати Гаса.

- Вот оно, - сказал Август. Айзек погнался за креслом и пнул его снова. – Ага, - сказал Август. – Давай. Выбей всю

дурь из этого кресла! – Айзек ударил кресло еще раз, пока оно не отпрыгнуло от кровати Гаса, и тут он схватил подушку и начал ударять ею по стене между кроватью и полкой с трофеями над ней.

Август посмотрел на меня, все еще с сигаретой во рту, и наполовину улыбнулся.

- Не могу перестать думать об этой книге.

- Понимаю.

- Он так и не сообщил, что происходит с остальными персонажами?

- Нет, - сказала я ему. Айзек все еще душил стену подушкой. – Он переехал в Амстердам, это дало мне смутную надежду на то, что он пишет продолжение про Голландца с тюльпанами, но он ничего не публиковал. Он никогда не дает интервью. Он не появляется в сети. Я написала ему кучу писем с вопросами о том, что случается с героями, но он так и не ответил, так что... ну да. – Я замолчала, потому что Август, казалось, меня не слушал. Вместо этого он косо поглядывал на Айзека.

- погоди, - пробормотал он в мою сторону. Он подошел к Айзеку и схватил его за плечи. – Чувак, подушки не ломаются. Попробуй что-то, что можно разбить.

Айзек дотянулся до баскетбольного трофея на полке над кроватью и занес его над головой, будто ожидая разрешения.

- Да, - сказал Август. – Да! – Трофей разбился об пол, рука пластикового баскетболиста отлетела, все еще держа мяч. Айзек топнул по трофею. – Да! – сказал Август. – Давай!

А затем обратился ко мне:

- Я пытался найти способ, как объяснить моему отцу, что я на самом деле вроде как ненавижу баскетбол, и я думаю, что наконец нашел его. – Трофеи летели на пол один за другим, Айзек прыгал на них и кричал, пока Август и я стояли в паре метров от него, свидетели безумства. Бедные покалеченные тела пластиковых баскетболистов усыпали

ковер: тут мяч, схваченный бестелесной рукой; там две руки, выходящие из ниоткуда, тянущиеся к кольцу. Айзек продолжал атаковать трофеи, прыгая на них обеими ногами, крича, задыхаясь, потея, пока, в конце концов, он не опустился, обессиленный, на груды зазубренных останков.

Август сделал шаг в его сторону и посмотрел на него.

- Стало лучше? – спросил он.
 - Нет, - пробормотал Айзек. Грудь его ходила ходуном.
 - Это фишка боли, - сказал Август, и взглянул на меня.
- Она требует, чтобы ее прочувствовали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

С Августом я не разговаривала около недели. Я звонила ему в Ночь разбитых трофеев, так что по традиции была его очередь звонить. Но он этого не сделал. Я бы не сказала, что теперь я паялилась на свой телефон, зажатый во вспотевшей руке, дни напролет, одетая в мое Особенное желтое платье, и терпеливо ждала, пока мой джентльмен оправдает это звание. Я занималась своими делами: один раз выпила кофе с Кейтлин и ее парнем (симпатичным, но, если честно, не дотягивающим до Августа); ежедневно глотала мою дозу Фаланксифора; трижды посетила занятия в МКК; каждый вечер ужинала с мамой и папой.

Воскресным вечером на ужин была пицца с зеленым перцем и брокколи. Мы сидели вокруг маленького круглого стола на кухне, когда мой телефон начал звонить, но мне нельзя было взять его (никаких-телефонов-за-ужином).

Я немного поела, пока родители обсуждали землетрясение, только что произошедшее на территории Папуа – Новой Гвинеи. Они познакомились в Корпусе мира в Новой Гвинее, так что как только там что-либо происходило, даже что-то ужасное, они внезапно переставали быть крупными оседлыми существами, но снова становились теми, кем были когда-то – молодыми, идеалистичными, самодостаточными и сильными духом людьми. Восхищены они в этот момент были настолько, что даже не смотрели на меня, пока я поела гораздо быстрее, чем обычно, перемещая еду с тарелки в рот со скоростью, которая чуть не заставила меня задохнуться и одновременно начать беспокоиться, что легкие мои снова плавали в наполняющемся бассейне. Я отогнала эту мысль, насколько смогла. У меня ПЭТ¹ была назначена через пару

¹ ПЭТ – Позитронно-эмиссионная томография – метод трехмерной диагностики функциональных процессов внутренних органов. Пациенту вводится безопасная доза радиоактивного

недель, так что я все равно скоро узнаю, если что-то не так. Беспокойство сейчас ничем не поможет.

И все равно я нервничала. Мне нравилось быть человеком. Я хотела бы оставаться им. Хотя беспокойство – это еще один побочный эффект умирания.

Наконец, я покончила с ужином и спросила: «Могу я выйти из-за стола?». Они едва ли сделали паузу в их беседе о силах и слабостях гвинейской инфраструктуры. Я вытащила телефон из сумочки, лежащей здесь же, на кухне, и проверила последние вызовы. *Август Уотерс*.

Я вышла через заднюю дверь в сумерки. На глаза мне попались мои качели, и я подумала дойти до них и покачаться, пока я говорю с ним, но они показались мне стоящими очень далеко, учитывая, что *ужин* утомил меня.

Вместо этого, я легла на траву в уголке внутреннего дворика, посмотрела на Орион, единственное созвездие, которое я смогла найти, и позвонила ему.

- Хейзел Грейс, - сказал он.
- Привет, - сказала я. – Как ты?
- Превосходно, - сказал он. – Я хотел звонить тебе почти каждую минуту, но ждал, пока смогу сформировать логически адекватную идею *ин ре*¹ *Высшего страдания*. (Он сказал «ин ре». Он правда это сделал. О, этот парень).
- И? – спросила я.
- Мне кажется, что... читая эту книгу, я чувствовал себя, будто... будто...
- Будто? – переспросила я, дразня его.
- Будто это был подарок? – сказал он с вопросительной интонацией. – Будто ты подарила мне что-то важное.
- Ого, - тихо вздохнула я.

вещества, и затем фиксируется интенсивность его поглощения в разных участках тела (если обмен изменен или нарушен, тканью накапливается разное количество этого вещества).

¹ *In re* (лат.) – в реальности, в вещах; зд.: что касается

- Глупо, - сказал он. – Извини.
- Нет, - сказала я. – Нет. Не извиняйся.
- Но она не заканчивается.
- Ага, - сказала я.
- Настоящая пытка. Я действительно решил, что она умерла или вроде того.

- Да, я тоже так думаю, - сказала я.
- Ладно, я все понимаю, но есть же какая-то устная договоренность между автором и читателем, и мне кажется, что незаконченная книга вроде как этот контракт разрывает.

- Не знаю, - сказала я, мне вдруг захотелось защитить Питера Ван Хаутена. – Это то, что мне каким-то образом нравится в этой книге. Это правдиво иллюстрирует смерть. Ты умираешь посреди жизни, посреди предложения. Но Боже, мне правда, жутко хочется знать, что случилось с остальными. Я спрашивала у него про это в письмах. Но он, н-да, он никогда не отвечает.

- Ага. Ты сказала, он типа отшельника?
- Точно.
- Невозможно отследить.
- Точно.
- Совершенно недостижимый, - сказал Август.
- К сожалению, да, - сказала я.
- *Уважаемый мистер Уотерс, - ответил он. – Я пишу Вам в благодарность за ваше электронное сообщение, полученное мною через Мисс Флиханхарт шестого апреля из Соединенных Штатов Америки, при условии что возможно так сказать с географической точки зрения в эпоху нашей триумфально оцифрованной современности.*

- Август, какого черта?
- У него есть ассистентка, - сказал Август. – Лидевидж Флиханхарт. Я нашел ее. Я написал ей. Она передала ему емейл. Он ответил через ее электронный ящик.
- Хорошо, хорошо. Продолжай читать.

- Мой ответ написан чернилами на бумаге, в славной традиции наших предков, а затем переведен Мисс Флиханхарт в цепочку единиц и нулей, дабы отправить его через пресную сеть, не так давно опутавшую наш вид, так что я приношу свои извинения за любые ошибки или недоразумения, к которым это может привести.

Учитывая ту вакханалию развлечений, которая находится в распоряжении молодых людей и девушек Вашего поколения, я благодарен любому человеку в любом месте мира, который выделил необходимое для прочтения моей небольшой книги время. Но я особенно признателен Вам, сэр, не только за добрые слова о Высшем страдании, но и о том, что Вы нашли время сказать мне, что моя книга, и здесь я процитирую Ваши собственные слова, «значила уйму всего» для Вас.

Этот комментарий, все же, наталкивает меня на размышления: что Вы имели в виду под словом «значить»? Принимая во внимание тщетность нашей борьбы, является ли ценным именно мимолетный толчок значимости, который искусство дарит нам? Или единственной целью является как можно более комфортное проведение времени? Что должно имитировать произведение, Август? Сигнал тревоги? Призыв к оружию? Каплю морфия? Конечно же, как и любое вопрошение во Вселенной, это приводит нас к размышлению о том, что значит быть человеком, и, заимствуя выражение у шестнадцатилетней молодежи, обремененной экзистенциальной тревогой, «есть ли в этом какой-то смысл».

Я боюсь, мой друг, что смысла нет, и что Вы едва ли получите какое-то ободрение от дальнейших встреч с моим творчеством. Но ради того, чтобы ответить на Ваш вопрос: нет, я ничего более не писал, и не собираюсь. У меня нет ощущения, что если я продолжу делиться своими мыслями с читателями, кто-либо из нас извлечет из этого пользу. Еще раз благодарю Вас за великодушное письмо.

Искренне Ваш, Питер Ван Хаутен, через Лидевидж Флиханхарт.

- Вау, - сказала я. – Ты все это придумал?
- Хейзел Грейс, способен ли я, с моими скудными интеллектуальными способностями, придумать письмо от Питера Ван Хаутена, включающее такие выражения, как «наша триумфально оцифрованная современность»?
- Не способен, - подтвердила я. – Можно... можно мне электронный адрес?
- Конечно, - спокойно сказал Август, будто бы это не был самый лучший на свете подарок.

Следующие два часа я провела за сочинением е-мейла Питеру Ван Хаутену. Письмо, кажется, становилось хуже каждый раз, когда я его переписывала, но остановиться я не могла.

Уважаемый Мистер Питер Ван Хаутен
(через Лидевидж Флиханхарт),

Меня зовут Хейзел Грейс Ланкастер. Мой друг Август Уотерс, который прочитал *Высшее страдание* по моему совету, только что получил от вас е-мейл с этого адреса. Я надеюсь, вы не против, что Август поделился письмом со мной.

Мистер Ван Хаутен, я поняла из вашего письма Августу, что вы не собираетесь больше печатать ни одной книги. С одной стороны, я разочарована, но я также почувствовала облегчение: мне не нужно будет беспокоиться, будет ли ваша следующая книга соответствовать изумительному совершенству самой первой. Как человек, уже три года живущий с раком IV стадии, я могу сказать, что вы все правильно уловили в *Высшем страдании*. Или, по крайней мере, вы *поймали*

меня. Ваша книга каким-то образом объясняет мне, что я чувствую, еще до того, как я почувствую это, и я перечитывала ее десятки раз.

Все же, мне интересно, не ответите ли вы на пару вопросов, которые у меня есть по поводу того, что происходит после конца романа. Я понимаю, что книга заканчивается, потому что Анна умирает или становится слишком больной, чтобы писать, но мне бы очень хотелось узнать, что случится с мамой Анны: выйдет ли она замуж за Голландца с тюльпанами, будет ли у нее другой ребенок, останется ли она жить по адресу Зап. Темпл, 917, и т.д. Также, действительно ли Голландец с тюльпанами любит Анну и ее маму, или он мошенник? Что случится с друзьями Анны, особенно с Клэр и Джейком? Они останутся вместе? И последнее – я думаю, что это один из глубоких и содержательных вопросов, которые, как вы всегда надеялись, вам зададут ваши читатели, – что станет с хомячком Сизифом? Эти вопросы мучали меня годами, и я не знаю, сколько мне еще осталось, чтобы получить на них ответы.

Я знаю, что это не очень важные вопросы в литературном плане, и что ваша книга полна важных литературных вопросов, но мне просто очень хотелось бы знать.

И конечно, если вы когда-либо решите написать что-либо еще, даже если вы не захотите это опубликовать, я хотела бы прочесть это. Честное слово, я бы читала ваши списки покупок.

С глубоким восхищением,
Хейзел Грейс Ланкастер (16 лет)

После того, как я отправила письмо, я перезвонила Августу, и мы допоздна болтали о *Высшем страдании*, и я

прочла ему стихотворение Эмили Дикинсон¹, которое Ван Хаутен использовал для названия, и он сказал, что у меня хороший голос для чтения вслух, и что я делала не слишком большие паузы между строками, а затем он сказал мне, что шестая книга из серии *Цена рассвета, Одобрение крови*, начинается с цитаты из стихотворения. С минуту он искал книгу, и наконец прочел мне.

- *И жизнь твоя разбита. Последний поцелуй / Твой был давным-давно.*²

- Неплохо, - сказала я. - Немного претенциозно. Думаю, Макс Хаос сказал бы, что это «слащавое дерьмо».

- Да, через сжатые зубы, без сомнения. Боже, Хаос так часто скрежещет зубами в этих книгах. Он себе челюсть свернет, если переживет все битвы. - И через секунду, Гас спросил: - Когда был твой последний поцелуй?

Я подумала об этом. Все мои поцелуи - это было перед диагнозом - были неудобными и слюнявыми, и это всегда было похоже на детей, которые представляют себя взрослыми. Конечно, это было лет сто назад.

- Давным-давно, - наконец сказала я. - А твой?

- У меня было несколько неплохих поцелуев с моей бывшей девушкой, Кэролайн Мэтэрс.

- Давным-давно?

¹ Эмили Дикинсон - американская поэтесса 19 века, стихи которой не имеют аналогов в современной ей поэзии.

Преобладающие мотивы - смерть и бессмертие.

Название книги Питера Ван Хаутена - *An Imperial Affliction*, это строка из стихотворения Эмили Дикинсон *There's a certain slant of light*. В этом произведении Дикинсон говорит о ранящих душу попытках определить наше предназначение в этом мире, это «высшее страдание», которое накладывает на нас судьба.

² Richard Hugo, *Degrees of Gray in Philipsburg*, 1984

Ричард Хьюго - американский поэт 20 века, знаменит за изображение унылой жизни заброшенных городишек и фальши человеческого существования.

- Последний раз был меньше года назад.
- Что случилось?
- Во время поцелуя?
- Нет, между тобой и Кэролайн.
- Ох, - сказал он. – Кэролайн больше не страдает от индивидуальности.

- Ох, - сказала я.
- Ага, - сказал он.
- Мне очень жаль, - сказала я. Конечно, я когда-то знала кучу мертвых людей. Но ни с одним из них не встречалась. Я не могла такого даже представить.

- Это не твоя вина, Хейзел Грейс. Мы все просто побочный эффект, правильно?

- Ракушки на днище корабля коллективного сознания, - сказала я, цитируя *ВС*.

- Хорошо, - сказал он. – Мне нужно идти спать. Почти час ночи.

- Хорошо, - сказала я.

- Хорошо, - сказал он.

Я хихикнула и сказала:

- Хорошо.

А затем в трубке стояла тишина, но не мертвая. Я практически чувствовала его рядом со мной, но даже лучше, будто бы я не была в своей комнате, и он не был в своей, но вместо этого мы вместе были в каком-то невидимом и неуловимом третьем пространстве, в которое можно попасть только по телефону.

- Хорошо, - сказал он после долгой паузы. – Может, *хорошо* будет нашим *навсегда*.

- Хорошо, - сказала я.

И Август в конце концов повесил трубку.

Питер Ван Хаутен ответил на письмо Августа через четыре часа после того, как тот отправил его, но мне он не ответил даже два дня спустя. Август уверял меня, что это

потому, что мой е-мейл был лучше и требовал более обдуманного ответа, и что Ван Хаутену требовалось время, чтобы ответить на мои вопросы в его блестящей прозе. Но я все равно волновалась.

В среду, во время урока американской поэзии для чайников, я получила смс от Августа:

Айзек перенес операцию. Все хорошо. Он официально НПР.

НПР означало «никаких признаков рака». Через несколько секунд пришла вторая смс:

То есть, он ослеп. Вот это уже прискорбно.

В тот день мама решила одолжить мне машину, чтобы я смогла навестить Айзека в Мемориале.

Я нашла его палату на пятом этаже, постучала, хотя дверь была открыта, и женский голос сказал: «Войдите». Это была медсестра, которая что-то делала с повязкой на глазах Айзека.

- Привет, Айзек, - сказала я.

А он спросил:

- Мони?

- Ох, нет, извини. Это... Хейзел. Хейзел... из Группы поддержки. Ночь разбитых трофеев?..

- Ох, - сказал он. - Мне постоянно говорят, что остальные чувства улучшатся в компенсацию, но ОПРЕДЕЛЕННО НЕТ ЕЩЕ. Привет, Хейзел из Группы поддержки. Подойди ко мне, чтобы я смог ощупать твое лицо руками и увидеть твою душу глубже, чем это смог бы сделать человек, обладающий зрением.

- Он шутит, - сказала медсестра.

- Да, - сказала я. - Я понимаю.

Я сделала несколько шагов по направлению к кровати. Пододвинула стул и села, потом взяла его за руку.

- Эй, - позвала я.
- Эй, - сказал он в ответ. Потом ничего.
- Как ты себя чувствуешь? – спросила я.
- Нормально, - сказал он. – Я не знаю.
- Не знаешь что? – спросила я. Я смотрела на его руку, потому что не хотела смотреть на лицо, ослепленное повязкой. Айзек грыз ногти, и я увидела немного крови возле кутикулы.

- Она ни разу не пришла, - сказал он. – Я хочу сказать, мы были вместе четырнадцать месяцев. Четырнадцать месяцев это долгий срок. Господи, как больно-то. – Айзек отпустил мою руку, чтобы нащупать грушу, нажатие на которую посылает к тебе волну наркотиков.

Медсестра, закончив с повязками, повернулась к Айзеку.

- Прошел только день, Айзек, - сказала она слегка покровительски. – Дай себе время выздороветь. И четырнадцать месяцев это не так много, по большому счету. Ты только начинаешь жить, приятель. Увидишь.

Медсестра вышла.

- Ее уже нет?

Я кивнула, но потом поняла, что он не мог этого видеть.

- Ага, - подтвердила я.
- Я увижу? Серьезно? Она действительно так сказала?
- Качества хорошей медсестры, поехали, - сказала я.
- Первое: не напоминает о твоей беспомощности, - сказал Айзек.

- Второе: берет кровь с первой попытки, - сказала я.

- Точно, это охренеть как важно. Мне всегда кажется, что они спутали мою руку с мишенью для игры в дартс. Третье: никакой снисходительности.

- Как ты поживаешь, дорогуша? – сказала я сахарным голосом. – Сейчас я уколою тебя иголкой. Ничего страшного, будто комарик укусит.

- Неужели моей лапулечке бо-бо? – подхватил он. Но через секунду сказал: - На самом деле, есть много добрых. Но мне чертовски хочется убраться отсюда.

- Отсюда – в смысле из больницы?

- И это тоже, - сказал он. Его губы сжались. Я прямо видела боль. – Честное слово, я до хрена больше думаю о Монике, чем о моих глазах. Я сошел с ума? Точно, сошел.

- Немного помешался, - подтвердила я.

- Но я верю в настоящую любовь, понимаешь? Я не верю в то, что всем дано быть зрячими или здоровыми и все такое, но все *обязаны* встретить настоящую любовь, и длиться она должна, по крайней мере, пока длится твоя жизнь.

- Да, - сказала я.

- Иногда мне просто хочется, чтобы всего этого не случилось. Всей этой раковой фигни. – Его речь замедлялась. Лекарства действовали.

- Мне жаль, - сказала я.

- Гас заходил до тебя. Он был здесь, когда я очнулся. Не пошел на учебу. Он... - Его голова немного повернулась в сторону. – Мне лучше, - тихо сказал он.

- Меньше болит? – спросила я. – Он слегка кивнул.

- Хорошо, - сказала я. А затем, как настоящая сволочь, спросила: «Ты что-то говорил о Гасе?», но он уже отключился.

Я спустилась в крошечный сувенирный магазин без окон и спросила дряхлую продавщицу, сидящую на табуретке у кассы, какие цветы пахнут сильнее всего.

- Они все одинаково пахнут. Их обрызгивают СуперАроматом, - ответила она.

- Seriously?

- Да, их просто обливают им.

Я открыла холодильник слева от кассы и понюхала несколько роз, а затем склонилась над гвоздиками. Запах тот же, зато их больше. Гвоздики были дешевле, так что я

взяла десяток желтых. Они стоили четырнадцать долларов. Я вернулась в палату; его мать была там, держала его за руку. Она была молодой и очень симпатичной.

- Ты его подруга? – задала она мне один из этих неумышленно откровенных вопросов, на которые невозможно найти ответ.

- Эээ, да, - сказала я. – Я из Группы поддержки. Это для него.

Она взяла цветы и положила себе на колени.

- Ты знаешь Монику? – спросила она.

Я отрицательно покачала головой.

- Он спит, - сказала она.

- Угу. Я говорила с ним недавно, когда ему меняли повязку или типа того.

- Было невыносимо оставить его одного, но мне нужно было забрать Грэхэма из школы, - сказала она.

- Все хорошо, - сказала я ей. Она кивнула. – Нужно дать ему поспать. – Она кивнула опять. Я ушла.

На следующее утро я встала рано и в первую очередь проверила свой e-мейл.

Наконец-то пришел ответ с адреса *lidewij.vliagenthart@gmail.com*.

Уважаемая Мисс Ланкастер,

Боюсь, что Ваша вера не оправдалась, но впрочем, так обычно и происходит. Я не могу ответить на Ваши вопросы, по крайней мере не через почту, потому что подобные ответы в письменном виде являлись бы продолжением *Высшего страдания*, которое Вы могли бы опубликовать, или же выложить в сеть, которая заменила мозги Вашему поколению. Существует еще телефонная связь, но в этом случае Вы можете записать разговор на пленку. Не то чтобы я Вам не доверял,

конечно, но я Вам не доверяю. Увы, дорогая Хейзел, я мог бы дать ответы на подобные вопросы только лично, однако Вы находитесь там, пока я – здесь.

К слову сказать, я должен признаться, что неожиданное получение Вашей корреспонденции через Мисс Флиханхарт доставило мне огромное удовольствие: это поразительно, знать, что я сделал что-то полезное для Вас, даже если эта книга кажется такой далекой от меня, будто она была написана всецело другим человеком (автор этого романа был таким стройным, хрупким, таким оптимистичным по сравнению со мной!).

Впрочем, если Вы когда-либо будете обретаться в Амстердаме, пожалуйста, навестите меня в свободное время. Обычно я дома. Я бы даже позволил Вам взглянуть на мои списки покупок.

Искренне Ваш,
Питер Ван Хаутен,
через Лидевидж Флиханхарт.

- ЧТО? – закричала я. – ЧТО ЗА ХРЕНЬ?

Вбежала мама.

- Что случилось?

- *Ничего*, - заверила я ее.

Все еще волнуясь, мама склонилась над Филипом, чтобы проверить, достаточно ли он конденсирует кислород. В моем воображении возникло орошенное солнцем кафе и Питер Ван Хаутен, наклонившийся над столиком и говорящий так тихо, чтобы никто больше не услышал правду о том, что случилось с персонажами, в мыслях о которых я провела годы. Он сказал, что может рассказать мне о них *только лично*, а затем *пригласил меня в Амстердам*. Я объяснила это маме, а потом сказала:

- Мне нужно поехать.

- Хейзел, я люблю тебя, и ты знаешь, что я для тебя сделаю все, что угодно, но у нас... у нас нет денег для международного перелета, тем более с перевозом туда оборудования... дорогая, это просто не...

- Да, - сказала я, прерывая ее. Я поняла, что было глупо даже думать об этом. - Не волнуйся. - Но она явно волновалась.

- Это очень важно для тебя, да? - спросила она, садясь рядом со мной и кладя руку мне на ногу.

- Было бы просто изумительно, - сказала я, - быть единственным человеком, кроме него, кто знает, что случается потом.

- Это действительно было бы изумительно, - сказала она. - Я поговорю с папой.

- Нет, не надо, - сказала я. - Seriously, не тратьте деньги на это. Я что-нибудь придумаю.

Я вдруг сообразила, что причиной, почему у моих родителей не было денег, была я. Я высосала все сбережения своей семьи ради совместных платежей¹ за Фаланксифор, и мама не могла работать, потому что теперь она была моей Наседкой на полной ставке. Я не хотела затащить мою семью в долги еще глубже.

Я сказала маме, что хочу позвонить Августу, просто чтобы вытолкнуть ее из комнаты, потому что я не могла вынести это ее грустное лицо из разряда «я не могу исполнить мечты моей дочери».

В стиле Августа Уотерса, я прочла ему письмо вместо приветствия.

- Вау, - сказал он.

- Ничего себе, ага? - сказала я. - Как я собираюсь попасть в Амстердам?

¹ Совместный платеж (англ. *co-pay*) – дополнительная плата за лечение сверх того, что покрывает полис медицинского страхования.

- Не хочешь загадать Желание? – спросил он, имея в виду организацию под названием Фонд Джинна, которая занималась исполнением одного желания каждого больного ребенка.

- Нет, - сказала я. – Я потратила мое Желание до Чуда.

- Что ты попросила?

Я громко вздохнула.

- Мне было тринадцать, - сказала я.

- Только не говори Дисней-Уорлд.

Я промолчала.

- Хейзел ГРЕЙС! – крикнул он. – Ты *не посмела* потратить свое единственное предсмертное Желание на поездку в Дисней-Уорлд со своими родителями.

- И в Эпкот-центр¹, - пробормотала я.

- О, Боже мой, - сказал Август. – Не могу поверить, что я увлечен девушкой с такими клишированными желаниями.

- Мне было тринадцать, - снова сказала я, хотя в голове у меня крутилось только одно: *увлечен увлечен увлечен увлечен увлечен*. Я была польщена, но немедленно сменила тему: - А не должен ты быть на занятиях или типа того?

- Я прогуливаю, чтобы тусоваться с Айзеком, но сейчас он спит, так что я в атриуме, делаю геометрию.

- Как у него дела? – спросила я.

- Не могу сказать, то ли он просто не готов признать серьезность своего увечья, то ли его действительно больше тревожит то, что его бросила Моника, но он больше не о чем не говорит.

- Ага, - сказала я. – Как долго он пробудет в больнице?

¹ Эпкот-центр (Epcot Center) – тематический парк развлечений, часть Дисней-Уорлда. Посвящен международной культуре и новейшим технологиям. Акроним EPCOT означает Experimental Prototype Community of Tomorrow (Экспериментальный прототип сообщества будущего).

- Несколько дней. Потом он отправится в реабилитацию или куда там еще, но вроде как будет ночевать дома.

- Отстой, - сказала я.

- Тут его мама. Я пойду.

- Хорошо, - сказала я.

- Хорошо, - ответил он. Я почти слышала его кривую улыбку.

В субботу мы с родителями поехали на фермерскую ярмарку в Брод Рипл¹. Было солнечно, редкость для апрельской Индианы, и все на ярмарке носили одежду с коротким рукавом, хотя температура не совсем это позволяла. Мы, хузьеры², чересчур оптимистичны насчет лета. Мы с мамой присели на скамейку напротив производителя мыла на козьем молоке, мужчины в рабочем комбинезоне, которому приходилось объяснять каждому проходящему мимо, что да, козы его собственные, и нет, мыло на козьем молоке не пахнет козами.

Зазвонил мой телефон.

- Кто это? – спросила мама даже до того, как я посмотрела на экран.

- Не знаю, - сказала я. Конечно, это был Гас.

- Ты дома? – спросил он.

- Эээ, нет, - сказала я.

- Это был вопрос с подвохом. Я уже знал ответ, потому что в данный момент я нахожусь возле твоего дома.

¹ Брод Рипл (Broad Ripple Village) – один из шести так называемых культурных районов Индианаполиса (расположен примерно в 11 км от центра города). Считается активным центром молодежной, особенно ночной, жизни, а также предлагает большое разнообразие ресторанов, художественных галерей, магазинов и других развлечений.

² Хузьеры (англ. *Hoosiers*) – самоназвание жителей штата Индиана.

- Ох. Эээ... Ну, я думаю, мы скоро будем.
- Супер. Скоро увидимся.

Август Уотерс сидел на ступеньках у входа, когда мы подъехали к дому. Он держал в руках букет ярко-оранжевых, только-только начинающих распускаться тюльпанов, и был одет в футболку Индиана Пэйсерс¹ под флисовой рубашкой, что было совершенно не в его стиле, хотя и хорошо смотрелось. Он с толчком поднял себя со ступеньки, протянул мне тюльпаны и спросил: «Не хочешь поехать на пикник?». Я кивнула и взяла цветы.

Папа вышел из-за моей спины и пожал руку Гаса.

- Это футболка Рика Смитса²? – спросил папа.
- Без всякого сомнения.
- Боже, мне так нравился этот парень, - сказал папа, и они двое немедленно ушли с головой в разговор о баскетболе, который я не могла (и не хотела) поддержать, так что я занесла тюльпаны в дом.

- Хочешь, я поставлю их в вазу? – спросила мама с широкой улыбкой на лице.

- Нет, все нормально, - сказала я ей. Если мы поставим их в вазу в гостиной, это будут общие цветы. Я же хотела, чтобы они были моими.

Я пошла в комнату, но не стала переодеваться. Я причесалась, почистила зубы, нанесла немного блеска на губы и как можно меньше духов на шею. Я все смотрела на цветы. Они были *агрессивно* оранжевыми, практически слишком оранжевыми, чтобы быть красивыми. У меня не было ничего вроде вазы, так что я вытащила зубную щетку

¹ Индиана Пэйсерс (*Indiana Pacers*) – профессиональный баскетбольный клуб города Индианаполиса.

² Рик Смитс (*Rik Smits*) – профессиональный игрок в баскетбол в отставке, всю свою карьеру выступал за команду «Индиана Пэйсерс». Родом из Нидерландов.

из стаканчика, наполнила его водой наполовину и оставила цветы прямо в моей ванной.

Когда я вернулась обратно в комнату, до меня донесся разговор, так что я присела на край кровати и прислушалась через тонкую дверь спальни.

Папа: «Так ты встретил Хейзел в Группе поддержки?»

Август: «Да, сэр. У вас чудесный дом. Мне нравятся ваши картины».

Мама: «Спасибо, Август».

Папа: «Значит, ты и сам перенес рак?»

Август: «Точно. Я отрезал свою приятельницу не из чистейшего, без всяких примесей, удовольствия, хотя это и является идеальной стратегией для потери веса. Ноги все-таки тяжелые!»

Папа: «И как сейчас твое здоровье?»

Август: «НПР уже четырнадцать месяцев».

Мама: «Это замечательно. Возможности медицины в наше время, они просто выдающиеся».

Август: «Я знаю. Мне повезло».

Папа: «Ты должен понимать, Август, что Хейзел больна, и будет таковой до конца своей жизни. Она захочет остаться с тобой, но ее легкие...»

В этот момент я появилась, заставив его замолчать.

- Так куда вы едете? – спросила мама. Август встал и склонился к ее уху, чтобы прошептать ответ, а затем приложил палец к губам.

- Шшш, - сказал он ей. – Это секрет.

Мама улыбнулась

- У тебя с собой телефон? – спросила она меня. Я покрутила им перед ней в качестве доказательства, наклонила тележку с кислородом на передние колеса и пошла. Август протолкнулся вперед, чтобы предложить мне руку, и я оперлась на нее. Мои пальцы обернулись вокруг его бицепсов.

К сожалению, он настоял на том, чтобы вести машину, чтобы сюрприз остался сюрпризом. Пока мы, постоянно вздрагивая, направлялись к месту назначения, я сказала:

- Ты просто влюбил в себя мою маму.

- Ага, а твой папа – фанат Смитса, что очень помогло. Ты думаешь, я понравился им?

- Конечно. Хотя, кому какая разница? Они просто родители.

- Они *твои* родители, - сказал он, смотря на меня. – К тому же, мне нравится, когда я кому-то нравлюсь. Это ненормально?

- Ну, тебе не нужно бежать вперед меня, чтобы придержать дверь, или душить меня комплиментами, ты и без того мне нравишься. – Он ударил по тормозам, и меня бросило вперед достаточно сильно, чтобы мое дыхание в этот момент стало странноватым и тугим. Я подумала о ПЭТ. *Не беспокойся. Беспокойство бессмысленно.* Я все равно нервничала.

Мы сожгли немного резины, с ревом отъезжая от знака «СТОП» перед тем, как повернуть налево, к абсолютно неадекватно названной смотровой площадке Грандвью (там, как мне кажется, открывается вид на поле для гольфа, но ничего *грандиозного*). Единственным местом в этом направлении, о котором я смогла вспомнить, было кладбище. Август дотянулся рукой до приборной панели, чтобы взять полную пачку сигарет. Он с щелчком открыл ее и взял оттуда одну.

- Ты когда-нибудь выбрасываешь их? – спросила я.

- Одно из преимуществ не-курения – то, что пачки сигарет хватает *навсегда*, - ответил он. – У меня эта примерно с год. Некоторые из них сломаны возле фильтра, но я думаю, что до восемнадцати с ней дотяну свободно. – Он подержал сигарету между пальцами, потом засунул в рот. – Ну ладно, - сказал он. – Назови мне что-нибудь, чего ты никогда не увидишь в Индианаполисе.

- Эээ... худых взрослых? – сказала я.
- Он рассмеялся.
- Класс. Продолжай.
- Ммм, пляжи. Семейные рестораны. Разнообразие рельефа.
- Отличные примеры того, чего нам не достает. А еще, ты забыла культуру.
- Да уж, нам немного не хватает культуры, - сказала я, наконец понимая, куда он меня везет. – Мы едем в музей?
- В каком-то роде.
- Ааа, так мы едем в тот парк или типа того?
- Гас выглядел немного уязвленным.
- Да, мы едем в тот парк или типа того, - сказал он. – Ты догадалась?
- Эээ, догадалась о чем?
- Не о чем.

За музеем находился парк, где куча художников сделала большие скульптуры. Я слышала об этом месте, но ни разу не была здесь. Мы проехали мимо музея и припарковались прямо рядом с баскетбольным полем, которое пересекали огромные красные и синие стальные арки, изображающие путь подсакивающего мяча.

Мы спустились с того, что в Индианаполисе называют холмом, на поляну, где дети лазали по скульптуре в виде огромного скелета. Каждая из костей доходила мне до талии, а бедренная кость в длину была больше моего роста. Все это выглядело, как детский рисунок скелета, поднимающийся из земли.

У меня болело плечо. Я беспокоилась, что рак вышел за пределы моих легких. Я представила, как опухоль образует метастазы в моих собственных костях, буря дыры в моем скелете, словно извивающийся угорь с коварными намерениями.

- *Клевые кости*, - сказал Август. - Автор - Юп Ван Лисхаут.

- Звучит, будто голландец.

- А он и есть, - сказал Гас. - Как и Рик Смитс. И тюльпаны. - Гас остановился посередине поляны, прямо напротив костей, и спустил рюкзак с одного плеча, потом с другого. Он открыл его и предъявил моему взору оранжевое покрывало, бутылку апельсинового сока и пару сендвичей со срезанной коркой, завернутых в пленку.

- К чему весь этот оранжевый? - спросила я, до сих пор не позволяя себе думать, что все это приведет к Амстердаму.

- Национальный цвет Нидерландов, конечно же. Ты же знаешь Вильгельма Оранского¹ и всех остальных?

- Его не было на выпускном экзамене. - Я улыбалась, стараясь сдержать волнение.

- Сендвич? - спросил он.

- Позволь, я угадаю, - сказала я.

- Голландский сыр. И помидоры. Помидоры из Мексики. Извини.

- Ты вечно меня *разочаровываешь*, Август. Ты что, не мог хотя бы найти оранжевые помидоры?

Он рассмеялся, и мы молча ели сендвичи, смотря, как дети играют на скульптуре. Я просто не могла *спросить* его, так что я просто сидела, окруженная Голландностью, чувствуя себя неловко и на что-то надеясь.

Недалеко от нас, купаясь в безукоризненном солнечном свете, таком редком и драгоценном в нашем городе, толпа детей превратила скелет в игровую площадку, прыгая взад и вперед среди этих протезов.

¹ Вильгельм I Оранский (англ. *William of Orange*) - 1533-1584 - принц Оранский (Орания или Оранж - княжество на юге Франции), первый штатгальтер (губернатор) Голландии и Зеландии, один из лидеров Нидерландской буржуазной революции.

- Есть две вещи, которые мне нравятся в этой скульптуре, - сказал Август. Он держал незажженную сигарету между пальцев, щелкая по ней, будто хотел стряхнуть пепел. Затем он вставил ее обратно в рот. – Во-первых, кости достаточно далеко друг от друга, настолько, что, если ты ребенок, ты просто *не можешь сопротивляться порыву* перепрыгивать через них. Ты просто *обязан* допрыгать от грудной клетки до черепа. И это означает, что, во-вторых, скульптура, по существу дела, *заставляет детей играть на костях*. Испытывать удачу. Символические отголоски бесконечны, Хейзел Грейс.

- Ты и вправду так любишь символы, - сказала я, надеясь вновь направить разговор в русло огромного количества символов Голландии на нашем пикнике.

- Точно, насчет этого. Ты, наверное, удивляешься, почему ты ешь ужасный сендвич с сыром, запивая его апельсиновым соком, и почему на мне футболка голландца, который занимался отвратительным мне видом спорта.

- Мне только пришло это в голову, - сказала я.

- Хейзел Грейс, ты, как и многие дети до тебя – и я произношу это с глубоким чувством, – ты потратила свое Желание в спешке, не заботясь о последствиях. Костлявая смотрела прямо тебе в глаза, и страх смерти с неиспользованным Желанием, все еще лежащем в твоём кармане, заставил тебя устремиться к первому Желанию, о котором ты смогла подумать, и ты, как и многие другие, выбрала фальшивые и равнодушные удовольствия тематического парка.

- На самом деле, я отлично провела время. Я встретила с Гуффи и Мик...

- Я произношу монолог! Я написал его и выучил, и если ты будешь прерывать меня, я вконец напортачу, - перебил меня Август. – Прошу Вас есть Ваш сендвич и слушать. – Сендвич был несъедобно сухим, но я улыбнулась и все же откусила от него. – Ладно, так о чем я?

- Фальшивые удовольствия.

Он вернул сигарету в пачку.

- Точно, фальшивые и равнодушные удовольствия тематического парка. Но позволь мне заметить, что настоящими героями Фабрики Желаний являются те молодые юноши и девушки, которые ждут, как Владимир и Эстрагон ждут Годо¹, или как порядочные христианки ждут до свадьбы. Эти юные героини стоически и без жалоб ожидают появления одного настоящего Желания. Конечно, оно может никогда и не прийти к ним, но по крайней мере они могут покоем с миром, зная, что они привнесли свой небольшой вклад в сохранение чистоты Желания как идеи.

Но опять же, может, оно появится: может, ты поймешь, что твое единственное настоящее Желание – это посетить великолепного Питера Ван Хаутена в его амстердамской ссылке, и ты будешь вне всяких сомнений рада, что сохранила для этого свое Желание.

Август перестал говорить, и тишина стояла достаточно долго, чтобы я поняла, что монолог окончен.

- Но я не сохранила мое Желание, - сказала я.

- Ах, - сказал он. И затем, после того, что показалось мне отрепетированной паузой, добавил: - Но я сохранил мое.

- Правда? – я была удивлена, что Август имел право на Желание, хотя уже год как был здоров и даже учился. Для того, чтобы Джинны подключили тебя к программе, нужно быть очень больным.

¹ Владимир и Эстрагон – герои пьесы ирландского драматурга Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо», опубликованной в 1952 году. Пьесу не представляется возможным истолковать однозначно: все действие проходит в ожидании главными героями некоего Годо, который, придя, должен освободить их от бессмысленности существования и опасностей окружающего мира.

- Я получил его в обмен на ногу, - объяснил он. Его лицо сияло; ему приходилось коситься, чтобы смотреть на меня, и это заставляло его очаровательно морщить нос. – Вот что, я не собираюсь *отдавать* тебе свое желание или типа того. Но я тоже заинтересован во встрече с Питером Ван Хаутеном, и было бы бессмысленно встречаться с ним без девушки, которая познакомила меня с его книгой.

- Совершенно бессмысленно, - сказала я.

- Так что я поговорил с Джиннами, и они со всем согласны. Они сказали, что Амстердам чудесен в начале мая. Они предложили вылететь третьего мая и вернуться назад седьмого.

- Август, ты серьезно?

Он наклонился и прикоснулся к моей щеке, и на какую-то секунду мне показалось, что сейчас он меня поцелует. Все мое тело напряглось, и, кажется, это было заметно, потому что он убрал руку.

- Август, - сказала я. – Серьезно. Ты не обязан этого делать.

- Конечно обязан, - сказал он. – Я нашел мое Желание.

- Боже, ты лучший, - сказала я ему.

- Держу пари, ты говоришь это каждому парню, который финансирует твою поездку за границу, - ответил он.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда я пришла домой, мама сворачивала чистое белье, параллельно смотря *Взгляд*¹. Я рассказала ей, что тюльпаны, и голландский скульптор, и все остальное имело отношение к тому, что Август хочет потратить свое Желание на то, чтобы отвезти меня в Амстердам.

- Это слишком, - сказала мама, качая головой. - Мы не можем принять такой подарок от практически незнакомого человека.

- Он не незнакомец. Я легко могу назвать его моим вторым лучшим другом.

- После Кейтлин?

- После тебя, - сказала я. Это было правдой, хотя по большей части я сказала так, потому что хотела поехать в Амстердам.

- Я спрошу у доктора Марии, - сказала мама через несколько минут.

Доктор Мария сказала, что я не смогу поехать в Амстердам без сопровождения взрослого, тесно знакомого с моей болезнью, что так или иначе значило мою маму или самого доктора Марию (папа понимал рак примерно так же, как и я: смутно и недостаточно, как большинство людей понимают электрические цепи и океанские волны. Но моя мама знала о дифференцированной карциноме щитовидной железы у подростков больше, чем многие онкологи).

- Ты сможешь поехать, - сказала я. - Джинны заплатят за тебя. Денег у них хватит.

¹ Взгляд (*The View*) – американское дневное ток-шоу, в котором группа женщин-ведущих обсуждает различные темы, часто приглашая к разговору знаменитостей.

- Но твой папа... - сказала она. – Он будет скучать без нас. Это было бы несправедливо по отношению к нему, а отпуск ему не дадут.

- Ты смеешься? Думаешь, папа будет недоволен провести несколько дней за просмотром каких-нибудь других теле-шоу, кроме тех, что о подающих надежды моделях? Он еще и пиццу будет заказывать каждый вечер и есть ее с бумажных салфеток, чтобы тарелки не мыть!

Мама рассмеялась. Наконец, она начала предвкушать поездку, вбивая напоминки в телефон: ей нужно было позвонить родителям Гаса и обсудить с Джиннами мои медицинские нужды, а также спросить их, не заказали ли они уже отель, и какие путеводители самые лучшие, а еще нам надо определиться с планами, раз у нас будет только три дня, и так далее. У меня вдруг заболела голова, так что я приняла ибупрофен и решила вздремнуть.

Но вместо этого я просто лежала в кровати и проигрывала в голове пикник с Августом. Я не могла перестать думать о том мгновении, когда я напряглась от его прикосновения ко мне. Такое нежное и близкое общение, впрочем, показалось мне неестественным. Я подумала, а вдруг он все отрепетировал: Август вел себя просто замечательно, но он переборщил со всем этим пикником, начиная ужасными на вкус, но звенящими от метафор сэндвичами, и заканчивая заученным монологом, который мешал завести нормальный разговор. Все это было Романтично, но не романтично.

Но правда заключается в том, что мне никогда не хотелось поцеловать его так, как обычно хочется подобных вещей. То есть, он, конечно, был великолепен. Он привлекал меня. Я думала о нем *по-особенному*, заимствуя выражение из профессионального школьного жаргона. Но настоящее прикосновение, осознанное... показалось мне неправильным.

Затем я обнаружила, что волнуясь, а не придется ли мне встречаться с ним только затем, чтобы поехать в Амстердам, и это не то, о чем бы мне хотелось думать, потому что а) хочу ли я поцеловать его не должно даже быть *вопросом*, и б) целоваться с кем-то за бесплатное путешествие трагически близко к настоящей проституции, и я должна признаться, что хотя я и не осознавала себя особенно хорошим человеком, я никогда не думала, что мой первый половой акт будет продажным.

Но опять же, он ведь не пытался поцеловать меня, он всего лишь дотронулся до моего лица, и это даже не *сексуально*. Это не было действием, призванным возбудить меня, но это движение определенно было продуманно, потому что Август Уотерс не был импровизатором. Так что же он пытался выразить? И почему я не хотела принять это?

В какой-то момент я поняла, что пытаюсь проанализировать свой первый опыт в стиле Кейтлин, так что я решила позвонить ей и спросить совета. Она сразу ответила.

- У меня проблема с парнем, - сказала я.
- ПРЕЛЕСТНО, - ответила Кейтлин. Я рассказала ей обо всем, даже о неловком прикосновении к моему лицу, умолчав только об Амстердаме и имени Августа. – Ты уверена, что он красив? – спросила она, когда я закончила.
- Вполне, - сказала я.
- Спортивный?
- Да, он раньше играл в баскетбол за Северную Центральную.
- Вау. А как ты с ним познакомилась?
- На этой омерзительной Группе поддержки.
- Ага, - сказала Кейтлин. – Из чистого любопытства, сколько ног у этого парня?
- Около 1,4, - сказала я, улыбаясь. Игроки в баскетбол пользовались известностью в Индиане, и хотя Кейтлин

ходила в другую школу, ее социальные связи были бесконечны.

- Август Уотерс, - сказала она.

- Ммм, предположим.

- О Боже. Я как-то видела его на вечеринке. Что бы я сделала с этим парнем. То есть, не теперь, когда я знаю о твоей заинтересованности. Но все-таки, Святая Матерь Божья, я бы скакала на этом одноногом пони по всему загону.

- Кейтлин, - сказала я.

- Извини. Как ты думаешь, тебе придется быть сверху?

- Кейтлин, - сказала я.

- О чем это мы. Да, точно, ты и Август Уотерс. Может... ты лесбиянка?

- Не думаю. Он определенно мне нравится.

- Может, у него уродливые руки? Иногда у красивых людей руки просто жуткие.

- Нет, руки у него вроде как изумительные.

- Хмм, - сказала она.

- Хмм, - сказала я.

Через секунду, Кейтлин сказала:

- Помнишь Дерека? Он расстался со мной на прошлой неделе, потому что решил, что глубоко внутри мы фундаментально несовместимы, и нам будет только больнее, если мы доберемся до этого. Он назвал это упреждающим расставанием. Так что может, у тебя предчувствие, что вы фундаментально несовместимы, и ты просто упреждаешь упреждение.

- Хмм, - сказала я.

- Я просто мыслю вслух.

- Сожалею насчет Дерека.

- А, да я пережила это, дорогая. Мне понадобились сорок минут и пачка мятного печенья, чтобы забыть этого парня.

Я рассмеялась.

- Ну, спасибо, Кейтлин.

- Если ты все же трахнешь его, я ожидаю непристойных подробностей.

- Ну конечно же, - сказала я, а затем Кейтлин чмокнула губами телефон, и я сказала: - Пока, - и она повесила трубку.

Я поняла, пока слушала Кейтлин, что не пыталась предупредить причинение ему боли. Это было поступреждение.

Я достала ноутбук и нашла в сети страницу Кэролин Мэтэрс. Физическое сходство было ошеломительным: такое же круглое стероидное лицо, такой же нос, примерно та же структура тела. Вот только ее глаза были темно-коричневые (мои зеленоватые), и цвет кожи гораздо темнее – она была похожа на итальянку.

Тысячи людей – буквально тысячи – оставили для нее сообщения с соболезнованиями. Можно было бесконечно листать этот список людей, которые скучали по ней, и я потратила почти час, чтобы добраться от сообщений типа *Я сожалею о твоей смерти* до других, из разряда *Я молюсь за тебя*. Она умерла год назад от рака мозга. Я посмотрела некоторые из ее фотографий. На многих из ранних был Август: выставивший вверх большие пальцы возле зазубренного шрама на ее лысом черепе; держащий ее за руку, пока они стояли спиной к камере на игровой площадке Мемориального госпиталя; целующий ее, в то время как она держала фотоаппарат на вытянутой руке, так что видно было только их носы и закрытые глаза.

На недавних фотографиях можно было увидеть ее до болезни, они были загружены ее друзьями пост мортем: красивая фигуристая девушка с широкими бедрами, ее

длинные и прямые черные волосы спадали на лицо. Здоровая я даже близко на нее не походила. Но наши раковые воплощения казались сестрами. Не удивительно, что он так устался на меня, когда увидел впервые.

Я продолжала возвращаться к одному и тому же сообщению, отправленному одним из ее друзей два месяца назад, через девять месяцев после ее смерти.

Нам всем тебя так не хватает. Это никогда не закончится. Будто мы все были ранены в твоей битве, Кэролайн. Я скучаю по тебе. Люблю тебя.

Через какое-то время родители объявили время ужинать. Я выключила компьютер и встала, но не смогла выбросить то сообщение из головы, и по какой-то причине оно сделало меня нервной и отбило у меня всякий аппетит.

Я все думала о моем ноющем плече, и голова продолжала болеть, возможно только потому, что я думала о девушке, умершей от рака мозга. Я продолжала говорить себе быть сейчас здесь, за круглым столом (возможно, слишком большим в диаметре для троих и определенно гигантским для двоих), над тарелкой с сырой брокколи и бургером с черной фасолью, который никакой кетчуп в мире не мог достаточно увлажнить. Я также сказала себе, что представление развивающейся метастазы в мозгу или плече никак не повлияет на невидимые события, происходящие внутри меня, и следовательно, подобные размышления были потерянными минутами жизни, состоящей из определенно конечного набора подобных минут. Я даже попыталась велеть себе жить моей лучшей жизнью сегодня.

В течение невероятно долгого времени я не могла понять, почему что-то, написанное одним незнакомым мне человеком другому незнакомому мне (и скончавшемуся) человеку могло так меня беспокоить и заставлять переживать из-за воображаемой опухоли мозга – который

на самом деле болел, хотя я и знала по опыту, что боль была грубым и неконкретным инструментом диагностики.

Так как сегодня землетрясения в Папуа Новой Гвинее не было, родители были гиперсосредоточены на мне, и я никак не могла скрыть этот внезапный поток беспокойства.

- Все в порядке? – спросила мама, пока я ела.

- Ага, - сказала я. Откусила кусок от бургера. Проглотила. Попыталась выдавить из себя что-то, что сказал бы нормальный человек, мозг которого не захлебывается в панике. – В бургерах тоже брокколи?

- Немного, - сказал папа. – Здорово, что ты можешь поехать в Амстердам.

- Ага, - сказала я, пытаюсь не думать о слове *ранены*, что, конечно, является замечательным способом думать об этом.

- Хейзел, - сказала мама. – Где ты сейчас?

- Задумалась, наверное, - сказала я.

- Втюрилась, - сказал папа с улыбкой.

- Я не первоклашка какая-нибудь, и не втюрилась ни в Гаса Уотерса, ни в кого-либо другого, - ответила я чересчур оборонительно. *Ранены*. Как будто Кэролин Мэтэрс была боевым снарядом, и, когда она взорвалась, все вокруг нее оказались нашпигованы шрапнелью.

Папа спросил меня, не работаю ли я над чем-либо для колледжа.

- На мне висит одно очень продвинутое задание по алгебре, - сказала я ему. – Настолько продвинутое, что я всеми силами не смогла бы объяснить его дилетанту.

- А как твой друг Айзек?

- Слепой, - сказала я.

- Ты сегодня ведешь себя как настоящий подросток, - сказала мама. Она казалась раздраженной из-за этого.

- Не этого ли ты хотела, мам? Чтобы я была нормальным подростком?

- Ну, не обязательно *таким* подростком, но конечно же мы с отцом с волнением наблюдаем за тем, как ты становишься девушкой, заводишь друзей, ходишь на свидания.

- Я не хожу на свидания, - сказала я. - Я не хочу ни с кем встречаться. Это ужасная идея, и огромная потеря времени, и...

- Родная, - сказала мама. - Что случилось?

- Я... я... я как *граната*, мам. Я граната, и в какой-то момент я взорвусь, и я хотела бы сократить потери, ладно?

Папа немного склонил голову на одну сторону, будто нашкодивший щенок.

- Я граната, - снова сказала я. - Я просто хочу держаться подальше от людей, читать книги и думать, и быть с вами, потому что я никак не могу повлиять на боль, которую причиню вам; вы слишком вложились во все это, так что просто отпустите меня, хорошо? Я не в депрессии. Мне не нужно больше бывать в компании. И я не могу быть нормальным подростком, потому что я граната.

- Хейзел, - сказал папа, и у него перехватило дыхание. Он вообще много плакал.

- Я собираюсь пойти к себе в комнату и немного почитать, хорошо? Я в порядке. Я правда в норме, я просто хочу немного почитать.

Я попыталась засесть за роман, который мне задали в колледже, но мы жили в доме с трагически тонкими стенами, так что я могла практически идеально разобрать шепот моих родителей. Мой папа говорил: «Это убивает меня», и моя мама: «Вот именно это ей *не нужно* слышать», и папа говорил: «Мне очень жаль, но...», а мама спрашивала: «Ты что, не благодарен?», и он отвечал: «Боже, конечно, я благодарен». Я продолжала пытаться увлечь себя книгой, но я не могла не слышать их.

Поэтому я включила компьютер, чтобы послушать музыку, и с любимой группой Августа, *The Hectic Glow*, в

качестве саундтрека я вернулась на страницы посвящения Кэролайн Мэтэрс. Я читала о том, насколько героической была ее борьба, и как ее всем не хватало, и о том, что сейчас она была в лучшем месте, и что она *навсегда* останется в их памяти, и что все, кто ее знал – все, - были лишены сил ее уходом.

Быть может, предполагалось, что я должна была ненавидеть Кэролайн Мэтэрс за то, что она была с Августом, но это было не так. Я не могла ясно увидеть ее сквозь все эти послания, но ненавидеть ее было не за что: казалось, что она была в основном профессиональной больной, как я, что заставило меня забеспокоиться, а не будет ли людям после моей смерти нечего вспомнить, кроме моих героических сражений, будто единственное, чем я когда-либо занималась, был Рак.

В конечном счете, я начала читать небольшие заметки Кэролайн Мэтэрс, написанные в основном ее родителями – видимо, ее рак мозга был из тех, кто стирает тебя из жизни еще до того, как ты умираешь.

Так что в основном это выглядело так:

У Кэролайн продолжают проблемы с поведением. Она сражается со злостью и разочарованием из-за того, что не может говорить (конечно же, мы тоже страдаем из-за этого, но у нас есть более социально приемлемые способы справиться с нашей злостью). Гас взял привычку называть Кэролайн ХАЛК ЛОМАТЬ, и доктора поддерживают его. Нам совсем не просто, но мы стараемся подойти к делу с юмором. Надеемся забрать ее домой в четверг. Дадим вам знать...

Нет смысла говорить, что домой в четверг она не попала.

Конечно же, я напряглась, когда он дотронулся до меня. Быть с ним значило причинить ему боль – неизбежно. И то, что я почувствовала, когда он прикоснулся ко мне, было

похоже на совершение акта насилия против него, потому что так оно и было.

Я решила написать ему. Я хотела избежать полноценного разговора на эту тему.

Привет. Вот что, я не знаю, поймешь ли ты, но я не могу целоваться с тобой и т.п. Не то чтобы ты обязательно хотел, но я не могу. Когда я пытаюсь посмотреть на тебя с этой точки зрения, все, что я вижу, это то, через что я тебя протащу. Может, для тебя это не понятно. В любом случае, извини.

Он ответил через пару минут.

Хорошо.

Я отправила:

Хорошо.

И получила в ответ:

О Боже, хватит флиртовать со мной!

Я просто написала:

Хорошо.

Телефон завибрировал через минуту:

Я пошутил, Хейзел Грейс. Я все понимаю. (Но мы оба знаем, что хорошо – это отличное слово для флирта. Оно ПЕРЕПОЛНЕНО чувственностью).

Я почувствовала огромное искушение снова отправить *Хорошо*, но представила его на моих похоронах, и это помогло мне дать должный ответ.

Извини.

Я попыталась заснуть с воткнутыми наушниками, но через некоторое время вошли мои родители, и мама взяла Синю с полки и прижала его к животу, а папа сел на стул и сказал, не плача:

- Ты не граната, только не для нас. Мысль о том, что ты умрешь, Хейзел, печаливает нас, но ты не граната. Ты удивительная. Ты не можешь этого знать, дорогая, потому что у тебя никогда не было ребенка, который стал бы блестящим молодым читателем с параллельным интересом к ужасным теле-шоу, но радость, которую ты нам приносишь, в разы превосходит печаль от того, что ты больна.

- Хорошо, - сказала я.

- Это правда, - сказал папа. – Я не стал бы тебе фигню втирать. Если бы ты приносила больше проблем, чем пользы, мы бы тебя выкинули на улицу.

- Мы не очень сентиментальны, - сказала мама с невозмутимым видом. – Мы бы оставили тебя в приюте с запиской, приколотой к пижаме.

Я рассмеялась.

- Тебе не нужно ходить в Группу поддержки, - добавила она. – Тебе ничего не нужно делать. Только ходи в колледж. – Она протянула мне медведя.

- Я думаю, что сегодня Синя может поспать на полке, - сказала я. – Позволь тебе напомнить, что мне больше, чем тридцать три половины лет.

- Оставь его с собой сегодня ночью, - сказала она.

- Мам, - сказала я.
- Ему *одинок*о, - сказала она.
- О Боже, мама, - сказала я. Но взяла глупого Синю и вроде как прижала его к себе, пока засыпала.

Одна моя рука все еще была обернута вокруг Сিনি, когда я проснулась около четырех утра с апокалиптической болью, пульсирующей из недостижимого центра моей головы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я закричала, чтобы разбудить родителей, и они ворвались в комнату, но не смогли сделать ничего, чтобы затушить сверхновую, взрывающуюся внутри моего мозга, бесконечную цепь внутричерепных фейерверков, заставляющих меня поверить в то, что я уйду раз и навсегда, и я сказала себе – как и всегда говорила – что тело отключается, когда боль становится невыносимой, что чувствительность временна, что это пройдет. Но как всегда, я не ускользнула в темноту, а осталась на полосе прибора, окатываемая волнами, но неспособная утонуть.

Папа вел машину, говоря по телефону с больницей, пока я держала голову на маминых коленях, лежа на заднем сидении. Ничего нельзя было поделать: закричи я, все стало бы еще хуже. Вообще-то, от любых стимулов стало бы хуже.

Единственным решением было попытаться выключить мир, снова сделать его темным, беззвучным и необитаемым, вернуться в момент перед Большим Взрывом, в начало, когда было только Слово, и жить в этом пустом несозданном пространстве вдвоем со Словом.

Люди обсуждают храбрость больных раком, и я не отрицаю ее наличие. Меня протыкали, кололи и травили в течение лет, и я все еще волочу ноги. Однако я не совру, если скажу, что в тот момент я была бы очень, очень счастлива умереть.

Я очнулась в реанимации. Я поняла это, потому что у меня не было собственной палаты, и потому что вокруг пищало столько приборов, и потому что я была одна: семье не разрешают оставаться в реанимации детской больницы двадцать четыре часа в сутки из-за опасности заражения. Дальше в холле кто-то завывал. Чей-то ребенок умер. Я была одна. Я нажала красную кнопку связи.

Медсестра вошла через несколько секунд.

- Привет, - сказала я.

- Привет, Хейзел. Я Элисон, твоя медсестра, - сказала она.

- Привет, Элисон моя медсестра, - сказала я.

После чего я снова начала чувствовать себя очень усталой. Но я немного очнулась, когда вошли мои родители, стали плакать и бесконечно целовать меня, и я потянулась к ним и попыталась сжать их в объятиях, но все внутри меня разорвалось от боли. Мама и папа сказали, что у меня не было опухоли мозга, а головная боль была вызвана недостатком кислорода, который, в свою очередь, был вызван тем, что мои легкие плавали в жидкости, полтора литра (!!!) которой с успехом вывели из моей грудной клетки, вот почему я чувствовала легкий дискомфорт в боку, откуда *ой ты только посмотри на это* выходила трубка, ведущая из груди в пластиковый пузырь, наполовину заполненный жидкостью, которая больше всего на свете походила на любимый имбирный эль моего папы. Мама сказала, что я скоро поеду домой, правда поеду, вот только теперь из меня постоянно придется откачивать жидкость и подключать каждую ночь к БИПАП¹, той машине, которая будет вталкивать воздух в мои дерьмовые легкие и выталкивать его обратно. Но зато мне сделали полную ПЭТ в первую ночь в больнице, и у них были хорошие новости: опухоли не росли. Новых не появилось. Моя боль в плече была связана с недостатком кислорода. С тем, что мое сердце работало слишком сильно.

- Доктор Мария сказала этим утром, что она оптимистично смотрит на твое будущее, - сказал папа. Мне

¹ БИПАП-аппарат (англ. *BiPAP - Bilevel positive airway pressure*) обеспечивает вспомогательную вентиляцию легких путем создания в дыхательных путях различного давления в зависимости от фазы вдоха или выдоха.

наравилась доктор Мария, и она лапшу на уши не вешала, так что это было приятно слышать.

- В этом нет ничего страшного, - сказала мама. - Это просто что-то, с чем мы можем жить.

Я кивнула, а затем Элисон моя медсестра типа вежливо попросила их уйти. Она спросила, не хочу ли я ледяных чипсов¹, и я кивнула, а она села рядом со мной на кровать и положила ложку льда мне в рот.

- Тебя не было пару дней, - сказала Элисон. - Хмм, что ты пропустила... Одна знаменитость подседа на наркотики. Какие-то политики не сошлись во мнениях. Другая знаменитость надела бикини, которое продемонстрировало все несовершенство ее тела. Одна команда выиграла спортивное событие, а другая проиграла. - Я улыбнулась. - Не смей больше так исчезать, Хейзел. Ты слишком многое пропускаешь.

- Можно еще? - спросила я, кивая в сторону белого пенопластового стаканчика в ее руке.

- Мне не стоит этого делать, - сказала она, - но я бунтарка. - Она дала мне еще ложку молотого льда. Я промычала «спасибо». Господи, спасибо за добрых медсестер. - Устала? - спросила она. Я кивнула. - Поспи немного, - сказала она. - Я попытаюсь избавить тебя от домогательств и дать тебе пару часов перед тем, как кто-то придет проверять всякие показатели. - Я снова сказала «спасибо». В больнице вообще часто говорят «спасибо». Я попыталась поудобнее устроиться на кровати. - Ты не будешь спрашивать о твоём парне? - спросила она.

- У меня его нет, - сказала я ей.

- Ну, там один молодой человек едва ли покидал комнату ожидания с тех пор, как ты здесь.

¹ Ледяные чипсы представляют собой крошку из льда, которая помогает пациентам больницы справиться с жаждой не употребляя большого количества воды, если им не разрешено есть и пить.

- Он не видел меня такой, не так ли?

- Нет. Пускаем только семью.

Я кивнула и погрузилась в водянистый сон.

До того, как я попала домой, прошло шесть дней. Шесть не-дней, проведенных уставившись на звукоизолирующую потолочную плитку и смотря телевизор, не-дней сна, боли и ожидания, пока пройдет время. Я не виделась ни с кем, кроме моих родителей, ни с Августом, ни с кем другим. Мои волосы были похожи на воронье гнездо; а шаркающая походка – на обычное передвижение пациента клиники для душевнобольных. И все же, с каждым днем мне становилось немного лучше: каждая ночь сна проявляла человека, который был капельку больше похож на меня. Сон лечит рак, в тысячный раз сказал мой терапевт доктор Джим, нависнув надо мной однажды утром окруженный группкой интернов.

- Тогда я просто машина для сражения с раком, - сказала я ему.

- Именно так, Хейзел. Продолжай отдыхать, и я надеюсь, что скоро мы отправим тебя домой.

Во вторник они сказали, что я поеду домой в среду. В среду трубку из моей груди вытаскивали два интерна под минимальным наблюдением, и я чувствовала себя так, будто меня протыкали ножом в обратном направлении, и вообще вся эта операция не очень хорошо прошла, так что они решили, что мне придется остаться до четверга. Я уже начала думать, что я являюсь частью какого-то экзистенциального эксперимента с постоянно откладываемым вознаграждением, когда доктор Мария пришла ко мне утром пятницы, обнюхала меня со всех сторон и сказала, что я могу идти.

Тогда моя мама открыла свою огромную сумку и обнаружилось, что у нее постоянно была с собой моя

Одежда для дороги домой. Медсестра вошла, чтобы забрать мое оборудование. И несмотря на вездесущую тележку с кислородным баллоном, я почувствовала себя менее скованной. Я пошла в ванную и приняла свой первый душ за неделю, оделась, и, когда я вышла оттуда, я была настолько усталой, что смогла только лечь и попытаться перевести дыхание. Мама спросила:

- Хочешь увидеться с Августом?

- Наверное, - сказала я через минуту. Я встала и потащила себя к одному из пластиковых стульев у стены, прислонив к нему баллон. Это меня вымотало.

Папа вернулся с Августом через несколько минут. Его волосы в беспорядке спадали на лоб. Увидев меня, он засветился настоящей нелепой Улыбкой Августа Уотерса, и я против своей воли улыбнулась в ответ. Он сел рядом со мной на кресло, обитое синим кожзамом, и наклонился в мою сторону, явно неспособный сдерживать эту улыбку.

Мама и папа оставили нас одних, и я почувствовала себя неловко. Мне трудно было смотреть ему в глаза, хотя они были очень красивыми, - настолько, что в них было сложно смотреть.

- Я скучал по тебе, - сказал Август.

Я сказала тише, чем хотела:

- Спасибо, что не пытался увидеться со мной, пока я ужасно выглядела.

- Если честно, ты все еще так себе выглядишь.

Я рассмеялась.

- Я тоже по тебе скучала. Я просто не хочу, чтобы ты видел... все это. Я просто хочу, чтобы... не важно. Мы не можем всегда получать то, что хотим.

- Правда что-ли? - сказал он. - А я всегда думал, что мир - это фабрика по исполнению желаний.

- Видимо, это не наш случай, - сказала я. Он был таким красивым. Он попытался взять меня за руку, но я покачала

головой. – Нет, - тихо сказала я. – Если мы собираемся встречаться, это должно быть... не так.

- Хорошо, - сказал он. – Кстати, у меня есть хорошая и плохая новость с фронта реализации желаний.

- Да? – спросила я.

- Плохая новость заключается в том, что мы не можем поехать в Амстердам, пока тебе не станет лучше. Однако Джинны применят свою знаменитую магию, когда ты достаточно выздоровеешь.

- И это хорошая новость?

- Нет, хорошая новость – это то, что пока ты спала, Питер Ван Хаутен поделился с нами еще одной частичкой своей гениальности.

Он еще раз потянулся к моей руке, на этот раз для того, чтобы сунуть в нее тяжелый сложенный лист бумаги с фирменной печатью *Питер Ван Хаутен, писатель-эмерит*¹.

Я не стала читать письмо, пока не оказалась дома, в моей собственной огромной пустой кровати, без возможности медицинского наблюдения. У меня ушла вечность на разбор колючего наклонного почерка Ван Хаутена.

Дорогой мистер Уотерс,

Я получил Ваше электронное письмо от четырнадцатого апреля и в должной мере впечатлен шекспировской сложностью Вашей трагедии. У каждого в этой истории есть своя, крепкая, как камень, *гамартия*: ее заключается в том, что она настолько больна; Ваша – в том, что Вы настолько здоровы. Было бы ей лучше или Вам хуже, звезды сложились бы не так

¹ Эмерит (лат. *emeritus*) – обозначение для профессоров, преподавателей, священников и представителей других профессий, ушедших в отставку.

ужасно, но звездам свойственно пересекаться, и Шекспир никогда более так не опростоволохился, как когда заставил Кассия заметить: «Не в звездах, нет, а в нас самих ищи/Причину, что ничтожны мы и слабы¹». Легко сказать, если ты римский дворянин (или Шекспир!), но наши звезды нередко ошибаются и становятся причиной нашей слабости.

Раз уж зашел разговор о некомпетентности старого Уилли, ваш рассказ о юной Хейзел напоминает мне 55 сонет Великого Барда, который, конечно же, начинается следующими словами: «Могильный мрамор, статуи царей/В грязи времен, под пылью вековой/Исчезнут раньше в памяти людей,/Чем строки, что воспели образ твой²» (не в тему будет сказано, но время – и вправду словно грязная потаскуха, которая поимела всех нас). Это прекрасное, но лживое стихотворение: мы действительно помним строки Шекспира, но что мы знаем о человеке, которому они посвящены? Ничего. Мы вполне уверены, что он был мужчиной; все остальное – догадки. Шекспир поделился с нами драгоценными крохами информации о человеке, которого он похоронил в своем лингвистическом саркофаге (обратите Ваше внимание также на то, что, когда мы говорим о литературе, мы используем настоящее время. Когда мы говорим о мертвых, мы уже не столь великодушны). Невозможно обессмертить ушедших, написав о них. Язык погребает, но не воскрешает. (Полное разоблачение: я не первый, кто сделал подобное замечание, ср. стихотворение Маклиша³ «Могильный

¹ У.Шекспир, *Юлий Цезарь*. Перевод с английского П.Козлова.

² У.Шекспир, *Сонет 55*. Перевод с английского А.Кузнецова.

³ Арчибальд Маклиш – американский поэт и писатель 20 века, обладатель трех Пулитцеровских премий. Имеется в виду его

мрамор, статуи царей», которое содержит эпическую строку: «Скажу я, что умрешь ты, и ни один тебя не вспомнит»).

Я отвлекся, но вот Вам камень преткновения: мертвых можно увидеть только в трагически незакрывающихся глазах памяти. Живые, слава Богу, сохраняют способность удивлять и разочаровывать. Ваша Хейзел жива, Уотерс, и Вы не должны пытаться изменить решение другого человека в соответствии с Вашей волей, особенно решение, принятое обдуманно. Она желает избавить Вас от боли, и Вам следует позволить ей это сделать. Вы, возможно, не находите ее логику убедительной, но я иду этой долиной слез дольше Вас, и с моей колокольни Хейзел не кажется сумасшедшей.

Искренне Ваш,
Питер Ван Хаутен.

Это действительно написал он. Я облизнула палец и потеряла бумагу, и чернила немного побледнели, так что я поняла, что письмо по-настоящему настоящее.

- Мам, - сказала я. Я не позвала ее громко, но мне и не нужно было. Она всегда ждала. Она просунула голову в дверь.

- Все хорошо, дорогая?

- Мы можем позвонить доктору Марии и спросить, не убьет ли меня поездка за границу?

стихотворение *Not Marble, nor the gilded monuments*, названное так по первой строке *Сонета 55* У.Шекспира.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пару дней спустя у нас была большая Встреча Команды по борьбе с раком. Время от времени кучка докторов, соцработников, физиотерапевтов и кого еще собирались в конференц-зале вокруг большого круглого стола, чтобы обсудить мою ситуацию (не ситуацию с Августом Уотерсом или с Амстердамом. Раковую ситуацию).

Доктор Мария вела встречу. Она обняла меня, когда я вошла. Она вообще постоянно обнималась.

Наверное, мне было немного лучше. Благодаря целым ночам подключения к БИПАП, мои легкие стали практически нормальными, хотя, опять же, я не совсем ясно помнила легочную нормальность.

Все присутствующие сделали большое шоу из отключения своих пейджеров и всего остального, чтобы *это время было посвящено мне*, а затем доктор Мария сказала:

- Хорошая новость заключается в том, что Фаланксифор продолжает сдерживать рост опухолей, но мы сталкиваемся с серьезной проблемой накопления жидкости. Так что вопрос стоит следующим образом: как мы будем действовать?

И тут она посмотрела на меня, будто ждала ответа.

- Ээ, - сказала я. - Мне кажется, что я не самый квалифицированный специалист в этой комнате, чтобы принимать решение.

Она улыбнулась.

- Точно. Я ждала, что скажет доктор Симонс. Доктор Симонс? - Он был еще один онколог, в каком-то роде.

- Ну, мы знаем на примере других пациентов, что большая часть опухолей так или иначе вырабатывают устойчивость к Фаланксифору, но если бы это был наш случай, мы бы заметили рост опухолей на сканере, чего мы не наблюдаем. Так что пока этого не происходит.

Пока, подумала я.

Доктор Симонс постучал по столу указательным пальцем.

- Среди нас существует мнение, что прием Фаланксифора провоцирует отек, но мы столкнулись бы с гораздо боле серьезными проблемами, если бы прекрастили его прием.

Доктор Мария добавила:

- Мы не вполне знакомы с долгосрочными эффектами Фаланксифора. Очень немногие пробыли на нем так долго, как ты.

- Так что, мы ничего не будем делать?

- Мы будем следовать программе, - сказала доктор Мария, - но нам нужно будет вкладывать больше сил в борьбу с отеком. - По какой-то причине меня начало тошнить. Я вообще ненавидела Онко-Встречи, но мне особенно не нравилась эта. - Твой рак никуда не уходит, Хейзел. Но мы наблюдали, как люди долгое время жили с твоим уровнем проникновения рака. - Я не стала спрашивать, что означает «долгое время». Я раньше уже совершала эту ошибку. - Я знаю, что после недавнего пребывания в реанимации тебе так не кажется, но эту жидкость, по крайней мере на настоящее время, можно контролировать.

- А не могут мне просто пересадить легкие или типа того? - спросила я.

Доктор Мария сморщила губы.

- К сожалению, тебя не посчитают достойным кандидатом на пересадку, - сказала она. Я все поняла: бессмысленно тратить хорошие легкие на безнадежный случай. Я кивнула, стараясь не показать, что этот комментарий затронул меня. Папа потихоньку начал плакать. Я не смотрела на него, но какое-то время все молчали, и его икающий плач был единственным звуком в комнате.

Я ненавидела причинять ему боль. Чаще всего я могла забыть об этом, но непреклонная правда была вот в чем: возможно, что мое существование рядом с ними делало их счастливыми, но я была альфой и омегой страдания моих родителей.

Непосредственно перед чудом, когда я лежала в реанимации, и казалось, что я скоро умру, и мама говорила мне, что не было ничего страшного в том, чтобы просто уйти, и я старалась уйти, но мои легкие продолжали пытаться найти воздух, мама со всхлипом пробормотала что-то в папину грудь, кое-что, чего я не хотела бы слышать, и надеюсь, она никогда не узнает, что я это слышала. Она сказала: «Я больше не буду мамой». Это меня практически выпотрошило.

Я не могла перестать думать об этом в течение всей Онко-Встречи. Просто не могла выкинуть из головы, как она это сказала – будто никогда больше не будет в порядке, и скорее всего, это правда.

В итоге мы решили действовать по той же схеме, только совершать откачку жидкости более часто. В конце встречи я спросила, не могу ли я поехать в Амстердам, и доктор Симонс действительно, без преувеличения рассмеялся, но затем доктор Мария сказала:

- Почему бы и нет?

И доктор Симонс с сомнением переспросил:

- Почему нет?

А доктор Мария сказала:

- Да, не понимаю, почему нет. В конце концов, в самолете есть кислород.

Доктор Симонс сказал:

- Они что, собираются просто втащить в самолет БИПАП?

И доктор Мария сказала:

- Да, или пусть аппарат ждет ее в месте назначения.
- Помещать пациента – одного из самых многообещающих из тех, кто принимает Фаланксифор, - на расстояние восьмичасового перелета от единственных специалистов, близко знакомых с ее случаем? Это рецепт провала.

Доктор Мария пожала плечами.

- Это увеличит риск, - признала она, но затем повернулась ко мне и сказала: - Но это твоя жизнь.

Вот только не совсем. Пока мы ехали домой, родители решили, что я не поеду в Амстердам, пока не будет полного медицинского согласия, что это безопасно.

В этот же день после ужина позвонил Август. Я уже лежала – время после ужина я теперь стала проводить в кровати, - с компьютером на коленях, окруженная миллионом подушек и Синей.

Я взяла трубку, говоря:

- Плохие новости, - и он сказал:
- Черт, чего?
- Я не могу поехать в Амстердам. Один из моих докторов считает, что это плохая идея.

С секунду он молчал.

- Господи, - сказал он, - мне просто нужно было самому за все заплатить. Просто взять тебя от *Клевых костей* прямо в Амстердам.

- Но тогда у меня произошел бы фатальный случай кислородного голодания в Амстердаме, и мое тело отправили бы домой в грузовом отсеке самолета, - сказала я.

- Ну... да, - сказал он. – Но перед этим мой широкий романтический жест обеспечил бы мне секс.

Я засмеялась так сильно, что почувствовала, где в моей груди раньше была трубка.

- Ты смеешься, потому что это правда, - сказал он.

Я снова засмеялась.

- Скажи, что это правда!

- Вероятно, нет, - сказала я, а через секунду добавила:
- Хотя мы никогда не узнаем.

Он страдальчески застонал.

- Я умру девственником, - сказал он.

- Ты девственник? – удивленно спросила я.

- Хейзел Грейс, - сказал он, - у тебя есть ручка с бумагой? – Я сказала, что есть. – Хорошо, нарисуй, пожалуйста, круг. – Я это сделала. – Теперь нарисуй маленький круг внутри того круга. – Я подчинилась. – Большой круг – это девственники. Маленький круг – это семнадцатилетние одноногие парни.

Я снова засмеялась и сказала ему, что если большая часть твоих социальных контактов происходит в детской больнице, это также не способствует сексуальной распущенности, а потом мы говорили об абсолютно блестящем высказывании Питера Ван Хаутена о распутности времени, и хотя я была в кровати, а он у себя внизу, я действительно почувствовала, что мы снова в том несуществующем третьем пространстве, куда мне очень нравилось путешествовать вместе с ним.

Затем я слезла с телефона, и родители вошли в мою комнату, и несмотря на то, что она была слишком мала для нас троих, они легли по обеим сторонам кровати вместе со мной, и мы смотрели *ТМА* на маленьком телике в моей комнате. Девушку, которая мне не нравилась, Селену, вышибли, что меня по какой-то причине очень обрадовало. Потом мама подключила меня к БИПАП и подоткнула одеяло, а папа поцеловал меня в лоб, оцарапав щетиной, и я закрыла глаза.

По существу дела, БИПАП отбирал у меня контроль над моим дыханием, что раздражало чрезвычайно, но была и приятная сторона: он производил весь этот шум, урча с каждым вдохом и жужжа на выдохе. Я думала, что он похож на дракона, дышащего вместе со мной, будто у меня был домашний дракончик, свернувшийся рядом со мной калачиком и заботящийся обо мне настолько, чтобы подстраивать ритм своего дыхания под мое. Я думала об этом, пока не провалилась в сон.

На следующее утро я встала рано. Я посмотрела телик, лежа в кровати, проверила электронную почту и через некоторое время начала набрасывать письмо Питеру Ван Хаутену, чтобы сказать, что я не смогу приехать в Амстердам, но клянусь жизнью своей матери, что никогда ни с кем не поделюсь информацией о героях книги, и что я даже не *хочу* делиться этим, потому что я ужасно эгоистична; и чтобы попросить его рассказать мне, действительно ли Голландец с тюльпанами нормальный и выйдет ли мама Анны за него замуж, а еще о хомячке Сизифе.

Но я не отправила это письмо. Оно было слишком жалким даже для меня.

Около трех, когда, по моим подсчетам, Август должен был вернуться из школы, я пошла на задний двор и позвонила ему. Слушая гудки, я села на газон, который был сильно запущен и весь покрыт одуванчиками. Качели все еще были там, трава росла из канавки под ними, протертой моими ногами давно в детстве. Я вспомнила, как папа принес домой набор для установки качелей и построил их во дворе с помощью соседа. Он настоял на том, чтобы проверить их самому, и чуть не развалил конструкцию ко всем чертям.

Небо надо мной было низким, серым и полным дождя, хотя он еще не шел. Я повесила трубку, когда попала на

автоответчик, а затем положила телефон на землю за мной и продолжила смотреть на качели, думая о том, что отдала бы все больные дни, которые мне остались, за несколько здоровых. Я попыталась сказать себе, что могло быть и хуже, что мир – это не фабрика по исполнению желаний, что я жила с раковой опухолью, а не умирала от нее, что я не должна дать ей убить меня, пока она этого не сделала, а потом просто стала бормотать *дура дура дура дура дура дура* еще и еще, пока смысл слова не выветрился. Я все еще проговаривала его, когда он перезвонил.

- Привет, - сказала я.
- Хейзел Грейс, - сказал он.
- Привет, - снова сказала я.
- Ты плачешь, Хейзел Грейс?
- Типа того.
- Почему? – спросил он.
- Потому что я... я хочу поехать в Амстердам и хочу, чтобы он рассказал мне, что происходит после книги, и я просто не могу жить своей особенной жизнью, а еще небо наводит на меня тоску, и тут стоят старые качели, которые папа сделал для меня, когда я была маленькой.

- Я немедленно должен увидеть эти старые слезоточивые качели, - сказал он. – Я приеду через двадцать минут.

Я осталась на заднем дворе, потому что, когда я плакала, мама каждый раз становилась очень озабоченной и подавляющей, потому что плакала я не часто, и я знала, что она захочет *поговорить* и обсудить со мной, не следует ли проконсультироваться насчет моих лекарств, и от одной мысли об этом разговоре меня начинало тошнить.

Не то чтобы у меня было особенно горькое воспоминание о здоровом отце, толкающем здорового ребенка, который кричал *выше, выше, выше*, или еще о каком-то звенящем метафорами моменте. Качели просто

торчали, заброшенные, два маленьких сиденья свисали спокойно и печально с постаревшей деревянной доски, а их выгнутые очертания напоминали детский рисунок улыбки.

Я услышала, как стеклянная раздвижная дверь за моей спиной открылась. Я обернулась. Это был Август, одетый в рубашку с коротким рукавом и брюки цвета хаки. Я вытерла лицо рукавом и улыбнулась.

- Привет, - сказала я.

Ему понадобилось пару секунд, чтобы сесть на землю рядом со мной, и его лицо исказилось, когда он совершенно не грациозно приземлился на задницу.

- Привет, - наконец сказал он. Я посмотрела на него. Он смотрел мимо меня, во двор. – Я понимаю, в чем дело, - сказал он, обнимая меня одной рукой. – Это чертовски печальные качели.

Я уронила голову ему на плечо.

- Спасибо, что предложил заехать.

- Ты же понимаешь, что, пытаюсь отдалиться от меня, ты не сокращаешь мою привязанность к тебе, - сказал он.

- Наверное, - сказала я.

- Все попытки моего спасения от тебя обречены на провал, - сказал он.

- Почему? Почему я вообще тебе нравлюсь? Тебе что, недостаточно того, через что ты прошел? – спросила я, думая о Кэролайн Мэтэрс.

Гас не ответил. Он просто сидел рядом, крепко прижимая меня к себе левой рукой.

- Мы что-нибудь сделаем с этими проклятыми качелями, - сказал он. – Говорю тебе, это девяносто процентов проблемы.

Как только я успокоилась, мы зашли внутрь и сели рядом на диван, поставив ноутбук наполовину на его (фальшивую) ногу и наполовину на мою.

- Горячий, - сказала я, имея в виду основание компьютера.

- Правда? – спросил он, улыбаясь. Гас загрузил сайт безвозмездной раздачей вещей под названием *Бесплатно без подвоха*, и мы вместе написали рекламу.

- Заголовок? – спросил он.

- «Качели ищут дом», - сказала я.

- «Отчаянно одинокие качели ищут любящих хозяев», - сказал он.

- «Одинокие, слегка педофильческие качели ищут детских попок», - сказала я.

Он рассмеялся.

- Вот почему.

- Что?

- Вот почему ты мне нравишься. Ты хотя бы понимаешь, как редко можно встретить красивую девушку, создающую прилагательное к слову *педофил*? Ты так погружена в то, чтобы быть собой, что даже не представляешь, насколько ты совершенно беспрецедентна.

Я глубоко вдохнула через нос. В мире никогда не было довольно воздуха, но в тот момент недостаток ощущался особенно остро.

Мы вместе написали объявление, исправляя друг друга в процессе. Наконец, мы пришли к такому варианту:

Отчаянно одинокие качели ищут любимых хозяев.

Одни качели, порядком изношенные, но крепко сделанные, ищут новый дом. Создайте воспоминания с вашим ребенком или детьми, чтобы когда-нибудь он, или она, или они взглянули бы на задний двор и почувствовали укол сентиментальности так же остро, как это произошло сегодня со мной. Они хрупкие и стремительные, дорогой читатель, но с этими качелями ваше дите(дети) познакомится со взлетами и

падениями человеческой жизни осторожно и безопасно, а также сможет усвоить самый важный урок: не важно, как сильно ты отталкиваешься, не важно, как высоко ты взлетаешь, у тебя никогда не получится вернуться на 360 градусов назад.

В настоящее время качели обитают в районе 83 улицы и Спринг Милл.

После этого мы ненадолго включили телевизор, но не нашли, что посмотреть, поэтому я взяла *Высшее страдание* с прикроватного столика и принесла его в гостиную, и Август читал мне, пока мама готовила ланч и тоже слушала.

- *Мамин стеклянный глаз обернулся вовнутрь*, - начал Август. Пока он читал, я влюблялась, как обычно проваливаешься в сон: сначала медленно, а потом вдруг сразу и до конца.

Когда я проверила почту час спустя, я узнала, что у нас было полно наследников качелей, из которых мы могли бы выбрать. Наконец, мы остановили свой выбор на Дэниэле Альваресе, который прикрепил к е-мейлу фотку трех его детей, занятых видео-игрой, и подпись: «*Я просто хочу, чтобы они вышли на улицу*». Я отправила ему ответ и сказала, чтобы он забирал качели, когда ему будет удобно.

Август спросил, не хочу ли я пойти с ним на Группу поддержки, но я очень устала после тяжелого дня Ракового больного, так что отказалась. Мы вместе сидели на диване, и он оттолкнулся от него, чтобы встать, но потом приземлился обратно на диван и чмокнул меня в щеку.

- Август! - сказала я.

- По-дружески, - сказал он. Он снова оттолкнулся и в самом деле поднялся в этот раз, затем сделал пару шагов до моей мамы и сказал: - Я всегда рад вас видеть, - и мама раскинула руки, чтобы обнять его, чем он воспользовался,

чтобы наклониться и поцеловать ее в щеку. Затем он обернулся ко мне. – Вот видишь? – спросил он.

Я пошла спать сразу после ужина, и БИПАП заглушил мир за пределами моей комнаты.

Качелей я больше не видела.

Я долго спала, часов десять, возможно из-за медленного восстановления, возможно потому, что сон борется с раком, и возможно, потому что я была подростком без определенного времени подъема. Я все еще была слишком слаба, чтобы пойти на занятия в МКК. Когда я наконец-то почувствовала, что готова встать, я выдернула хобот БИПАП из носа, вставила туда кислородные трубки, включила их и взяла ноутбук из-за кровати, куда я засунула его вчера.

Мне пришел e-мэйл от Лидевидж Флиханхарт.

Дорогая Хейзел,

Я получила письмо от Джиннов, сообщающее, что вы с Августом Уотерсом и твоей мамой посетите нас четвертого мая. Всего через неделю! Я и Питер очень рады и с нетерпением ждем знакомства с вами. Ваш отель, *Философ*, находится прямо через улицу от дома Питера. Быть может, мы должны дать вам день, чтобы привыкнуть к смене часовых поясов? Так что, если удобно, мы встретим вас дома у Питера утром пятого мая, быть может, в десять часов, для чашки кофе и ответов на вопросы, которые есть у вас по его книге. А затем, быть может, мы ходим в музей или в Дом Анны Франк?

Со всеми наилучшими пожеланиями,

Лидевидж Флиханхарт
помощник-референт Питера Ван Хаутена, автора *Высшего страдания*

- Мам, - позвала я. Она не ответила. – МАМ! – я крикнула. Ничего. Затем, громче: - МАМА!

Она вбежала, завернутая в поношенное розовое полотенце, мокрая, практически в панике.

- Что случилось?

- Ничего. Извини, я не знала, что ты в душе, - сказала я.

- В ванне, - сказала она. – Я просто... - она закрыла глаза. – Просто пыталась на пять секунд принять ванну. Извини. Что происходит?

- Ты можешь позвонить Джиннам и сказать, что поездка отменяется? Мне только что пришло письмо от ассистентки Питера Ван Хаутена. Она думает, что мы едем.

Она сморщила губы и бросила на меня косой взгляд.

- Что? – спросила я.

- Я не должна говорить тебе, пока папа не придет домой.

- *Что?* – снова спросила я.

- Поездка не отменяется, - наконец сказала она. – Доктор Мария позвонила нам вчера вечером и привела убедительный довод, что ты должна жить твоей...

- МАМА, Я ТАК ТЕБЯ ЛЮБЛЮ! – закричала я, и она подошла к кровати и позволила себя обнять.

Я отправила смс Августу, потому что знала, что он в школе.

Все еще свободен третьего мая? :-)

Он немедленно ответил.

Свободен, как в Августе.

Если я только смогу прожить еще неделю, я узнаю неопубликованные секреты про маму Анны и Голландца с тюльпанами. Я опустила взгляд на грудную клетку.

«Соберитесь, тряпки», - прошептала я своим легким.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

За день то отъезда в Амстердам я пошла в Группу поддержки в первый раз после того, как встретила Августа. В Буквальном сердце Иисуса состав немного изменился. Я приехала достаточно рано, чтобы пораженная неувядающим раком аппендикса Лида снабдила меня всеми новостями, пока я жевала шоколадное печенье, прислонившись к десертному столику.

Двенадцатилетний лейкемичный Майкл скончался. Он упорно боролся, сказала мне Лида, будто бороться можно было как-то по-другому. Все остальные все еще были здесь. Кен стал НПР после облучения. У Люкаса был рецидив, и она сказала это с той грустной улыбкой и слегка пожав плечами, как говорят, что рецидив у алкоголика.

Милая полнощечая девочка подошла к столу и поздоровалась с Лидой, а затем представилась мне как Сьюзан. Я не знала, что с ней случилось, но у нее был шрам, простирающийся через всю щеку от носа к губе. Она наложила на него макияж, что его только подчеркнуло. У меня немного перехватило дыхание от долгого стояния, так что я сказала: «Пойду посижу», а затем открылись двери лифта, за которыми стояли Айзек и его мама. На нем были солнечные очки, одной рукой он висел на маме, в другой у него была трость.

- Хейзел из Группы поддержки, не-Моника, - сказала я, когда он подошел достаточно близко, и он улыбнулся и сказал:

- Привет, Хейзел. Как дела?

- Хорошо. Я *нереально похорошела* с того времени, как ты ослеп.

- Поверю на слово, - сказал он. Мама довела его до стула, поцеловала в макушку и побрела обратно к лифту. Он ощущал воздух вокруг себя и сел. Я устроилась на стуле рядом с ним.

- Так как у тебя дела?
- Нормально. Рад быть дома, наверное. Гас сказал мне, что ты оказалась в реанимации?

- Ага, - сказала я.

- Отстой, - сказал он.

- Мне уже намного лучше, - сказала я. – Завтра я еду в Амстердам с Гасом.

- Я знаю. Я вполне осведомлен о твоей жизни, потому что Гас. Никогда. Не говорит. Ни о чем. Другом.

Я улыбнулась. Патрик прочистил горло и сказал:

- Давайте сядем. – Он поймал мой взгляд. – Хейзел! – сказал он. – Я так рад тебя видеть!

Все сели, и Патрик начал пересказывать свое без-яичие, и я растворилась в рутине Группы поддержки: обмен мнением с Айзеком посредством вздохов, сожаление к каждому человеку в комнате и ко всем вне ее, отключение от беседы, чтобы сфокусироваться на дыхании и боли. Мир продолжал существовать, как он это обычно делает, без моего участия, и я вернулась из задумчивости, только когда кто-то назвал мое имя.

Это была Сильная Лида. Лида в ремиссии. Светловолосая, здоровая, крепкая Лида, которая плавала за спортивную команду своей школы. Лида, которой не хватало только ее аппедикса, назвала мое имя, говоря:

- Хейзел стала таким вдохновением для меня, на самом деле. Она просто продолжает сражаться, просыпаясь каждое утро и выходя на битву без единой жалобы. Она такая сильная. Намного сильнее, чем я. Хотела бы я обладать ее силой.

- Хейзел? – спросил Патрик. – Какие чувства это в тебе пробуждает?

Я пожалала плечами и посмотрела на Лиду.

- Я отдам тебе мою силу, если ты отдашь мне твою ремиссию. – Я почувствовала себя виноватой сразу же, как сказала это.

- Не думаю, что Лида имела это в виду, - сказал Патрик. – Думаю, она... - Но я перестала слушать.

После молитвы за живых и бесконечной литании¹ за мертвых (к концу которой прикрепился еще и Майкл) мы взялись за руки и сказали: «Проживем нашу лучшую жизнь сегодня!».

Лида мгновенно подбежала ко мне, полная извинений и объяснений, но я сказала: «Нет, нет, все нормально, правда», отмахнувшись от нее, и спросила у Айзека: «Не соизволишь проводить меня до лестницы?»

Он взял меня под руку, и я направила нас к лифту, радуясь предлогу избежать ступеней. Мы почти дошли до лифта, когда я увидела его маму, стоящую в углу Буквального сердца. «Я здесь!» - сказала она Айзеку, и он сменил мою руку на ее перед тем, как спросить:

- Хочешь зайти ко мне?

- Конечно, - сказала я. Мне было его жаль. Хотя я ненавидела сочувствие окружающих, я ничего не смогла поделать с тем, что ощутила его по отношению к Айзеку.

Айзек жил в маленьком фермерском доме в Меридиан Хиллс рядом с той модной частной школой. Мы устроились в гостиной, пока его мама ушла на кухню готовить ужин, а затем он спросил, не хочу ли я поиграть.

- Конечно, сказала я. Тогда он попросил передать ему пульт. Я протянула его, и Айзек включил телик с подключенным к нему компьютером. Экран телевизора остался темным, но через пару секунд из него зазвучал глубокий голос. «Обман, - сказал он. – Один или два игрока?»

- Два, - сказал Айзек. – Пауза. – Он обернулся ко мне. – Я постоянно играю с Гасом, но у него совершенно

¹ Литания – молитва из коротких повторяющихся воззваний

суицидальные наклонности, и это меня выводит из себя. Он чересчур агрессивно спасает гражданских или кого там еще.

- Ага, - сказала я, вспоминая ночь разбитых трофеев.
- Возобновить, - сказал Айзек.
«Игрок один, назовите себя».
- Это секси-шмекси голос первого игрока, - сказал

Август.

«Игрок два, назовите себя».

- Наверное, я буду вторым игроком, - сказала я.
«Старший сержант Макс Хаос и рядовой Джаспер Джекс просыпаются в темной пустой комнате площадью примерно полтора квадратных метра».

Айзек указал на телевизор, будто я должна была говорить с ним или типа того.

- Эээ, - сказала я. – Тут есть выключатель?
«Нет».
- Тут есть дверь?
«Рядовой Джекс обнаруживает дверь. Она заперта».

Айзек подпрыгнул.

- Над дверью есть ключ!
«Да, верно».
- Хаос открывает дверь.
«Вокруг все еще темно».
- Вытащить нож, - сказал Айзек.
- Вытащить нож, - добавила я.

Ребенок – брат Айзека, я полагаю, - вырвался из кухни.

На вид около десяти, крепкий и гиперактивный, он проскакал через гостиную, чтобы крикнуть, замечательно имитируя голос Айзека:

- УБИТЬ СЕБЯ!
«Сержант Хаос прикладывает нож к своей шее. Вы уверены, что...»

- Нет, - сказал Айзек. – Пауза. Грэхэм, не заставляй меня надрать тебе задницу. – Грэхэм беззаботно рассмеялся и вприпрыжку убежал по коридору.

В качестве Хаоса и Джекса, мы с Айзеком нащупывали наш путь по пещере, пока не натолкнулись на парня, которого мы зарезали после того, как он рассказал нам, что мы находимся в украинской пещерной тюрьме больше чем в километре под землей. В то время как мы продвигались дальше, по пещере нас вели звуковые эффекты: бушующая подземная река, голоса, говорящие на украинском и английском с акцентом, но увидеть нельзя было ничего. После часа игры мы услышали отчаянный плач узника: «Господи, помоги мне. Господи, помоги».

- Пауза, - сказал Айзек. - На этом месте Гас всегда настаивает на том, чтобы найти пленника, хотя это мешает пройти игру, и единственный способ *на самом деле освободить* узника - это выиграть.

- Да, он принимает видео-игры чересчур близко к сердцу, - сказала я. - Он слегка без ума от метафор.

- Он тебе нравится? - спросил Айзек.

- Конечно, он мне нравится. Он классный.

- Но мутить ты с ним не хочешь.

Я пожала плечами.

- Это сложно.

- Я знаю, что ты пытаешься сделать. Ты не хочешь вручить ему что-то, с чем он не справится. Ты не хочешь, чтобы он отмониковал тебя, - сказал он.

- Типа того, - сказала я. Но это было не так. Правда заключалась в том, что я не хотела отайзековать его. - Если быть честной к Монике, - сказала я, - то, что ты сделал с ней, тоже было не очень-то приятно.

- Что я сделал с ней? - спросил он, защищаясь.

- Ну знаешь, слепота и все такое.

- Но я не виноват в этом, - сказал Айзек.

- Я не говорю, что ты *виноват* в этом. Я говорю, что это не было *приятно*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мы могли взять только один чемодан. Я такое тянуть за собой не могла, а мама настояла на том, что два она тоже не потащит, так что нам пришлось маневрировать в пределах черного чемодана, который мои родители получили в подарок на свадьбу сто лет назад, чемодана, который должен был провести свою жизнь в экзотической местности, но ограничился поездками в Дейтон, где располагался дочерний офис компании Моррис Проперти, который папа часто посещал.

Я спорила с мамой, что мне полагается немного больше половины чемодана, так как без меня и моего рака мы бы вообще никогда не поехали в Амстердам. Мама возражала, что вследствие того, что она была в два раза больше меня, было необходимо больше физического объема ткани, дабы обеспечить ее благопристойность, а значит, она заслужила хотя бы две трети чемодана.

В конце концов, мы обе проиграли. Вот так всегда.

Наш рейс вылетал только в полдень, но мама разбудила меня полшестого, включив свет и прокричав: «АМСТЕРДАМ!». Все утро она носилась по квартире, удостовераясь, что мы взяли переходники для розеток, и четырежды проверяя, есть ли у нас необходимое количество кислородных баллонов, и что они заполнены, и т.д., пока я выползала из кровати, чтобы надеть свой Гардероб для Амстердама (джинсы, розовая майка и черный кардиган на случай, если в самолете будет холодно).

Машина была загружена к шести пятнадцати, после чего мама настояла, чтобы мы с папой позавтракали, хотя я чувствовала внутреннее неприятие к еде до рассвета, основанное на том, что я не была русской крепостной 19 века, подкрепляющейся перед долгим днем в поле. Все же, я постаралась затолкнуть в себя пару яиц, пока родители

наслаждались домашней версией яичных Макмаффинов, которые так им нравились.

- Почему еда для завтрака – это всегда завтрак? – спросила я их. – Ну, почему мы не можем есть на завтрак карри?

- Хейзел, просто ешь.

- Но *почему?* – спросила я. – То есть, правда же: почему яичница-болтуня застряла в эксклюзивном положении завтрака? Можно положить бекон на сендвич, и никто не взбесится. Но в тот момент, когда в твоём сендвиче оказывается яйцо, бум: это *завтрак*.

Папа ответил с набитым ртом:

- Когда вернешься, мы съедим завтрак на ужин. Идет?

- Я не хочу завтрак на ужин, - ответила я, скрещивая нож с вилкой над моей практически полной тарелкой. – Я хочу болтуню на ужин без этого смехотворного понятия, что еда, включающая яичницу, - это завтрак, даже если он случился в вечернее время.

- Тебе придется сражаться в этой жизни, Хейзел, - сказала мама. – Но если это та проблема, которую ты желаешь преодолеть, - мы будем стоять за тебя.

- На некотором расстоянии позади тебя, - добавил папа, и мама рассмеялась.

Ну да, я понимала, что это было глупо, но мне было немного *жалко* яичницу-болтуню.

После того, как они поели, папа помыл посуду и проводил нас до машины. Конечно, он начал плакать, и поцеловал меня в щеку, прислонившись своим влажным и колючим лицом. Он прижался носом к моей скуле и прошептал:

- Я люблю тебя. Я так горжусь тобой. – (За *что*, хотела бы я знать).

- Спасибо, пап.

- Увидимся через несколько дней, хорошо, дорогая? Я так тебя люблю.

- Я тоже тебя люблю, пап. Это всего лишь три дня.

Пока мы задом отъезжали от дома, я все махала ему рукой. Он махал в ответ и плакал. Мне вдруг пришло в голову, что он, возможно, думает, что может никогда меня больше не увидеть, о чем он, возможно, думает каждое утро будничной жизни, когда уходит на работу, и это, возможно, полный отстой.

Мы с мамой поехали к дому Августа, и, когда мы были на месте, она попросила остаться меня в машине отдохнуть, но я все равно пошла с ней к двери. Когда мы приблизились к дому, я услышала внутри чей-то крик. Сначала я не думала, что это Гас, потому что это было совсем не похоже на низкий рокот его голоса, но затем я услышала то, что абсолютно точно было искаженной версией его голоса, говорящего: «ПОТОМУ ЧТО ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ, МАМ. ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ». Моя мама тут же обняла меня за плечи и обернула обратно к машине, шагая очень быстро, и я спросила:

- Мама, что не так?

И она сказала:

- Хейзел, мы не можем подслушивать.

Мы вернулись в машину и я написала Августу смс о том, что мы были снаружи, и чтобы он выходил, когда будет готов.

Какое-то время мы разглядывали их дом. Есть странная вещь в домах: они почти никогда не отражают того, что в них происходит, несмотря на то, что содержат большую часть наших жизней. Интересно, а не в этом ли заключается цель архитектуры.

- Ну, - сказала мама, - наверное, мы слишком рано.

- Наверное, мне не нужно было вставать полшестого, - сказала я. Мама потянулась к подставке между нами, взяла свою кружку-термос и отхлебнула кофе. Мой телефон завибрировал. Смс от Августа.

Просто не могу решить, что надеть. Я тебе больше нравлюсь в поло или в рубашке?

Я ответила:

В рубашке.

Через полминуты входная дверь открылась, и появился улыбающийся Август, катя за собой сумку на колесиках. На нем была отглаженная небесно-голубая рубашка, заправленная в джинсы. Кэмел Лайт болталась между губ. Мама вышла из машины, чтобы поздороваться с ним. Он моментально вынул сигарету и заговорил уверенным голосом, к которому я привыкла:

- Я всегда рад встрече с вами, мэм.

Я смотрела на них в зеркало заднего вида, пока мама не открыла багажник. Через несколько секунд Август открыл дверцу за мной и вступил на скользкую тропу усаживания с одной ногой на заднее сиденье машины.

- Хочешь поехать спереди? – спросила я.

- Ни в коем случае, - сказал он. – И привет, Хейзел Грейс.

- Привет, - сказала я. – Все хорошо? – спросила я.

- Хорошо, - ответил он.

- Хорошо, - сказала я.

Мама села в машину и захлопнула дверцу.

- Следующая остановка – Амстердам, - объявила она.

Что не было в полной мере правдой. Следующей остановкой была парковка у аэропорта, а затем автобус довез нас до терминала, а затем открытая электрическая машинка довезла нас до секьюрити. В начале очереди сотрудник службы досмотра кричал о том, что нам лучше бы не держать в своих сумках взрывчатку, огнестрельное

оружие или любую жидкость больше определенного объема, и я сказала Августу:

- Отмечу, что стояние в очереди – это форма притеснения, - и он сказал:

- Точно.

Вместо того, чтобы быть обысканной вручную, я выбрала прохождение через детектор металла без тележки и даже без пластиковых трубок в носу. Этот проход через рентген отметил первый раз, когда я делала шаг без кислорода за последние месяцы, и идти вот так, необремененной, было удивительно, словно переходить Рубикон, и молчание машины признавало, что, хоть и ненадолго, я была совершенно неметаллизированным существом.

Я чувствовала независимость своего тела, которую я не могу адекватно объяснить никаким образом, кроме как если сказать, что в детстве я всегда таскала с собой очень тяжелый рюкзак с книжками внутри, и если я достаточно долго с ним ходила, то, стоило его только снять, как у меня появлялось чувство, будто я парила в воздухе.

Примерно через десять секунд мои легкие почувствовали себя так, словно они складывались вовнутрь, как цветы с заходом солнца. Я села на серую скамейку сразу за детектором и постаралась перевести дыхание, кашляя с морозящим хрипом, и чувствовала себя очень несчастной до тех пор, пока не вставила канюлю на ее место.

Даже после этого, боль не закончилась. Боль всегда была там, выталкивая меня из тела, требуя, чтобы ее почувствовали. Мне всегда казалось, что я просыпалась от боли, когда что-то в окружающем мире внезапно требовало моего внимания или комментария. Мама озабоченно смотрела на меня. Секунду назад она что-то сказала. Что это было? Потом я вспомнила. Она спросила, что было не так.

- Ничего, - сказала я.

- Амстердам, - она почти прокричала.

Я улыбнулась.

- Амстердам, - ответила я. Она протянула мне руку и помогла встать.

Мы были у выхода к самолету за час до положенного времени посадки.

- Миссис Ланкастер, вы впечатляюще пунктуальный человек, - сказал Август, садясь рядом со мной в практически пустом зале ожидания.

- Ну, помогает то, что я, технически говоря, не особенно занята, - сказала она.

- Ты очень занятая женщина, - сказала я ей, хотя понимала, что маминой работой была в основном я. Быть замужем за моим папой – тоже работа: он не имел никакого понятия о, например, банках и вызове сантехников, о готовке и обо всем, что отличалось от работы на Моррис Проперти; но в основном, ее работой была я. То, ради чего она жила, и то, ради чего жила я, было трагически связано.

Когда сиденья в зоне ожидания начали заполняться, Август сказал:

- Пойду схвачу гамбургер перед вылетом. Тебе что-нибудь принести?

- Нет, - сказала я, - но я ценю твой отказ подчиниться социальному соглашению о завтраках.

Он наклонил голову, сбитый с толку.

- Хейзел развивает проблему геттоизации яичницы, - сказала мама.

- Мне стыдно за то, что мы все идем по жизни, слепо признавая, что яичница-болтунья фундаментально ассоциируется с завтраком.

- Я бы хотел об этом поговорить, - сказал Август, - но я умираю с голоду. Скоро вернусь.

Когда Август не появился через двадцать минут, я спросила у мамы, не думает ли она, что что-то случилось, и она взглянула на меня из-за своего ужасного журнала, только чтобы сказать:

- Он, наверное, просто пошел в туалет или еще что-нибудь.

Работник аэропорта подошла и заменила мой кислородный баллон на тот, который предоставила аэрокомпания. Пока она это делала, я отправила смс Августу, потому что мне было стыдно, что эта женщина стояла передо мной на коленях, и все вокруг смотрели на это.

Он не ответил. Мама не казалась озабоченной, но я представляла себе все виды разрушающих путешествия несчастий (арест, ранение, умственное расстройство) и, пока считала минуты, чувствовала что-то неприятное в груди, не имеющее отношения к раку.

И прямо когда девушка за билетной стойкой объявила, что они приглашают на посадку тех, кому может понадобиться больше времени, и каждый человек в зале повернулся прямо ко мне, я увидела Августа, быстро прихрамывающего к нам с пакетом из МакДоналдса в одной руке и рюкзаком, свисающим с другой.

- Где ты был? – спросила я.

- Очередь была гигантская, извини, - сказал он, предлагая мне руку, чтобы встать. Я приняла ее, и мы бок о бок пошли к выходу на посадку.

Я чувствовала, как все на нас смотрят и думают, что с нами не так, и убьет ли нас это, и какая моя мама героиня, ну и все остальное. Иногда это была худшая сторона рака: физическая очевидность болезни отделяет тебя от других людей. Мы были непримиримо другими, и никогда это не было так заметно, как когда мы втроем прошли по пустому самолету мимо сочувственно кивающих стюардесс, указывающих на наш ряд в приличном отдалении от носа

самолета. Я села посередине, с Августом у окна и мамой у прохода. Я чувствовала себя чересчур окруженной мамой в последнее время, так что, конечно же, я поторопилась прижаться к Августу. Мы были прямо за крылом самолета. Он открыл свою сумку и развернул бургер.

- Впрочем, еще о яйцах, - сказал он, - эта утронизация дает яичнице-болтунье определенную сакральность, тебе не кажется? Ты можешь получить бекон или сыр где угодно, в любое время, от тако¹ до утренних сендвичей, до бутерброда с плавленым сыром, но яичница-болтунья – это что-то *особенное*.

- Смехотворно, - сказала я. Люди начали гуськом пробираться в самолет. Я не хотела смотреть на них, так что я смотрела в сторону, а смотреть в сторону значило смотреть на Августа.

- Я просто говорю, что может быть, яичница действительно геттоизирована, но она особенная. У нее есть свое место и свое время, как у церкви.

- Ты можешь сильно ошибаться, - сказала я. – Ты принимаешь на веру сантименты, вышитые крестом на подушках твоих родителей. Ты пытаешься доказать, что редкая и хрупкая вещь красива только потому, что она редкая и хрупкая. Но это ложь, и тебе это известно.

- Тебя нелегко успокоить, - сказал Август.

- Легкое успокоение не успокаивает, - сказала я. – Ты однажды уже был редким и хрупким цветком. Ты должен помнить.

Какое-то время он ничего не говорил.

- Ты точно знаешь, как меня заткнуть, Хейзел Грейс.

- Это моя привилегия и ответственность, - ответила я.

Перед тем, как я разорвала наш зрительный контакт, он сказал:

¹ Тако – традиционное блюдо мексиканской кухни, которое состоит из пшеничной или кукурузной лепешки с разнообразной начинкой.

- Слушай, прости, что я избежал зала ожидания. Очередь в МакДоналдсе на самом деле не была такой уж длинной, просто... просто я не хотел сидеть там, пока все эти люди глазели бы на нас и все такое.

- На меня, в основном, - сказала я. На Гаса можно было посмотреть и так и не понять, что он болен, но я таскала свою болезнь снаружи от меня, что является наипервейшей причиной тому, что я стала домоседкой. – Август Уотерс со своей общепризнанной харизмой стесняется сидеть рядом с девушкой с кислородным баллоном.

- Не стесняюсь, - сказал он. – Они просто иногда выводят меня из себя. А сегодня я этого не хочу. – Через минуту он залез в карман и вынул пачку сигарет.

Еще примерно через девять секунд к нашему ряду поспешила стюардесса-блондинка, чтобы сказать:

- Сэр, вы не можете курить на этом самолете. Как и на любом другом.

- Я не курю, - объяснил он с болтающейся во рту сигаретой.

- Но...

- Это метафора, - объяснила я. – Он помещает оружие убийства между губ, но не дает ему силы убивать.

Стюардесса оставалась в замешательстве всего мгновение.

- Ну что ж, на нашем рейсе эта метафора запрещена, - сказала она. Гас кивнул и отправил сигарету обратно в пачку.

Наконец, мы подъехали к взлетной полосе, и пилот сказал: «Бортпроводникам приготовиться к взлету», а затем два огромных реактивных двигателя взвыли, и мы начали ускоряться.

- Вот как я себя чувствую, когда ты за рулем, - сказала я, и он улыбнулся, но его челюсти были крепко сжаты, и я спросила: - Все хорошо?

Мы набирали скорость, и вдруг рука Гаса ухватилась за подлокотник, глаза широко раскрылись, и я положила мою руку на его и сказала опять: - Все хорошо? – Он ничего не ответил, просто уставился на меня распахнутыми глазами, и я сказала: - Ты боишься летать?

- Я скажу тебе через минуту, - сказал он. Нос самолета поднялся, и мы очутились в воздухе. Гас таращился в окно на то, как планета сжимается под нами, и тут я почувствовала, как его рука расслабляется под моей. Он взглянул на меня, а затем обратно в окно. – Мы *летим*, - объявил он.

- Ты никогда раньше не был на самолете?

Он покачал головой.

- ГЛЯДИ! – крикнул он, показывая на окно.

- Ага, - сказала я. – Да, я вижу. Наверное, мы в самолете.

- ЗА ВСЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ НЕ БЫЛО НИЧЕГО ПОДОБНОГО, - сказал он. Его энтузиазм был очарователен. Я не смогла противостоять порыву наклониться к нему, чтобы поцеловать в щеку.

- К твоему сведению, я все еще тут, - сказала мама. – Сижу рядом с тобой. Твоя мать. Та, которая держала тебя за руку, пока ты совершала свои первые шаги.

- Это по-дружески, - напомнила я ей, поворачиваясь, чтобы поцеловать и ее.

- На «по-дружески» было не слишком похоже, - пробормотал Гас достаточно тихо, чтобы услышала только я. Когда удивленный, взволнованный и невинный Гас вырвался из Великого расположенного к метафорам и позам Августа, я буквально не смогла сопротивляться.

Это был быстрый перелет до Детройта, где нас встретил маленький электро-кар, чтобы довезти до зала ожидания самолета в Амстердам. В этом самолете были телевизоры в спинке каждого сиденья, и как только он взлетел над

облаками, мы с Августом подстроили так, чтобы начать одновременно смотреть одну и ту же романтическую комедию, каждый на своем экране. Но даже несмотря на то, что мы идеально синхронизировали нажатие на кнопку, его фильм начался на пару секунд раньше моего, так что в каждый смешной момент он смеялся прямо перед тем, как я узнавала, в чем была шутка.

У мамы был грандиозный план на то, что мы поспим последние несколько часов полета, чтобы после приземления в восемь утра мы бы ворвались в город, готовые высосать из жизни костный мозг¹ или что там надо делать. Так что когда фильм закончился, мама, и я, и Август приняли снотворное. Мама отключилась через пару секунд, а мы с Августом какое-то время смотрели в иллюминатор. День был ясный, и хотя мы не могли видеть, как садится солнце, перед нами открывался отклик неба на закат.

- Боже, как это красиво, - сказала я практически про себя.

- Восходящее солнце слишком ярко отражалось в ее закрывающихся глазах, - произнес он строчку из *Высшего страдания*.

- Но это не рассвет, - сказала я.

- Сейчас где-то именно рассвет, - ответил он, а через минуту сказал: - Замечу: было бы круто лететь на супербыстром самолете, который мог бы некоторое время следовать за восходящим солнцем по всему миру.

¹ «Укрылся я в лесах, чтоб жизнь прожить не зря. Чтоб высосать из жизни костный мозг» - отрывок из произведения американского поэта Генри Дэвида Торо «Уолден, или Жизнь в лесу». Данный перевод на русский язык использован в кинофильме «Общество мертвых поэтов».

- А еще я бы так жила дольше. – Он вопросительно взглянул на меня. – Ну знаешь, теория относительности и все такое. – Он все еще выглядел озадаченным. – Мы медленнее стареем, если движемся быстрее. Так что прямо сейчас время для нас идет медленнее, чем для людей на земле.

- Чиксы из колледжа, - сказал он. – Такие умные.

Я закатила глаза. Он ударил своим (настоящим) коленом по моему, и я ударила его в ответ.

- Спать хочешь? – спросила я его.

- Нисколько, - ответил он.

- Ага, - сказала я. – Я тоже нет. – Снотворные препараты и наркотики не действовали на меня так, как на нормальных людей.

- Посмотрим еще один фильм? – спросил он. – У них есть фильм с Портман из ее Эры Хейзел.

- Я хочу посмотреть что-то, что я еще не видела.

Наконец мы решили посмотреть *Триста спартанцев*, фильм про то, как они защищали Спарту от нападающей армии в чуть ли не миллиард персов.

Фильм Августа опять начался раньше моего, и через несколько минут, в течение которых я постоянно слышала от него «Ты-дыщ!» или «Уничтожен!» каждый раз, когда кого-то убивали уж очень матерым способом, я решила перегнуться через подлокотник и положить голову ему на плечо, чтобы мы смогли действительно смотреть кино вместе.

Триста спартанцев включал немалую коллекцию здоровых и тщательно намащенных парней без футболок, так что смотреть было не сложно, но в основном, это было бессмысленное махание мечами. Тела персов и спартанцев падали одно на другое, и я не могла взять в толк, почему персы были такими уж злыми, а спартанцы – такими классными. «Современность, - если цитировать *ВС*, - специализируется на сражениях, в которых никто не теряет

ничего ценного, за исключением, вероятно, своих жизней». Так было и с этими конфликтующими титанами.

Ближе к концу фильма почти все погибли, и в один безумный момент спартанцы начали класть мертвые тела одно на другое, чтобы сформировать стену трупов. Мертвые стали этакой огромной заставой для персов на пути к Спарте. Я посчитала такую демонстрацию крови неуместной, поэтому отвлеклась на секунду, чтобы спросить Августа:

- Как думаешь, сколько здесь мертвых?

Он прервал меня, махнув рукой:

- Тсс, сейчас будет круто.

Я на минуту убрала голову с его плеча, чтобы отдохнуть от кровищи, и понаблюдала, как Август смотрит кино. Он не мог сдерживать свою нелепую ухмылку. Я искоса смотрела, как на моем экране росла гора из тел персов и спартанцев. Когда персы наконец захватили Спарту, я снова посмотрела на Августа. Хотя хорошие парни только что проиграли, Август казался совершенно *радостным*. Я снова прижалась к нему, но держала глаза закрытыми, пока битва не закончилась.

Когда пошли титры, он снял наушники и сказал:

- Прости, меня с головой накрыло благородство самопожертвования. Ты что-то сказала?

- Как думаешь, сколько здесь мертвых?

- Типа, сколько придуманных людей умерло в этом придуманном фильме? Недостаточно, - пошутил он.

- Нет, я хочу сказать, вообще. Сколько людей, как ты думаешь, когда-либо умерли?

- Случилось так, что я знаю ответ на этот вопрос, - сказал он. - На земле семь миллиардов живых людей и около девяносто восьми миллиардов мертвых.

- Ох, - сказала я. Я думала, что раз уж население земли растет так быстро, живущих все-таки больше, чем всех, кто когда-либо умер.

- На каждого живого человека приходится примерно четырнадцать мертвецов, - сказал он. Титры все еще шли. Наверное, много времени нужно, чтобы обозначить все эти трупы. Моя голова все еще лежала у него на плече. – Пару лет назад я провел исследование на эту тему, - продолжил Август. – Мне стало интересно, можно ли помнить всех. Вроде, если мы организуемся и припишем определенное число трупов к каждому живому, наберется ли достаточно людей, чтобы запомнить всех мертвецов?

- И как?

- Конечно, любой может запомнить четырнадцать имен. Но мы безорганизованные плакальщики, так что все помнят Шекспира, но никто не помнит человека, о котором он написал Сонет 55.

- Ага, - сказала я.

Минуту мы молчали, а затем он спросил:

- Хочешь почитать? – Я сказала, конечно. Я стала читать длинную поэму Аллена Гинзберга¹ под названием *Вопль*, которую мне задали на урок поэзии, а Гас перечитывал *Высшее страдание*.

Через некоторое время он сказал:

- Ничего?

- Поэма? – спросила я.

- Да.

- Ну, ничего. Ребята в этой поэме принимают больше препаратов, чем я. Как *ВС*?

- Все еще превосходно, - сказал он. – Почитай мне.

¹ Аллен Гинзберг – американский поэт второй половины 20 века. Его знаменитая поэма «Вопль» считается практически гимном бит-поколения, провозглашающего свободную экспрессию, сексуальный либерализм и другие ценности.

- Это не такая поэзия, которую можно читать вслух, сидя рядом со спящей матерью. В ней всякая содомия и ангельская пыль¹, - сказала я.

- Ты только что назвала два из моих любимых способов провести время, - сказал он. - Ладно, тогда почитай мне что-нибудь другое.

- Хмм, - сказала я. - У меня *нет* с собой ничего другого.

- Это очень плохо. У меня настроение послушать поэзию. Наизусть ты ничего не знаешь?

- *Ну что же, я пойду с тобой*, - нервно начала я, - *Когда под небом вечер стихнет, как больной / Под хлороформом на столе хирурга.*

- Не торопись, - сказал он.

Я чувствовала себя робкой, как когда в первый раз сказала ему о *Вышем страдании*.

- Хмм, хорошо. Хорошо. *Ну что ж, пойдем вдоль малолюдных улиц - / Опилки на полу, скорлупки устриц / В дешевых кабаках, в бормочущих притонах, / В ночлежках для ночей бессонных: / Уводят улицы, как скучный спор, / И подведут в упор / К убийственному для тебя вопросу... / Не спрашивай о чем. / Ну что ж, давай туда пойдём*².

- Я влюблен в тебя, - тихо сказал он.

- Август, - сказала я.

- Но это правда, - сказал он. Он уставился на меня, и я видела, как морщились уголки его глаз. - Я влюблен в тебя, и не хочу лишать себя простого удовольствия говорить правду. Я влюблен в тебя, и я знаю, что любовь – это просто крик в пустоту, и что забвение неизбежно, и что мы все обречены, и что придет день, когда все наши труды обратятся в пыль, и я знаю, что солнце поглотит

¹ Ангельская пыль – жаргонное название наркотика Фенциклидина.

² Отрывок из стихотворения Т.С.Элиота «Любовная песнь Дж. Альфедда Пруфрока», перевод А. Сергеева.

единственную землю, которая у нас есть, и я влюблен в тебя.

- Август, - снова сказала я, не зная толком, что еще сказать. Я чувствовала себя так, будто во мне что-то поднималось, будто я тонула в этой странно болезненной радости, но я не могла отреагировать. Я не могла ничего сказать в ответ. Я просто смотрела на него, и позволила ему смотреть на меня, пока он не кивнул со сжатыми губами и не отвернулся, оперев голову на стекло.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Должно быть, он уснул. В итоге уснула и я, и проснулась только от гудения садящегося самолета. Во рту стоял ужасный привкус, и я старалась не разжимать зубы из страха отравить всех пассажиров.

Я посмотрела на Августа, который глядел в иллюминатор, и пока мы снижались через низкие облака, я выпрямила спину, чтобы увидеть Нидерланды. Земля казалась затонувшей в океане, это были маленькие зеленые прямоугольники, окруженные каналами со всех сторон. Мы на самом деле приземлились параллельно каналу, будто было две посадочных полосы: одна для нас, а другая для водоплавающих птиц.

После получения багажа и прохождения таможи мы загрузились в такси с одутловатым лысым водителем, который говорил на превосходном английском – гораздо лучше, чем я.

- Отель Философ? – сказала я.

И он сказал:

- Вы американцы?

- Да, - сказала мама. – Мы из *Индианы*.

- Индиана, - сказал он. – Украла землю у индейцев и оставили название, так?

- Типа того, - сказала мама. Такси выбралось на трассу, и мы направились к шоссе, пестрящему голубыми знаками с двойными гласными: Oosthuizen, Haarlem. За пределами шоссе простиралось огромное пустое поле, время от времени разбиваемое огромными штаб-квартирами корпораций. Короче говоря, Голландия выглядела как Индианаполис, только с маленькими машинами.

- Это Амстердам? – спросила я водителя.

- И да, и нет, - ответил он. - Амстердам похож на годовые кольца у дерева: он становится старше, по мере того как ты приближаешься к центру.

Это случилось без предупреждения: мы покинули шоссе и увидели стоящие рядами дома из моего воображения, опасно наклоняющиеся над каналами, вездесущие велосипеды и кофешопы, приглашающие в БОЛЬШУЮ КУРИТЕЛЬНУЮ КОМНАТУ. Мы переехали через канал, и с моста я смогла увидеть десятки плавучих домов, вставших на якорь в каналах. Это было совсем не похоже на Америку. Это было похоже на старую картину, только настоящую - все такое до боли идиллическое в утреннем свете, - и я подумала, насколько восхитительно необычно было бы жить в месте, где практически все было построено мертвыми.

- Эти дома очень старые? - спросила моя мама.

- Многие из домов на берегах каналов датируются Золотым Веком - семнадцатым, - сказал он. - У нашего города богатая история, хотя большинство туристов желают увидеть только Квартал красных фонарей. - Он сделал паузу. - Некоторые туристы думают, что Амстердам - это город греха, но по правде говоря, это город свободы. А в свободе многие люди находят грех.

Все номера в отеле Философ были названы по именам философов: мы с мамой жили на первом этаже в *Кьеркегоре*, Август - на один этаж выше, в *Хайдеггере*. Наша комната была небольшой: двуспальная кровать прижималась к стене вместе с БИПАПом, кислородным концентратором и десятком дозоправляемых кислородных баллонов в ногах кровати. Кроме оборудования, там стояло старое и пыльное цветастое кресло с провисающим сиденьем, стол и книжная полка над кроватью, заключающая избранные работы Сёрена Кьеркегора. На столе мы нашли плетеную корзину, полную подарков от Джиннов: деревянную обувь,

оранжевую голландскую футболку, шоколад и много чего еще.

Философ находился прямо рядом с Вонделпарком, самым знаменитым в Амстердаме. Мама хотела пойти прогуляться, но я смертельно устала, так что она включила БИПАП и прицепила меня к его хоботу. Я ненавидела говорить с этой штукой, но я сказала:

- Просто иди в парк, а я позвоню тебе, когда проснусь.
- Хорошо, - сказала она. – Спи крепко, родная.

Но когда я проснулась несколько часов спустя, она сидела в углу, в маленьком древнем кресле, и читала путеводитель.

- Доброе утро, - сказала я.
- Вообще-то уже почти вечер, - ответила она, со вздохом поднимаясь с кресла. Она подошла к кровати, поставила баллон на тележку и подключила его к трубке, пока я отключалась от БИПАПа и вставляла канюлю в ноздри. Мама установила баллон на 2,5 литра в минуту – хватит на шесть часов, пока мне не потребуется замена, - и затем я встала.

- Как себя чувствуешь? – спросила она.
- Хорошо, - сказала я. – Отлично. Как Вонделпарк?
- Я не пошла, - сказала она. – Зато прочитала о нем все в путеводителе.

- Мам, - сказала я, - тебе не нужно было здесь оставаться.

Она пожала плечами.

- Знаю. Я хотела. Мне нравится смотреть, как ты спишь.

- Сказал маньяк. – Она рассмеялась, но я все равно почувствовала себя плохо. – Я просто хочу, чтобы ты развлекалась и все такое, понимаешь?

- Хорошо. Я буду веселиться сегодня, ладно? Я пойду, как настоящая мама, заниматься чем-нибудь бредовым, пока вы с Августом пойдете на ужин.

- Без тебя? – спросила я.

- Да, без меня. У вас уже даже забронирован столик в месте под названием Оранжи, - сказала она. – Ассистентка мистера Ван Хаутена все устроила. Ресторан находится в Джордаане, согласно путеводителю, это очень модный район. Трамвайная остановка прямо за углом. Август знает дорогу. Вы можете ужинать под открытым небом, смотря, как мимо проплывают лодки. Это будет мило. Очень романтично.

- Мам.

- Да я просто так говорю, - сказала она. – Тебе нужно одеться. Может быть, в сарафан?

Можно было просто любоваться на безумность всей ситуации: мать оставляет свою шестнадцатилетнюю дочь наедине с семнадцатилетним парнем в незнакомом городе чужой страны, знаменитом за свою вседозволенность. Но это тоже было побочным эффектом умирания: я не могла бегать, или танцевать, или есть пищу, богатую азотом, но в этом либеральном городе я находилась среди самых свободных его обитателей.

Конечно же, я надела сарафан – голубой, до колен, весь в цветах – с колготками и балетками, потому что мне нравилось быть намного ниже него. Я пошла в до смешного крошечную ванную и сражалась со своей лохматой головой до тех пор, пока не приблизилась к Натали Портман середины двухтысячных. Ровно в шесть вечера (полдень по домашнему времени) в дверь постучали.

- Да? – спросила я через дверь. В отеле Философ глазков не было.

- Хорошо, - ответил Август. Я могла слышать сигарету у него во рту. Я оглядела себя. Сарафан демонстрировал самое большее из моей грудной клетки и ключицы, что

Август когда-либо видел. Он не был непристойным, нет, но я никогда не приближалась к этой степени демонстрации кожи. (У мамы был девиз, с которым я соглашалась: «Ланкастеры не обнажают талию».)

Я потянула дверь на себя. На Августе был превосходно сидящий черный костюм с узкими лацканами, а под ним светло-голубая сорочка и тонкий черный галстук. Сигарета болталась в неулыбающемся уголке рта.

- Хейзел Грейс, - сказал он. - Ты великолепна.

- Я, - сказала я. Я все думала, что остаток предложения вырвется из воздуха, проходящего через мои голосовые связки, но ничего не произошло. Наконец, я сказала: - Я чувствую себя раздетой.

- А, это тот, о котором ты рассказывала? - сказал он, улыбаясь мне.

- Август, - сказала мама, стоящая за мной, - ты *невероятно* привлекателен.

- Спасибо, мэм, - сказал он. Он предложил мне руку. Я взяла ее, оглядываясь на маму.

- Увидимся к одиннадцати, - сказала она.

Пока мы ждали трамвай под номером один на широкой улице с насыщенным движением, я сказала Августу:

- Полагаю, это костюм, который ты надеваешь на похороны?

- Вообще-то, нет, - сказал он. - Тот костюм с этим даже близко не стоит.

Подъехал бело-голубой трамвай, и Август протянул наши карточки водителю, который объяснил, что мы должны были провести ими перед круглым сенсором. Когда мы проходили по заполненному трамваю, пожилой мужчина встал и предложил нам места, и я попыталась заставить его сесть обратно, но он настойчиво показал на сиденья. Мы проехали три остановки, я прислонялась к Гасу, чтобы мы могли вместе смотреть в окно.

Август указал на деревья и спросил:

- Ты это видишь?

Я видела. Повсюду вдоль каналов росли вязы, и ветром с них сдувало семена. Но на семена они не были похожи. Больше всего они походили на миниатюрные розовые лепестки, потерявшие свой цвет. Эти бледные лепестки собирались на ветру как стая птиц – их были тысячи, словно весенний снегопад.

Пожилой мужчина, который уступил нам сиденья, увидел, что мы смотрим на улицу, и сказал по-английски:

- Амстердамский весенний снег. *Iepen*¹ бросает конфетти, приветствуя весну.

Мы пересели на другой трамвай и еще через четыре остановки оказались на улице, разделенной красивым каналом, в котором дрожали отражения древнего моста и живописных домов.

Оранжи находился всего в паре шагов от остановки. Ресторан стоял на одной стороне улицы; его открытая терраса – на другой, на бетонном выступе прямо на краю канала. Глаза девушки-метрдотеля загорелись, как только мы подошли к ней.

- Мистер и Миссис Уотерс?

- Наверное, - сказала я.

- Вот ваш стол, - сказала она, показывая через улицу на узкий столик в десятке сантиметров от канала. – Шампанское – это наш подарок.

Мы с Гасом устали друг на друга, улыбаясь. Как только мы пересекли улицу, он выдвинул для меня стул и помог мне задвинуть его обратно. И точно, на столе с белой скатертью стояли два узких бокала с шампанским. Легкая прохлада в воздухе великолепно уравнивалась солнечным светом; по одну сторону от нас мимо проезжали велосипедисты – хорошо одетые мужчины и женщины,

¹ Iepen – (голланд.) вяз

едущие с работы, невероятно привлекательные блондинки, сидящие на одном велосипеде с другом, крошечные дети без шлемов, подсакивающие на пластиковых сиденьях за своими родителями. А по другую сторону, вода задыхалась от миллионов семян-конфетти. Маленькие лодки стояли на якоре у набережных, наполовину заполненные дождевой водой, некоторые готовые затонуть. Немного дальше по каналу я видела плавучие дома на понтонах, а посередине него – открытую плоскую лодку, на палубе которой стояли стулья и неработающий портативный проигрыватель. Август взял свой бокал с шампанским и поднял его. Я взяла свой, хотя до этого я никогда не пила ничего, кроме пары глотков папиного пива.

- Хорошо, - сказал он.

- Хорошо, - сказала я, и мы чокнулись. Я глотнула. Крошечные пузырьки растаяли у меня во рту и улетели на север, в область мозга. Сладко. Свежо. Вкусно. – Это очень здорово, - сказала я. – Я никогда не пила шампанское.

Рядом с нами появился крепкий молодой официант с волнистыми светлыми волосами. Он был, возможно, даже выше Августа.

- Вы знаете, - спросил он с приятным акцентом, - что сказал Дон Периньон после того, как избрал шампанское?

- Нет, - сказала я.

- Он позвал своих друзей монахов: идите все сюда, я пробую звезды на вкус! Добро пожаловать в Амстердам. Вы хотите посмотреть меню, или возьмете выбор шеф-повара?

Я посмотрела на Августа, а он на меня.

- Выбор шеф-повара звучит замечательно, но Хейзел – вегетарианка. – Я упоминала это при Августе абсолютно точно всего один раз: в первый день нашего знакомства.

- Это не проблема, - сказал официант.

- Круто. И можно еще вот этого? – спросил Гас, имея в виду шампанское.

- Конечно, - сказал наш официант. – Этим вечером мы разлили по бутылкам все звезды, мои юные друзья. Гаа, конфетти! – сказал он, и слегка стряхнул семена с моего голого плеча. – Так плохо не было уже много лет. Они повсюду. Очень раздражает.

Официант исчез. Мы смотрели, как конфетти падают с неба, пролетают мимо земли по ветру и падают в канал.

- Как-то трудно поверить, чтобы кого-либо это раздражало, - сказал Август через какое-то время.

- Люди всегда привыкают к красоте.

- Я до сих пор к тебе не привык, - ответил он, улыбаясь. Я почувствовала, что краснею. – Спасибо, что поехала в Амстердам, - сказал он.

- Спасибо, что позволил мне спереть твое желание, - сказала я.

- Спасибо, что надела это платье, которое ну просто обалдеть, - сказал он. Я покачала головой, стараясь не улыбаться. Я не хотела быть гранатой. Но все-таки, он же понимал, что делает, не так-ли? Это был и его выбор. – Слушай, а как заканчивается та поэма? – спросил он.

- А?

- Та, которую ты рассказывала мне на самолете?

- А, Пруфрок? Вот так: *Мы грезили в русалочьей стране / И, голоса людские слыша, стонем, / И к жизни пробуждаемся, и тонем.*¹

Август достал сигарету и постучал фильтром по столу.

- Дурацкие людские голоса вечно все портят.

Официант вернулся с еще двумя бокалами шампанского и тем, что он назвал «Белой бельгийской спаржей с настоем лаванды».

- Я тоже ни разу не пил шампанское, - сказал Гас после его ухода. – Если тебе интересно. Также, я ни разу не ел белую спаржу.

¹ Отрывок из стихотворения Т.С.Элиота «Любовная песнь Дж. Альфедэ Пруфрока», перевод А. Сергеева.

Я как раз сделала свой первый укус.

- Это великолепно, - пообещала я ему.

Он откусил немного, проглотил.

- Господи. Если бы спаржа всегда была такой на вкус, я бы тоже стал вегетарианцем.

Несколько человек в лакированной деревянной лодке приблизились к нам по каналу. Одна из них, женщина со светлыми кудрявыми волосами, лет тридцати, отпила пива, затем подняла бокал и что-то прокричала.

- Мы не говорим по-голландски, - прокричал Гас в ответ.

Кто-то другой прокричал перевод: «Прекрасная пара прекрасна».

Еда была такая обалденная, что с каждым новым блюдом наш разговор все дальше развивался в сторону восхваления ее вкуса: «Если бы это ризотто с лиловой морковью было человеком, я бы взял его в Лас Вегас и женился бы на нем», «Сорбет из душистого горошка, ты так неожиданно великолепен». Хотелось бы мне быть более голодной.

После ньокки¹ с молодым чесноком и листьями красной горчицы официант сказал: «Дальше десерт. Еще звезд?». Я покачала головой. Двух бокалов было достаточно. Как и в случае с депрессантами и обезболивающими, к шампанскому я была толерантна: чувствовалось тепло, но не опьянение. Но напиться мне не хотелось. Такие вечера не часто случаются, и я хотела его запомнить.

- Ммм, - сказала я, когда официант ушел, и Август криво усмехнулся, смотря вниз на канал, пока я смотрела вверх. У нас было на что посмотреть, так что тишина не была неловкой, но мне хотелось, чтобы все было идеально. Вроде бы, это и *было* идеально, но чувство было такое,

¹ Ньокки (итал. gnocchi) – итальянские клецки из муки, манки, картофеля, яиц и других ингредиентов.

будто бы кто-то выстроил Амстердам из моего воображения, и было тяжело забыть, что этот ужин, и поездка вообще, был Онко-Бонусом. Я просто хотела, чтобы мы спокойно говорили и шутили, словно мы сидим на диване дома, но в основе всего лежало напряжение.

- Это не костюм для похорон, - сказал он через какое-то время. - Когда я только узнал, что болен - то есть, мне дали примерно восемьдесят пять процентов выздоровления... Знаю, цифры отличные, но я все еще думал, что это игра, похожая на русскую рулетку. Я хочу сказать, мне предстояло пройти через шесть месяцев или год ада и потерять ногу, и это все равно могло не сработать, понимаешь?

- Понимаю, - сказала я, хотя нет, я не совсем понимала. Я всегда была обречена, все мое лечение было направлено на увеличение моей жизни, а не на борьбу с раком. Фаланксифор ввел в мою историю рака определенную двусмысленность, но я отличалась от Августа: моя последняя глава была написана при выставлении диагноза. Гас, как большинство избавившихся от рака, жил с неуверенностью.

- Ну, - сказал он. - Так что я прошел через все это, только пытаюсь быть готовым. Мы купили участок на кладбище на Краун Хилл, я однажды выбрал место, когда прогуливался там с папой. И все мои похороны были спланированы и все такое, и прямо перед операцией я спросил у родителей, не могу ли я купить костюм, очень хороший костюм, на случай если я не выживу. Но мне так и не довелось его надеть. До этого вечера.

- Так это твой смертный костюм.

- Точно. А у тебя есть смертная одежда?

- Да, - сказала я. - Это платье, которое я купила на свой пятнадцатый день рождения. Но я не надеваю его на свидания.

Его глаза загорелись.

- Мы на свидании? – спросил он.

Я опустила глаза, смутившись.

- Не торопи события.

Мы оба явно были сыты, но десерт – насыщенный, богатый крем с маракуйей – был слишком хорош, чтобы хотя бы не лизнуть его, так что мы немного помедлили, стараясь снова проголодаться. Солнце вело себя как ребенок, отказывающийся идти в кровать: было уже полдевятого, но все еще светло.

Совершенно без предупреждения Август спросил:

- Ты веришь в жизнь после смерти?

- Я думаю, что вечность – неправдоподобная концепция, - ответила я.

Он усмехнулся.

- Ты – неправдоподобная концепция.

- Я знаю. Вот почему меня исключили из претендентов.

- Это не смешно, - сказал он, глядя на улицу. Мимо проехали две девушки на одном велосипеде, одна из них сидела на заднем колесе.

- Да ладно тебе, - сказала я. – Это была шутка.

- Мне совсем не смешно от мысли, что тебя исключили из претендентов, - сказал он. – Хейзел, серьезно, так как насчет жизни после смерти?

- Нет, - сказала я, а потом исправилась: - Ну, возможно, я бы не стала это так категорично отрицать. А ты?

- Да, - сказал он полным уверенности голосом. – Да, абсолютно. Только не рай, где можно скакать на единорогах, играть на арфе и жить в особняке, сделанном из облаков. Но да. Я верю во Что-то с заглавной Ч. Всегда верил.

- Серьезно? – спросила я. Я была удивлена. Я всегда ассоциировала веру в рай с, честно говоря, чем-то вроде умственного расстройтва. Но Гас не был тупым.

- Да, - тихо сказал он. – Я верю в ту строчку из *Высшего страдания*. «Восходящее солнце слишком ярко отражалось в ее закрывающихся глазах». Бог – это восходящее солнце, и свет слишком ярок, и ее глаза жмурятся, но они еще не закрыты. Я не верю, что мы вернемся на землю, чтобы преследовать или утешать живых, но я думаю, что из нас что-то появится.

- Но ты боишься забвения.

- Конечно, я боюсь земного забвения. Но... то есть, не хочу, чтобы это звучало, как от моих родителей, но я верю, что у нас есть душа, и я верю, что она сохраняется. Страх забвения – это что-то другое, это опасение, что мне нечего будет отдать взамен за мою жизнь. Если ты не прожил жизнь ради службы высшему добру, то ты должен хотя бы умереть за это добро, понимаешь? И я боюсь, что я не получу ни жизни, ни смерти, которые чего-либо стоили.

Я просто покачала головой.

- Что? – спросил он.

- Твоя одержимость всем этим... умереть не просто так или оставить после себя великий след героизма или типа того... это просто нелепо.

- Все хотят прожить необыкновенную жизнь.

- Не все, - сказала я, неспособная скрыть мое раздражение.

- Ты злишься?

- Просто это, - сказала я, и не смогла закончить предложение. – Просто, - снова сказала я. Между нами мигала свеча. – Это очень обидно, так говорить, что имеют значение только те жизни, которые прожиты ради чего-то или отданы за что-то. Мне очень обидно это слышать.

По какой-то причине я почувствовала себя маленьким ребенком, и взяла ложку десерта, чтобы сделать вид, будто не настолько задета.

- Прости, - сказал он. – Я не то имел в виду. Я думал о себе.

- Да, именно, - сказала я. Я была слишком сыта. Вообще-то, я даже волновалась, что меня вырвет, потому что меня часто рвало после еды (не булимия, а всего лишь рак). Я толкнула мой десерт к Гасу, но он покачал головой.

- Прости, - снова сказал он, протягивая ладонь через стол. Я позволила ему взять меня за руку. - Знаешь, я мог бы быть еще противнее.

- Куда еще? – спросила я, дразня его.

- Я хочу сказать, что над моим унитазом висит табличка, на которой написано: «Ежедневно омывайся в утешении Слова Божьего», Хейзел. Я мог бы быть и хуже.

- Звучит негигиенично, - сказала я.

- Я мог бы быть хуже.

- Ты мог бы быть хуже, - улыбнулась я. Я ему и вправду нравилась. Может, я была самовлюбленной или типа того, но когда в тот момент в Оранжи я это поняла, Август стал нравиться мне еще больше.

Когда наш официант появился, чтобы забрать десерты, он сказал:

- Ваш ужин был оплачен мистером Питером Ван Хаутеном.

Август улыбнулся.

- Этот Питер Ван Хаутен совсем не плох.

Темнело, мы прогуливались вдоль канала. В квартале от Оранжи мы остановились у парковой скамейки, окруженной старыми ржавыми велосипедами, прицепленными к железной раме и друг к другу. Мы сели бок о бок лицом к каналу, и он обнял меня одной рукой.

Я видела ореол свечения, исходящего от Квартала красных фонарей. И несмотря на то, что это был Квартал красных фонарей, сияние оттуда шло зловеще зеленоватое. Я представила, как тысячи туристов напиваются, шыряются и перепихиваются на узких улочках.

- Просто не верится, что завтра он нам расскажет, - сказала я. - Питер Ван Хаутен поведаст нам превосходно написанный конец его самой лучшей книги.

- А еще он заплатил за наш ужин, - сказал Август.

- Мне все кажется, что до того, как все рассказать, он обыщет нас на предмет записывающих устройств. А потом сядет между нами на диван в своей гостиной и прошепчет, выйдет ли мама Анны замуж за Голландца с тюльпанами.

- Не забудь о хомячке Сизифе, - добавил Август.

- Точно, и о том, какая судьба ожидает хомячка Сизифа. - Я наклонилась вперед, чтобы поближе взглянуть на канал. В воде было до смешного много этих бледных лепестков вяза. - Это будет сиквел только для нас, - сказала я.

- А какой конец ты предполагаешь? - спросил он.

- Я правда не знаю. Я тысячу раз думала и так и эдак. Каждый раз, когда я перечитывала книгу, я выдумывала что-то новое, понимаешь? - Он кивнул. - А у тебя есть теория?

- Ага. Я не думаю, что Голландец с тюльпанами - аферист, но он также не такой богатый, как заставил их верить. И я думаю, что после смерти Анны ее мама едет с ним в Голландию и полагает, что они будут там жить вечно, но ничего не выходит, потому что она хочет быть там, где была ее дочь.

Я раньше не замечала, что он так много думает об этой книге, что *Высшее страдание* стало значимым для Гаса вне зависимости от меня.

Вода мягко плескалась о каменные стены канала под нами; группа друзей проехала на великах мимо зарослей, перекрикиваясь на скорострельном горловом голландском; крошечные лодочки, не длиннее моего роста, наполовину утонули в канале; запах воды, неподвижной слишком долгое время; его рука, сжимающая меня; его настоящая нога, прижимающаяся к моей ноге по всей длине, от бедра

до стопы. Я немного сильнее прижалась к нему. Он вздрогнул.

- Прости, ты в порядке?

Он с явной болью выдохнул «Ага».

- Прости, - сказала я. - Костлявое плечо.

- Нормально, - сказал он. - На самом деле, даже приятно.

Мы долго там сидели. Наконец его рука покинула мое плечо и легла на спинку скамейки. В основном, мы просто глазели на канал. Я много думала о том, как у них получилось заставить это место существовать несмотря на то, что оно должно бы уйти под воду, и о том, что я смотрела на Амстердам скорее как доктор Мария, как на полузатонувшую аномалию, и это заставило меня думать о смерти.

- Могу я спросить тебя о Кэролайн Мэтэрс?

- А ты говоришь, что жизни после смерти не существует, - ответил он, не смотря на меня. - Ну да, конечно. Что ты хочешь узнать?

Я хотела знать, будет ли он в порядке, если я умру. Я хотела не быть гранатой, не быть злой силой в жизнях людей, которых я любила.

- Ну вроде как, что случилось.

Он вздохнул, выдыхая так долго, что моим дерьмовым легким показалось, будто он хвастается. Он закинул свежую сигарету в рот.

- Ты знаешь, что нет места, на котором играют меньше, чем на больничной игровой площадке? - Я кивнула. - Ну, это было в Мемориале за пару недель до того, как они ампутировали ногу. Я был на пятом этаже и окна мои выходили на площадку, которая, конечно же, всегда была чрезвычайно заброшенной. Я был полностью погружен в метафорическое звучание пустой игровой площадки во внутреннем дворе больницы. Но затем какая-то девушка стала появляться в одиночестве на этой

площадке, каждый день, совершенно одна качалась на качелях, такое только в фильме увидишь. Так что я попросил одну из нормальных медсестер разузнать о ней, и сестра привела ее познакомиться, и это была Кэролайн, и я использовал свою безмерную харизму, чтобы покорить ее. – Он замолчал, поэтому я решила что-нибудь сказать.

- Ты не такой уж харизматичный, - сказала я. Он усмехнулся, не веря. – В основном, ты просто красавчик, - объяснила я.

Он рассмеялся.

- Дело в том, что когда говоришь о мертвых, - сказал он, и остановился. – Дело в том, что ты кажешься сволочью, если не романтизируешь их, но правда, она... это очень сложно, как мне кажется. Ну, ты же знакома с образом stoического и непоколебимого больного раком, который героически сражается с болезнью, просто-таки с нечеловеческой силой, и никогда не жалуется, и не перестает улыбаться до самого конца, и так далее?

- Несомненно, - сказала я. – Это добросердечные и благородные души, каждое дыхание которых, - это Вдохновение для всех нас. Они так сильны! Мы так ими восхищаемся!

- Точно, но на самом деле, я имею в виду, за нашим исключением, дети с раком статистически не то чтобы очень классные, или сострадательные, или упорные, или еще чего. Кэролайн чаще всего была унылой и несчастной, но мне это нравилось. Мне нравилось чувство, будто она избрала меня в качестве единственного человека, которого она не будет ненавидеть, и все наше совместное время мы проводили в распекании окружающих, понимаешь? Мы ругали медсестер, и других детей, и наши семьи, и шут знает кого еще. Но я не знаю, была ли это она или ее опухоль. То есть, одна из ее медсестер однажды сказала мне, что опухоль Кэролайн среди других их разновидностей известна как Сволочная опухоль, потому что она

превращает тебя в настоящего монстра. Так что вот тебе девушка, которой не достает одной пятой ее мозга, и у нее только что случился рецидив Сволочной опухоли, и она не была, понимаешь, образцом стоического героизма больного ребенка. Она... Честно говоря, она была сукой. Но так говорить нельзя, потому что у нее была опухоль, и еще она, ну, она мертва. И у нее была куча причин на то, чтобы быть мерзкой, понимаешь?

Я понимала.

- Помнишь ту часть в *Высшем страдании*, когда Анна прогуливается по футбольному полю, идя на физкультуру или типа того, и тут она падает, прямо лицом на траву, и в этот момент понимает, что рак вернулся, и он в ее нервной системе, и она не может встать, а ее лицо в паре сантиметров от травы, и она просто застряла в этом положении, наблюдая за тем, как на траву падает свет, и... я точно не помню строчку, но там что-то вроде того, что к Анне приходит это Уитменское¹ откровение о том, что определением человечности является способность восхищаться величавостью творения или типа того. Помнишь это место?

- Я помню это место, - сказала я.

- И вот, пока меня потрошили химией, по какой-то причине я решил надеяться. Не в принципе на выздоровление, но я чувствовал примерно то же, что и Анна в книге, это чувство волнения и благодарности просто за то, что я могу всем этим восхищаться.

Но в то же время, Кэролайн становилось хуже день ото дня. Иногда ее отпускали домой, и были моменты, когда я думал, что у нас могли бы быть, типа, нормальные отношения, но нет, потому что у нее не было фильтра между мыслями и речью, и это было грустно, и неприятно, и иногда больно. Но нельзя же бросить девушку с опухолью

¹ Уолт Уитмен (1819 – 1892) – американский поэт, в своем творчестве выражает широкий и оптимистичный взгляд на мир.

мозга. И я нравился ее родителям, и еще у нее был младший брат, классный мальчишка. То есть, ну как можно ее бросить? Она же умирает.

Это заняло вечность. Почти год, целый год я тусовался с девушкой, которая могла, ну, засмеяться из ниоткуда, и показать пальцем на мой протез, и назвать меня Обрубком.

- Нет, - сказала я.

- Да. Я хочу сказать, это была ее опухоль. Она съела ее мозг, понимаешь? Или это не была опухоль. Мне никак не узнать, потому что она и ее болезнь, они были неразделимы. Но ей становилось все хуже, и она повторяла одни и те же истории, и смеялась над своими комментариями, даже если она это сказала уже в сотый раз на дню. Например, она целыми неделями рассказывала одну и ту же шутку: «У Гаса классные ноги. Я хочу сказать, нога». А потом смеялась, как помешанная.

- Ох, Гас, - сказала я. – Это... - Я не знала, что сказать. Он не смотрел на меня, и мне показалось, что будет навязчивым посмотреть на него. Мне показалось, что он тут же сбежит. Он вытащил сигарету изо рта и посмотрел на нее, катая между большим и указательным пальцем, потом положил ее обратно.

- Ну, - сказал он, - честно говоря, у меня и вправду классная нога.

- Мне жаль, - сказала я. – Мне правда очень жаль.

- Все хорошо, Хейзел Грейс. Но просто для ясности, когда я подумал, что увидел призрак Кэролайн Мэтэрс в Группе поддержки, я не был откровенно счастлив. Я глазел, но не жаждал, если ты понимаешь, что я имею в виду. – Он достал пачку из кармана и вернул туда сигарету.

- Мне жаль, - снова сказала я.

- Мне тоже, - сказал он.

- Я ни за что не хочу навредить тебе, - сказала я ему.

- О, я был бы не против, Хейзел Грейс. Это привилегия – иметь разбитое тобой сердце.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Я проснулась в четыре часа голландского утра, готовая начинать день. Все попытки заснуть обратно провалились, так что я просто лежала с БИПАПом, качающим воздух вовнутрь и выталкивающим его наружу, наслаждаясь драконьим шумом, но думая о том, что лучше бы я сама управляла своими вдохами и выдохами.

Я перечитывала *Высшее страдание*, пока мама не проснулась и не перекадилась ко мне около шести утра. Она прижалась носом к моему плечу, и это было неудобно и слегка напоминало об Августе.

Отель принес к нам в комнату завтрак, который, к моему наслаждению, включал *ветчину* среди многих других противоречий конструкции американского завтрака. Платье, которое я планировала надеть на встречу с Питером Ван Хаутеном, было использовано для ужина в Оранжи, так что после того, как я приняла душ и заставила волосы лежать более-менее прямо, я потратила чуть ли не полчаса на обсуждение многочисленных преимуществ и недостатков доступных вариантов одежды с моей мамой. Наконец, я решила одеться как можно более похоже на Анну из *ВС*: конверсы и темные джинсы, и светло-голубая футболка.

На футболке был принт знаменитой сюрреалистической работы Рене Магритта ¹, где он нарисовал трубку, а внизу курсивом написал *Ceci n'est pas une pipe* (Это не трубка).

- Я просто не понимаю эту футболку, - сказала мама.
- Питер Ван Хаутен поймет, поверь мне. В *Высшем страдании* есть чуть ли не семь тысяч отсылок к Магритту.
- Но это и *есть* трубка.

¹ Рене Магритт (1898—1967) – бельгийский художник-сюрреалист.

- Нет, это не так, - сказала я. – Это *рисунок* трубки. Понимаешь? Любое представление предмета по сути своей абстрактно. Это очень умно.

- Как ты так выросла, что понимаешь вещи, которые вводят твою старую маму в замешательство? – спросила мама. - Кажется, что только вчера я объясняла семилетней Хейзел, почему небо голубое. Ты тогда думала, что я гений.

- Так *почему* небо голубое? – спросила я.

- Потому что, - ответила она. Я рассмеялась.

По мере того, как время приближалось к десяти, я все более и более нервничала: волновалась перед встречей с Августом; волновалась перед встречей с Питером Ван Хаутеном; волновалась, что мой выбор одежды был не очень хорош; волновалась, что мы не найдем нужный дом, потому что все дома в Амстердаме выглядели одинаково; волновалась, что мы потеряемся и никогда не найдем дорогу обратно в Философ; волновалась волновалась волновалась. Мама все пыталась говорить со мной, но я не могла по-настоящему слушать. Я была готова попросить ее сходить наверх и проверить, что Август уже проснулся, когда он постучал.

Я открыла дверь. Он посмотрел на футболку и улыбнулся.

- Смешно, - сказал он.

- Не называй мои сиськи смешными, - ответила я.

- Я все еще здесь, - сказала мама. Но я заставила Августа покраснеть и достаточно вытолкнула его из игры, чтобы отважиться наконец взглянуть на него.

- Ты уверена, что не хочешь пойти? – спросила я маму.

- Я собираюсь в Рейксмюзеум¹ и Вонделпарк сегодня, - сказала она. – К тому же, я просто не понимаю эту книгу. Без обид. Поблагодари его и Лидевидж от нас, хорошо?

¹ Рейксмюзеум (нидерл. Rijksmuseum) – Государственный музей в Амстердаме, основан в 1808 году.

- Ладно, - сказала я. Я обняла маму, и она поцеловала меня в голову прямо над ухом.

Узкий белый дом Питера Ван Хаутена находился прямо за углом отеля, на Вонделстраат, лицом к парку. Номер 158. Август взял меня под руку, а другой рукой схватил кислородную тележку, и мы поднялись на три ступеньки к сине-черной лакированной входной двери. Мое сердце колотилось. Я стояла в одной закрытой двери от ответов, о которых я мечтала с того момента, как в первый раз прочла последнюю незаконченную страницу.

В доме раздавались басы, которые грохотали достаточно, чтобы сотрясать оконные рамы. Я подумала, а нет ли у Питера Ван Хаутена ребенка, которому нравится рэп.

Я схватилась за дверной молоток в форме львиной головы и настойчиво постучала. Ритм продолжал звучать.

- Может, он нас из-за музыки не слышит? – спросил Август. Он взялся за львиную голову и постучал в несколько раз сильнее.

Музыка прекратилась, сменившись шаркающими шагами. Скользнул приглушенный затвор. Еще один. Дверь со скрипом открылась. Пузатый мужчина с тонкими волосами, обвисшими челюстями и недельной бородой жмурился от солнечного света. На нем была светло-голубая мужская пижама, как в старых фильмах. Его лицо и живот были такими круглыми, а руки такими худыми, что он выглядел как шарик теста с четырьмя воткнутыми в него палками.

- Мистер Ван Хаутен? – спросил Август слегка сорвавшимся голосом.

Дверь захлопнулась. За ней я услышала, как заикающийся гнусавый голос крикнул: «ЛИИИ-ДЕ-ВАЙ!» (а до этого момента я произносила имя его ассистантки как «Лидевидж»).

Через дверь нам все было слышно.

- Они там, Питер? – спросила женщина.

- Там... Лидевай, там два подростковых явления за дверью.

- Явления? – спросила она с приятным голландским напевом.

Ван Хаутен стремительно ответил:

- Два фантома, призрака, упыря, пришельца, вне-земных *явления*, Лидевай. Как может человек, работающий над степенью по американской литературе, демонстрировать такие отвратительные способности к английскому языку?

- Питер, они не вне-земные существа. Это Август и Хейзел, молодые поклонники, с которыми вы переписывались.

- Они... что? Они... я думал, что они в Америке!

- Да, но вы пригласили их сюда, вы вспомните.

- Знаешь, зачем я уехал из Америки, Лидевай? Чтобы мне никогда больше не пришлось столкнуться с американцами.

- Но вы американец.

- Да, и это, кажется, неизлечимо. Но что касается *этих* американцев, вы должны велеть им сейчас же убраться, и сказать им, что произошла ужасная ошибка, что благословенный Ван Хаутен сделал риторическое предложение встретиться, не настоящее, что такие предложения всегда надо рассматривать символично.

Я думала, что меня вырвет. Я посмотрела на Августа, который пристально глядел на дверь, и увидела, как обвисают его плечи.

- Я этого не сделаю, Питер, - ответила Лидевай. – Вы *должны* встретиться с ними. Вы должны. Вам нужно с ними увидеться. Вам нужно увидеть, как важна ваша работа.

- Лидевай, вы сознательно ввели меня в заблуждение, чтобы это устроить?

Последовала долгая тишина, и наконец, дверь снова открылась. Он, словно метроном, качал головой от меня к Августу и обратно, все еще щурясь.

- Кто из вас Август Уотерс? – спросил он. Август неуверенно поднял руку. Ван Хаутен кивнул и сказал: - Ты уже разобрался с той чикулей?

После чего я в первый и единственный раз наблюдала взаправду потерявшего дар речи Августа Уотерса.

- Я, - начал он. – эм, я... Хейзел, ммм... Ну...

- Кажется, у этого парня какая-то задержка в развитии, - сказал Питер Ван Хаутен, обращаясь к Лидевай.

- *Питер*, - прикрикнула она.

- Ну, - сказал Питер Ван Хаутен, протягивая мне руку, - это в любом случае удовольствие, встретить настолько онтологически невозможных существ.

Я пожала его опухшую руку, а затем он протянул руку Августу. Интересно, а что значит *онтологически*. Неважно, мне все равно нравится. Мы с Августом вместе были в Клубе невозможных существ: мы и утконосы с их клювами.

Конечно, я надеялась, что Питер Ван Хаутен будет вменяемым, но мир – не фабрика по исполнению желаний. Самое важное было то, что дверь была открыта, и я переступала порог, чтобы узнать, что случается после конца *Высшего страдания*. Этого было достаточно. Мы последовали за ним и Лидевай вовнутрь, мимо огромного дубового стола с всего лишь двумя стульями, в жутковато стерильную гостиную. Она была похожа на музей, за исключением того, что на пустых белых стенах не было картин. Если не учитывать диван и одно кресло, оба из черной кожи и стали, комната казалась пустой. Потом я заметила два больших черных пакета для мусора, полных и завязанных, за диваном.

- Мусор? – пробормотала я, вроде бы, достаточно тихо, чтобы не услышал никто, кроме Августа.

- Почта от поклонников, - ответил Ван Хаутен, садясь в кресло. – Восемнадцать лет. Не могу открыть. Слишком страшно. Ваши послания стали первыми, на которые я ответил, и смотрите, к чему это меня привело. Я, честно говоря, нахожу существование читателей в целом непривлекательным.

Это объясняло, почему он ни разу не ответил ни на одно мое письмо: он их и не читал. Почему он вообще их хранил, стоящими в этой строгой и иначе бы пустой гостиной. Ван Хаутен забросил ноги на тахту и скрестил тапочки. Он указал на диван. Мы с Августом сели рядом друг с другом, но не *слишком*.

- Не хотели бы вы позавтракать? – спросила Лидевай.

Я начала говорить, что мы уже поели, но Питер перебил меня:

- Для завтрака чересчур рано, Лидевай.

- Ну, они из Америки, Питер, так что в их телах сейчас уже вторая половина дня.

- Тогда для завтрака слишком поздно, - сказал он. – Как бы то ни было, вторая половина дня в теле или нет, нужно насладиться коктейлем. Вы пьете скотч? – спросил он меня.

- Пью ли я...эм, нет, спасибо, - сказала я.

- Август Уотерс? – спросил Ван Хаутен, кивая в сторону Гаса.

- Эмм, нет, не нужно.

- Тогда только мне, Лидевай. Виски с водой, пожалуйста. – Питер обратил свое внимание к Гасу, спрашивая: - Знаешь, как в этом доме подают скотч с водой?

- Нет, сэр, - сказал Гас.

- Мы наливаем скотч в стакан и вызываем в мозгу мысль о воде, а затем мы смешиваем реальный виски с абстрактной идеей воды.

Лидевай сказала:

- Может, сначала немного завтрака, Питер?

Он посмотрел на нас и театрально прошептал:

- Она думает, что у меня проблемы с выпивкой.
- И я думаю, что солнце взошло, - ответила Лидевай.

Однако она повернулась к бару в гостиной, дотянулась до бутылки с шотландским виски и налила полстакана. Она принесла его ему. Питер Ван Хаутен хлебнул, а затем выпрямился в кресле.

- Такой прекрасный напиток заслуживает лучшей позы, - сказал он.

Я осознала свою собственную посадку и немного подобралась на диване. Я поправила канюлю. Папа всегда говорил мне, что можно оценивать людей по тому, как они относятся к официанткам и ассистенткам. По этой мерке Питер Ван Хаутен был, возможно, самым противнейшим из кретинов.

- Так вам нравится моя книга, - сказал он Августу после еще одного глотка.

- Да, - сказала я, говоря за Августа. - И да, мы - ну, то есть Август, - он сделал встречу с вами своим Желанием, чтобы мы смогли приехать сюда, чтобы вы смогли рассказать нам, что случается после конца *Высшего страдания*.

Ван Хаутен ничего не ответил, просто сделал долгий глоток из своего стакана.

Через минуту Август сказал:

- Ваша книга вроде как соединила нас.
- Но вы не вместе, - заметил он, не смотря на меня.
- Вроде как почти соединила нас, - сказала я.

Теперь он повернулся ко мне.

- Ты специально оделась, как она?
- Как Анна? - спросила я.

Он просто продолжал смотреть на меня.

- Вроде того, - сказала я.

Он сделал еще один большой глоток, затем поморщился.

- У меня нет проблем с выпивкой, - объявил он необоснованно громким голосом. - У меня с алкоголем Черчиллевские отношения: я могу стрелять шутками и управлять Англией, и делать все, что захочу. Вот только не пить. - Он взглянул на Лидевай и кивнул на стакан. Она взяла его, затем пошла к бару. - Только *идея* воды, Лидевай, - проинструировал он.

- Ага, ясно, - сказала она с практически американским акцентом.

Прибыла вторая порция. Позвоночник Ван Хаутена снова выпрямился в уважение. Он сбросил тапочки. У него были уродливые ноги. Он практически разрушил весь образ авторитетного гения. Но у него были ответы.

- Ну, эм, - сказала я, - во-первых, мы хотим поблагодарить вас за вчерашний ужин и...

- Мы оплатили им ужин вчера? - спросил Ван Хаутен у Лидевай.

- Да, в Оранжи.

- А, ну да. Поверьте мне, когда я скажу, что вам стоит благодарить не меня, а Лидевай, с ее исключительным талантом тратить мои деньги.

- Нам это было в удовольствие, - сказала Лидевай.

- Ну, все равно спасибо, - сказал Август. Я услышала раздражение в его голосе.

- Ну вот он я, - сказал Ван Хаутен через какое-то время. - Какие у вас вопросы?

- Эм, - сказал Август.

- Он казался таким умным в письмах, - сказал Ван Хаутен Лидевай, имея в виду Августа. - Возможно, рак устроил плацдарм в его голове.

- Питер, - сказала Лидевай практически в ужасе.

Я тоже ужаснулась, но было что-то приятное в этом парне, таком гадком, что он отказывался относиться к нам с почтением.

- У нас на самом деле есть вопросы, - сказала я. - Я говорила о них в письме. Не знаю, помните ли вы.

- Нет.

- Его память противоречива, - сказала Лидевай.

- Если бы только моя память могла противоречить, - ответил Ван Хаутен.

- Так, наши вопросы, - повторила я.

- Она употребляет королевское «мы», - сказал Питер, ни к кому в особенности не обращаясь. Еще глоток. Я не знала, каков скотч на вкус, но если он хоть каплю похож на шампанское, я могу представить, как он может пить так много, так быстро, так рано утром. - Ты знакома с парадоксом Зенона о черепахе?

- У нас есть вопросы о том, что случается с персонажами после конца книги, особенно с мамой...

- Ты неправильно полагаешь, что мне необходимо услышать твой вопрос, чтобы ответить на него. Ты знакома с философом Зеноном? - Я слегка покачала головой. - Печально. Зенон был досократным философом, который обнаружил сорок парадоксов в точке зрения на бытие, высказанной Парменидом - конечно же, ты знаешь Парменида, - сказал он, и я кивнула, что знаю Парменида, хотя это было не так. - Слава Богу, - сказал он. - Зенон специализировался на разоблачении неточностей и излишних упрощений Парменида, что было несложно, так как Парменид был поразительно неправ везде и всегда. Парменид значим в точности так же, как значимо иметь знакомого, который с большой вероятностью выбирает не ту лошадь каждый раз, когда ты берешь его с собой на скачки. Но Зенон более всего известен... подожди, просвети-ка меня о степени твоей осведомленности о шведском хип-хопе.

Я не могла понять, шутит ли Питер Ван Хаутен. Через пару секунд Август ответил за меня:

- Осведомленность ограничена, - сказал он.

- Конечно, но предположительно вы знакомы с плодотворным альбомом *Fläcken* от *Afasi och Filthy*.

- Нет, - сказала я за нас двоих.

- Лидевай, немедленно включи "Bomfalleralla". - Лидевай подошла к плееру, немного крутанула колесико и нажала кнопку. Рэп загрохотал со всех направлений. Песня была совершенно обыкновенной, вот только слова были на шведском.

Когда она закончилась, Питер Ван Хаутен выжидающе посмотрел на нас, раскрыв свои крохотные глаза настолько, насколько это было возможно.

- Ага? - спросил он. - Ага?

Я сказала:

- Простите, сэ,р, но мы не говорим по-шведски.

- Ну, конечно же нет. И я тоже. Кто, блин, вообще говорит по-шведски? Важно не то, какой вздор *произносят* голоса, а то, что голоса *чувствуют*. Вам, несомненно, известно, что существует только две эмоции: любовь и страх, - и что *Afasi och Filthy* перемещаются между ними с легкостью, которую просто так не найти в хип-хопе за пределами Швеции. Мне включить еще раз?

- Вы шутите? - сказал Гас.

- Прошу прощения?

- Это какое-то представление? - он взглянул на Лидевай и спросил: - Да ведь?

- Боюсь, что нет, - ответила Лидевай. - Он не всегда... обычно...

- Ох, заткнись, Лидевай. Рудольф Отто¹ сказал, что если вы не столкнулись с непостижимым, если вы не пережили иррациональную встречу с *mysterium tremendum*², то тогда его работы не для вас. И я говорю вам, мои юные

¹ Рудольф Отто - немецкий теолог, основатель западной феноменологии религии, размышляет над феноменом священного, называя его «нуменозным» (непостижимым).

² *Mysterium Tremendum* (лат.) - мистический ужас.

друзья, что если вы не слышите бравый ответ *Afasi och Filthy* страху, тогда моя книга не для вас.

Позвольте мне еще раз подчеркнуть это: песня была самым обыкновенным рэпом, только на шведском.

- Эмм, - сказала я. – Так насчет *Высшего страдания*. Мама Анны в конце книги готовится...

Ван Хаутен прервал меня, стуча стаканом по столику, пока Лидевай не наполнила его снова.

- Ну что ж, Зенон наиболее известен благодаря своему парадоксу о черепахе. Предположим, что ты соревнуешься в беге с черепахой. У черепахи десятиметровая фора. За то время, которое ты потратишь на то, чтобы пробежать эти десять метров, черепаха, возможно, пройдет один метр. А затем, пока ты пробежишь это расстояние, она пройдет еще чуть-чуть, и так бесконечно. Ты быстрее, чем черепаха, но никогда ее не поймаешь; ты можешь только сократить отставание.

Конечно, ты можешь просто обогнать черепаху, не обращая внимания на вовлеченную механику, но вопрос о том, как ты вообще способен на это, оказывается невероятно сложным, и никто не мог его решить, пока Кантор¹ не показал, что некоторые бесконечности больше, чем другие.

- Хм, - сказала я.

- Предполагаю, что я ответил на ваш вопрос, - уверенно сказал он, а затем щедро отхлебнул из стакана.

- Не совсем, - сказала я. – Нам интересно, что в конце *Высшего страдания*...

- Я отрекаюсь от всего, что связано с этой гнилой книгой, - сказал Ван Хаутен, обрывая меня.

- Нет, - сказала я.

- Извини?

¹ Георг Кантор – немецкий математик, создатель теории множеств.

- Нет, это неприемлемо, - сказала я. – Я понимаю, что история заканчивается на полпути, потому что Анна умирает или становится слишком больна, но вы обещали, что скажете нам, что случается со всеми остальными, и именно поэтому мы здесь, и нам, *мне* нужно, чтобы вы все рассказали.

Ван Хаутен вздохнул. После еще одного глотка он сказал:

- Хорошо. Чья история тебя беспокоит?

- Мамы Анны, Голландца с тюльпанами, хомячка Сизифа, то есть, просто... что случается со всеми.

Ван Хаутен закрыл глаза и выдохнул, надув щеки, затем взглянул на открытые деревянные балки, пересекающие потолок.

- Хомячок, - сказал он через секунду. – Хомячка забирает к себе Кристина, - она была одной из друзей Анны до болезни. Это имело смысл. Кристина и Анна играли с Сизифом в нескольких сценах. – Его забирает Кристина и он живет у нее пару лет после конца истории и спокойно умирает в своем хомячьем сне.

Теперь мы куда-то продвигались.

- Круто, - сказала я. – Просто класс. Хорошо, теперь насчет Голландца с тюльпанами. Он мошенник? Он женится на маме Анны?

Ван Хаутен все еще пялился на потолочные балки. Он сделал глоток. Стакан был снова почти пуст.

- Лидевай, я так не могу. Не могу. Я *не могу*. – Он направил свой пристальный взгляд на меня. – *Ничего* не случается с Голландцем. Он не мошенник или немошенник; он *Бог*. Он очевидно и недвусмысленно представляет собой метафору *Бога*, и вопрос о том, что с ним происходит, это интеллектуальный эквивалент вопроса о том, что происходит с бесплотными глазами доктора Ти Джей Эклбурга в *Великом Гэтсби*. Поженятся ли

они с мамой Анны? Мы говорим о романе, дорогое дитя, а не об историческом предприятии.

- Конечно, но вы все равно должны были подумать о том, что случается с ними, я хочу сказать, как с персонажами, то есть, независимо от их метафорического значения.

- Они – выдумка, - сказал он, снова стуча стаканом. – Ничто с ними не происходит.

- Вы пообещали, что расскажете мне, - настояла я. Я напомнила себе быть напористее. Мне нужно было удерживать его одурманенное внимание на моих вопросах.

- Возможно, но я находился под ложным впечатлением, что ты неспособна на трансатлантический перелет. Я пытался... предоставить тебе какое-то утешение, полагаю, и я думал, что у меня получится. Но если быть совершенно честным, ребяческая идея о том, что у автора романа есть какой-то особенный взгляд на героев книги... это нелепо. Тот роман был создан из каракуль на полях, дорогуша. Персонажи, населяющие его, не обладают жизнью за пределами этих почеркушек. Что с ними случилось? Все они прекратили свое существование, как только роман закончился.

- Нет, - сказала я. Я толчком встала с дивана. – Нет, я это понимаю, но невозможно не представить для них будущего. Вы – самый подходящий для этого человек. Что-то случилось с мамой Анны. Она либо вышла замуж, либо нет. Она либо переехала в Нидерланды с Голландцем с тюльпанами, либо нет. У нее либо были еще дети, либо нет. Мне нужно знать, что с ней случится.

Ван Хаутен сжал губы.

- Сожалею, что не могу потакать твоим детским капризам, но я отказываюсь жалеть тебя так, как ты к этому привыкла.

- Мне не нужна ваша жалость, - сказала я.

- Как все больные дети, - сдержанно ответил он, - ты говоришь, что тебе не нужна жалость, но одно твое существование зависит от нее.

- Питер, - сказала Лидевай, но он продолжал говорить, развалившись в кресле, и слова округлялись в его пьяном рту:

- Больные дети неизбежно становятся пленниками: вы обречены проживать ваши дни, как ребенок, каким вы были до диагноза, ребенок, который верит в жизнь после конца романа. И мы, родители, мы сожалеем об этом, так что мы платим за ваши лекарства, за ваши кислородные машины. Мы даем вам еду и питье, хотя маловероятно, чтобы вы прожили достаточно долго...

- ПИТЕР! – закричала Лидевай.

- Вы – побочный эффект, - продолжил Ван Хаутен, - эволюционного процесса, которому едва ли не наплевать на отдельные жизни. Вы – провалившийся эксперимент мутации.

- Я УВОЛЬНЯЮСЬ! – крикнула Лидевай. В ее глазах стояли слезы. Но я не злилась. Он искал самый жестокий способ сказать правду, но, конечно же, я уже ее знала. Я провела годы, уставившись в потолок от моей комнаты до реанимации, так что я уже давно нашла самые ранящие варианты понимания моей болезни. Я сделала шаг к нему.

- Послушай, кретин, - сказала я, - прекрати рассказывать мне о болезни что-либо, чего я уже не знаю. Мне от тебя нужна единственная вещь, до того, как я навсегда уйду из твоей жизни: ЧТО СЛУЧАЕТСЯ С МАМОЙ АННЫ?

Он слегка поднял свой обрюзгший подбородок по направлению ко мне и пожал плечами.

- Я могу рассказать тебе о том, что с ней случается, не больше, чем я мог бы рассказать о том, что происходит с рассказчиком у Пруста, или с сестрой Холдена Колфилда,

или с Гекльберри Финном после того, как он в спешке исчезает.

- ХЕРНЯ! Полная херня! Просто скажи мне! Придумай что-нибудь!

- Нет, и я буду благодарен, если ты не будешь ругаться в моем доме. Это недостойно леди.

Я все еще не была в полной мере зла, но я была очень сосредоточена на том, чтобы получить то, что мне пообещали. Что-то внутри меня закипело и я ударила по пухлой руке, держащей стакан с виски. Остатки скотча расплескались по территории его лица, стакан оттолкнулся от носа и красиво пролетел по воздуху, опустившись с сокрушительным треском на старинный пол из цельного дерева.

- Лидевай, - спокойно сказал Ван Хаутен, - не соизволишь ли ты подать мне мартини. С намеком вермута.

- Я уволилась, - сказала Лидевай через секунду.

- Не глупи.

Я не знала, что делать. Вежливость не сработала. Злость – тоже нет. Мне нужен был ответ. Я прошла весь этот путь, сперла Желание Августа. Мне нужно было знать.

- Ты когда-нибудь задумывалась хоть на мгновение, - сказал он невнятно, - почему тебя так заботят твои глупые вопросы?

- ТЫ ОБЕЩАЛ! – крикнула я, а в голове раздавалось эхо беспомощного рыдания Айзека в ночь разбитых трофеев. Ван Хаутен не ответил.

Я все еще стояла над ним, ждала, что он что-то скажет, когда я почувствовала руку Августа на своем предплечьи. Он подтолкнул меня по направлению к двери, и я пошла за ним, пока Ван Хаутен разглагольствовал перед Лидевай о неблагодарности современных подростков и смерти вежливого общества, а Лидевай, практически истеря, ответила ему криком на скорострельном голландском.

- Прощу извинить мою бывшую ассистентку, - сказал он. - Голландский – не столько язык, сколько недомогание гортани.

Август вытолкнул меня из комнаты и через дверь в позднее весеннее утро и падающие с вязов конфетти.

Для меня не существовало такого понятия, как срочное бегство, но мы спустились по ступеням, Август держал мою тележку, и направились обратно к Философу по ухабистому тротуару из сплетенных прямоугольных кирпичей. Я начала плакать впервые после тех качелей.

- Эй, - сказал он, тронув меня за талию. - Эй. Все хорошо. - Я кивнула и утерла лицо тыльной стороной ладони. - Он придурок. - Я снова кивнула. - Я напишу для тебя эпилог, - сказал Гас. Это заставило меня плакать еще сильнее. - Напишу, - сказал он. - Точно. Лучше любого дерьма, которое написал бы этот пьянчуга. Его мозг похож на плавленый сыр. Он даже не помнит, как книгу написал. Я могу написать в десять раз больше, чем он. Будет кровь, и кишки, и самопожертвование. *Высшее страдание* встречается с *Ценой рассвета*. Тебе понравится. - Я продолжала кивать с натянутой улыбкой, и затем он обнял меня, прижимая к мускулистой груди своими сильными руками, и я немного повсхлипывала в его футболку, но затем успокоилась достаточно, чтобы говорить.

- Я потратила твое Желание на эту кретинскую рожу, - сказала я ему в плечо.

- Хейзел Грейс. Нет. Предположим, что ты действительно потратила мое единственное Желание, но не на него. А на нас.

За нами я услышала быстрый стук высоких каблуков. Я обернулась. Это была Лидевай, догоняющая нас, подводка бежала по ее испуганному лицу.

- Возможно, мы должны посетить Дом-музей Анны Франк, - сказала Лидевай.

- Я никуда не пойду с этим монстром, - сказал Август.

- Он не приглашен, - сказала Лидевай.

Август все держал меня в руках, словно стараясь защитить.

- Не думаю, что... - начал он, но я перебила его.

- Мы должны пойти. – Мне все еще нужны были ответы от Ван Хаутена. Но это не все, чего я хотела. У меня осталось только два дня в Амстердаме с Августом Уотерсом. И я не позволю какому-то унылому старику их испортить.

Лидевай вела неуклюжий серый Фиат, двигатель которого издавал звуки, похожие на голос взволнованной девчушки четырех лет. Пока мы ехали по улицам Амстердама, она постоянно и чрезмерно извинялась.

- Я очень сожалею. Нет никаких оправданий. Он очень болен, - сказала она. – Я думала, что встреча с вами поможет ему, если он увидит, что его работа повлияла на настоящие жизни, но... мне очень жаль. Это очень, очень стыдно.

Ни я, ни Август ничего не сказали. Я сидела позади него. Я протянула руку между бортом машины и его сиденьем, ища его руку, но не смогла ее нащупать. Лидевай продолжила:

- Я продолжала работать на него, потому что верю в то, что он гений, и потому что оплата хорошая, но он стал монстром.

- Думаю, он неплохо нажился на этой книге, - сказала я через какое-то время.

- О, нет, нет, он из Ван Хаутенов, - сказала она. – В семнадцатом веке его предок придумал смешивать какао-порошок с водой. Некоторые Ван Хаутены переехали в Соединенные Штаты давным-давно, и Питер их потомок, но он переехал в Голландию после своего романа. Он – позор для великой семьи.

Мотор взревел. Лидевай переключила передачу и мы взлетели на мост через канал.

- Обстоятельства, - сказала она. – Обстоятельства сделали его таким жестоким. Он не злой человек. Но сегодня, я не думала... когда он сказал эти ужасные вещи, я не могла поверить. Мне очень жаль. Очень, очень жаль.

Нам пришлось припарковаться в квартале от Дома Анны Франк, и затем, пока Лидевай стояла в очереди, чтобы купить нам билеты, я села на траву, прислонившись спиной к маленькому деревцу, и смотрела на плавучие дома в канале Принсенграхт. Август стоял надо мной, катая мой кислородный баллон ленивыми кругами и просто смотря, как крутятся колеса. Я хотела, чтобы он сел рядом со мной, но я знала, что сесть ему будет тяжело, и еще тяжелее встать обратно.

- Все хорошо? – спросил он, смотря на меня. Я пожала плечами и протянула руку к его бедру. Это был протез, но я подержалась за него. Он взглянул на меня.

- Я хотела... - сказала я.

- Я знаю, - сказал он. – Я знаю. Очевидно, мир – это не фабрика по исполнению желаний. – Это заставило меня слегка улыбнуться.

Лидевай вернулась с билетами, но ее тонкие губы были сжаты в волнении.

- Нет лифта, - сказала она. – Мне очень, очень жаль.

- Все хорошо, - сказала я.

- Нет, там много ступеней, - сказала она. – Крутых ступеней.

- Все хорошо, - снова сказала я. Август попытался возразить, но я его перебила: - Все хорошо. Я смогу.

Мы начали с комнаты, где проигрывали видео о евреях в Голландии, и о нашествии нацистов, и о семье Франк. Затем мы поднялись наверх, в дом над каналом, где было производство Отто Франка. Ступени были крутые, и для

меня, и для Августа, но я была сильной. Вскоре я смотрела на знаменитый книжный шкаф, который скрывал Анну Франк, ее семью и еще четырех людей. Книжный шкаф был наполовину открыт, и за ним виднелись еще более крутые ступени, только на одного человека в ширину. Рядом с нами была куча посетителей, и я не хотела задерживать процессию, но Лидевай сказала: «Не могли бы все проявить терпение, прошу вас», и я начала свой путь наверх, пока она несл за мной мой баллон, а Август шел последним.

Там было четырнадцать ступеней. Я все думала о людях за мной – в основном это были взрослые, говорящие на разных языках, - и чувствовала смущение или типа того, мне казалось, что я призрак, который одновременно утешает и пугает живых, но наконец я это сделала и оказалась в жутковато пустой комнате, прислоняясь к стене и чувствуя, как мой мозг говорит моим легким, *все в порядке, в порядке, успокойтесь, все хорошо*, и как мои легкие отвечают мозгу *о Боже, мы здесь умираем*. Я даже не видела, как Август поднялся по лестнице, но он подошел ко мне и вытер лоб рукой, как бы говоря *фух*, и сказал: «Ты просто чемпион».

Через пару минут возле стены я смогла направиться в следующую комнату, которую Анна делила с дантистом Фрицем Пфеффером. Она была крошечной и лишенной всякой мебели. Никак нельзя было понять, что здесь кто-то жил, вот только рисунки, вырезанные Анной из газет и журналов, все еще висели на стенах.

Другая лестница вела в комнату, где жила семья Ван Пельс. Она была еще круче и длиннее – восемнадцать ступеней, и, в принципе, это была приукрашенная версия стремянки. Я вошла на порог и посмотрела наверх, и поняла, что не смогу, но также я знала, что это мой единственный путь.

- Давай вернемся, - сказал за мной Гас.

- Я в порядке, - быстро ответила я. Это глупо, но я все думала, что я *должна* ей – я хочу сказать, Анне Франк, - потому что она была мертва, а я нет, потому что она сидела тихо и держала ставни запертыми, и делала все правильно и все равно умерла, и поэтому я должна подняться по ступеням и увидеть остаток мира, в котором она жила все те годы до того, как пришло гестапо.

Я начала карабкаться по ступенькам почти на четвереньках, как сделал бы маленький ребенок, сначала медленно, чтобы иметь возможность дышать, но потом быстрее, потому что я знала, что дышать не смогу, и хотела добраться до верха, пока не отключусь. Темнота посягала на мое поле зрения, в то время как я толкала себя наверх, по восемнадцати ступеням, чертовски крутым. Наконец, я достигла вершины лестницы, почти ослепленная и чувствующая тошноту, а мышцы в руках и ногах кричали от недостатка кислорода. Я практически уронила себя возле стены, задыхаясь в водянистом кашле. На стене надо мной была прикручена пустая стеклянная рама, и я уставилась через нее на потолок, стараясь не потерять сознание.

Лидевай присела возле меня, говоря: «Ты на вершине, это все», и я кивнула. Я смутно осознавала, что все взрослые, стоящие вокруг, с беспокойством смотрят на меня; что Лидевай тихо говорит сначала на одном языке, затем на другом, потом на третьем с разными посетителями; что Август стоит надо мной, держа руку на моей голове и гладя меня по волосам.

Через долгое время Лидевай и Август подняли меня на ноги, и я увидела, что защищала стеклянная рама над моей головой: это были карандашные отметки на обоях, измеряющие рост всех детей, живших здесь, сантиметр за сантиметром, пока они не перестанут расти.

От этого места мы покидали дом Франков, но все еще были в музее: длинный узкий коридор демонстрировал

фотографии всех восьми жителей пристройки и описывал, как, и где, и когда они умерли.

- Единственный член всей семьи, который пережил войну, - сказала нам Лидевай, показывая на отца Анны, Отто. Ее голос был приглушен, будто мы были в церкви.

- Вообще-то, он не пережил войну, - сказал Август. - Он пережил геноцид.

- Правда, - сказала Лидевай. - Я не знаю, как можно жить без своей семьи. Я не знаю.

Когда я читала о всех семерых, кто умер, я подумала о том, как Отто Франк перестал быть отцом, и о том, как он остался с дневником вместо жены и двух дочерей. В конце коридора огромная книга, больше, чем любой словарь, содержала имена ста трех тысяч погибших в Холокосте в Нидерландах. (Только пять тысяч депортированных голландских евреев, сообщала табличка на стене, выжили. Пять тысяч Отто Франков.) Книга была открыта на странице с именем Анны Франк, но что меня задело, так это то, что прямо под ее именем было четыре Арона Франка. *Четыре*. Четыре Арона Франка без музеев, без исторических отметок, без никого, кто бы их оплакивал. Я решила про себя, что буду помнить и молиться за четырех Аронов Франков так долго, пока я буду на этой земле (может, некоторым людям нужно верить в нормального всемогущего Бога, чтобы молиться, но не мне).

Когда мы дошли до конца коридора, Гас остановился и спросил:

- Ты в порядке? - Я кивнула.

Он указал на фотографию Анны.

- Самое худшее - то, что она практически выжила. Она умерла за пару недель до освобождения.

Лидевай отошла на пару шагов, чтобы посмотреть видео, и я схватила Августа за руку, пока мы шли в следующую комнату. Это было помещение со скошенным потолком, и там хранилось несколько писем, которые писал

Отто Франк в течение месяцев поисков своих дочерей. На стене в середине комнаты было включено видео, в котором Отто Франк говорил по-английски.

- Где-нибудь остались нацисты, которых я мог бы поймать и подвергнуть правосудию? – спросил Август, когда мы склонились над витринами, читая письма Отто и рвущие душу ответы, что нет, никто не видел его детей после освобождения.

- Думаю, они все мертвы. Но я бы не сказала, что у нацистов монополия творить зло.

- Точно, - сказал он. – Вот чем мы должны заняться, Хейзел Грейс: собрать команду и стать парой калечных виджиланте¹, с ревом проноссящих по миру, исправляя несправедливость, защищая слабых, избавляя людей от опасности.

И хотя это была его мечта, не моя, я приняла ее. Он ведь потворствовал моему желанию.

- Наше бесстрашие будет нашим секретным оружием, - сказала я.

- Рассказы о наших подвигах будут жить, пока будет звучать человеческий голос, - сказал он.

- И даже после, когда роботы воскрешат в памяти абсурдность человеческой жертвенности и сострадания, они вспомнят нас.

- Они будут механически смеяться над нашей бравой недалновидностью, - сказал он. – Но что-то в их железных сердцах будет стремиться жить и умереть, как мы: героями.

- Август Уотерс, - сказала я, глядя на него и думая, что нельзя целоваться в Доме Анны Франк, а потом думая, что Анна Франк, конечно же, целовалась с кем-нибудь в Доме Анны Франк, и что, возможно, больше всего ей бы хотелось, чтобы ее дом стал местом, где молодые и неизлечимо разбитые сердца утопают в любви.

¹ Виджиланте (от итал. бдительный, неусыпный) – персонаж, вершащий самосуд; член «комитета бдительности».

«Должен сказать, - произнес Отто Франк с акцентом, - что я был очень удивлен глубоким мыслям, которые были у Анны».

А потом мы целовались. Моя рука отпустила кислородный баллон и легла на его шею, а он потянул меня за талию так, что я встала на цыпочки. Как только его разжатые губы встретились с моими, я начала задыхаться как-то совсем по-новому и очень волнительно. Пространство вокруг нас исчезло, и на какое-то странное мгновение мне очень нравилось мое тело; это разрушенное раком нечто, которое я таскала за собой годами, внезапно стало стоящим страданий, стоящим трубок в груди, и венозных катетеров, и его бесконечных отступлений перед опухолями.

«Эта Анна отличалась от той, которую я знал как мою дочь. Она никогда не демонстрировала таких чувств», - сказал Отто Франк.

Поцелуй длился бесконечно, пока Отто Франк продолжал говорить из-за моей спины:

«И мое заключение таково, - сказал он, - раз я был в очень близких отношениях с Анной, то я могу сказать, что большинство родителей не знают по-настоящему своих детей».

Я вдруг поняла, что мои глаза закрыты, и открыла их. Август смотрел на меня, его голубые глаза были так близко, как никогда раньше, а за ним толпа людей в три ряда окружила нас. Они злятся, подумала я. Они в ужасе. Эти подростки со своими гормонами обжимаются прямо напротив видео, передающего сломленный голос бывшего отца.

Я оттолкнулась от Августа, и он легко чмокнул меня в лоб, пока я глазела на свои кеды. А потом они стали хлопать. Все эти люди, взрослые, просто начали аплодировать, а кто-то прокричал «Браво!» с европейским акцентом. Август улыбаясь поклонился. Смеясь, я сделала

легкий реверанс, который был встречен новым всплеском аплодисментов.

Мы спустились вниз, позволив всем взрослым пройти перед нами, и прямо перед входом в кафе (где, слава Богу, мы попали в лифт, который отвез нас на нижний уровень к магазину сувениров) мы увидели страницы дневника Анны, а еще ее неизданную книгу цитат. Эта книга была открыта на странице с цитатами Шекспира. Она написала: «Кто столько тверд, что выше оболещений?¹».

Лидевай довезла нас обратно до Философа. На улице моросил дождь, и мы с Августом стояли на кирпичном тротуаре, медленно промокая.

Август: «Тебе, наверное, нужно отдохнуть».

Я: «Я в порядке».

Август: «Хорошо». (Пауза.) «О чем ты думаешь?».

Я: «О тебе».

Август: «Что обо мне?».

Я: «Что прекрасней - / произнесенное / или недосказанное? / Свист дрозда / или миг тишины / после?²».

Август: «Черт, ты так сексуальна».

Я: «Мы можем пойти в твою комнату».

Август: «Не самая худшая идея».

Мы вместе втиснулись в крошечный лифт. Каждая поверхность, включая пол, была зеркальной. Нам пришлось потянуть дверь, чтобы закрыться, и затем старая машина медленно и со скрипом повезла нас на второй этаж. Я устала, вспотела и беспокоилась, что вообще выглядела и пахла ужасно, но даже несмотря на это, я поцеловала его в

¹ Уильям Шекспир, «Юлий Цезарь», Акт 1, Сцена 2. Перевод П. Козлова.

² Уоллес Стивенс, «Тринадцать способов разглядеть черного дрозда». Перевод А.Пустогарова.

том лифте, а потом он оттолкнулся от меня, указал на зеркала и сказал:

- Гляди, бесконечные Хейзел.

- Некоторые бесконечности больше, чем другие, - протяжно сказала я, подражая Ван Хаутену.

- Что за хренов клоун, - сказал Август, и за все это время, пока мы говорили, и даже дольше, мы едва дотянулись до второго этажа. Наконец, лифт шатаясь остановился, и Август толкнул зеркальную дверь. Когда она была открыта наполовину, он содрогнулся от боли и на секунду отпустил ее.

- Ты в порядке? – спросила я.

Через секунду он сказал:

- Да, да, просто дверь, наверное, тяжелая. – Он толкнул еще раз и открыл ее. Он, конечно, пустил меня вперед, но я не знала, в какую сторону идти по коридору, поэтому я просто осталась стоять рядом с лифтом, и он тоже там стоял, все еще со скривившимся лицом, и я снова спросила:

- Все хорошо?

- Просто потерял форму, Хейзел Грейс. Все отлично.

Мы просто стояли в том коридоре, и он не показывал мне дорогу к своей комнате, и я не знала, где она, и пока патовая ситуация продолжалась, я уверилась в том, что Август пытался найти способ не спать со мной, и в том, что мне не стоило вообще предлагать эту идею, что это было не лучшее поведение для леди, а следовательно, вызвало его отвращение, и теперь он стоял тут, смотря на меня, не моргая, и пытался вежливо вытащить себя из ситуации. А потом, после того, как прошла вечность, он сказал:

- Это над моим коленом, немного сужается, а потом просто кожа. Там отвратительный шрам, но он похож на...

- Что? – спросила я.

- Я о своей ноге, - сказал он. – Просто чтобы ты была готова на случай, если увидишь ее или...

- Ох, переступи через себя, - сказала я и прошла те два шага, которые отделяли нас. Я поцеловала его, сильно, прижимая к стене, и продолжала целовать, пока он нащупывал ключ от комнаты.

Мы заползли на кровать. Моя свобода была ограничена кислородом, но даже несмотря на это, я смогла залезть на него, и снять его футболку, и ощутить пот на его коже под ключицей, когда я прошептала, «Я люблю тебя, Август Уотерс», и как только он услышал это, его тело подо мной расслабилось. Он потянулся ко мне и попытался снять мою футболку, но она запуталась в трубке. Я засмеялась.

- Как ты это каждый день делаешь? – спросил он, пока я распутывала футболку и трубки. Ко мне вдруг пришла идиотская мысль, что мои розовые трусы не подходили к фиолетовому лифчику, как будто мальчики вообще обращают внимание на такие вещи. Я залезла под покрывало и с пинками освободилась от джинсов и носков, а затем смотрела на танец ватного одеяла, пока под ним Август снял сначала джинсы, а потом ногу.

Мы лежали на спине, все было скрыто покрывалом, и через мгновение я дотянулась до его бедра и позволила своей руке проложить путь до культы, где была толстая кожа в шрамах. Секунду я подержалась за край. Он вздрогнул.

- Больно? – спросила я.

- Нет, - сказал он.

Он перевернулся на бок и поцеловал меня.

- Ты такой классный, - сказала я, все еще держа руку на его ноге.

- Я начинаю думать, что у тебя фетиш – ампутированные конечности, - ответил он, все еще целуя меня. Я рассмеялась.

- Мой фетиш – Август Уотерс, - объяснила я.

Все предприятие была полностью противоположно тому, что я раньше себе представляла: медленное, спокойное, тихое, и не то чтобы мне было больно, но и особенного экстаза я не испытала. Была куча проблем с презервативом, к которому я особенно не присматривалась. Мы не сломали изголовье кровати. Не кричали. Честное слово, это, возможно, было самое долгое время, проведенное нами молча.

Только один момент совпал с типичным: после всего, когда я держала голову у Августа на груди и слушала, как бьется его сердце, он сказал:

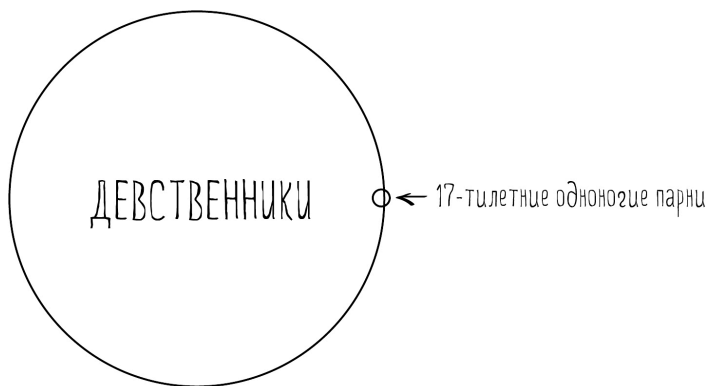
- Хейзел Грейс, я буквально не могу держать глаза открытыми.

- Неверное использование буквальности, - сказала я.

- Нет, - сказал он. – Так. Устал.

Его лицо отвернулось от меня, мое ухо осталось прижатым к его груди, слушая, как его легкие входят в ритм сна. Через какое-то время я встала, оделась, нашла фирменную ручку Отеля Философ и написала ему любовную записку:

Дорогой Август,

Твоя Хейзел Грейс.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Следующим утром нашего последнего целого дня в Амстердаме мы с моей мамой и Августом прошли полквартала от отеля до Вонделпарка, где обнаружили кафе в тени Национального Голландского музея кино. После латте – который, как нам объяснил официант, голландцы называли «неправильный кофе», потому что в нем больше молока, чем кофе, - мы сели в кружевной тени огромного каштана и пересказали маме нашу встречу с великим Питером Ван Хаутеном. Мы сделали историю смешной. Я верю, что в этом мире ты можешь решать, как рассказывать грустные истории, и мы остановили выбор на юморе: Август шлепнулся в кресло в кафе, изображая плюющегося словами Ван Хаутена, язык которого заплетался, и даже двинуться в кресле он не мог; я встала, чтобы играть себя, полную буйства и мужественности, кричащую:

- Вставай, толстый уродливый старикашка!
- Ты назвала его уродливым? – спросил Август.
- Просто подыграй, - сказала я ему.
- Й...а не урод. Это т-ты уродливая, тр-убчатая девч-ч-чонка.

- Трус! – прогрохотала я, и Август рассмеялся, разрушив игру. Я села. Мы рассказали маме о Доме Анны Франк, оставив в стороне поцелуи.

- Вы потом вернулись к Ван Хаутену? – спросила мама. Август даже не дал мне времени покраснеть.

- Не, мы просто посидели в кафе. Хейзел развлекала меня диаграммами. – Он взглянул на меня. Боже, он просто великолепен.

- Звучит мило, - сказала она. – Слушайте, я пойду прогуляюсь. Дам вам двоим время поболтать, - сказала она Гасу, подчеркивая эту фразу. – А позже мы могли бы покататься по каналам на лодке.

- Эмм, хорошо, - сказала я. Мама оставила пять евро под блюдцем и поцеловала меня в макушку, прошептав: «Я люблю люблю люблю тебя», на два «люблю» больше, чем обычно.

Гас указал на тени пересекающихся и расходящихся ветвей, лежащие на бетоне.

- Красиво, м?

- Ага, - сказала я.

- Это отличная метафора, - пробормотал он.

- Да? – спросила я.

- Негативный образ всего, что разносится по ветру и соединяется вновь, - сказал он. Перед нами проходили сотни людей, бегущих трусцой, едущих на велосипедах и роликах. Амстердам был городом, предназначенным для движения и активности, городом, который предпочитал не ездить на машине, и неизбежно я почувствовала себя исключенным из него. Но Господи, это было прекрасно: ручей, пробивающий себе путь вокруг огромного дерева, цапля, неподвижно стоящая на кромке воды, ищущая еду среди миллионов покачивающихся на поверхности вязовых лепестков.

Но Август этого не замечал. Он был слишком занят наблюдением за подвижными тенями. Наконец, он сказал:

- Я мог бы смотреть на это целый день, но нам нужно идти в отель.

- У нас есть время? – спросила я.

Он грустно улыбнулся.

- Если бы, - сказал он.

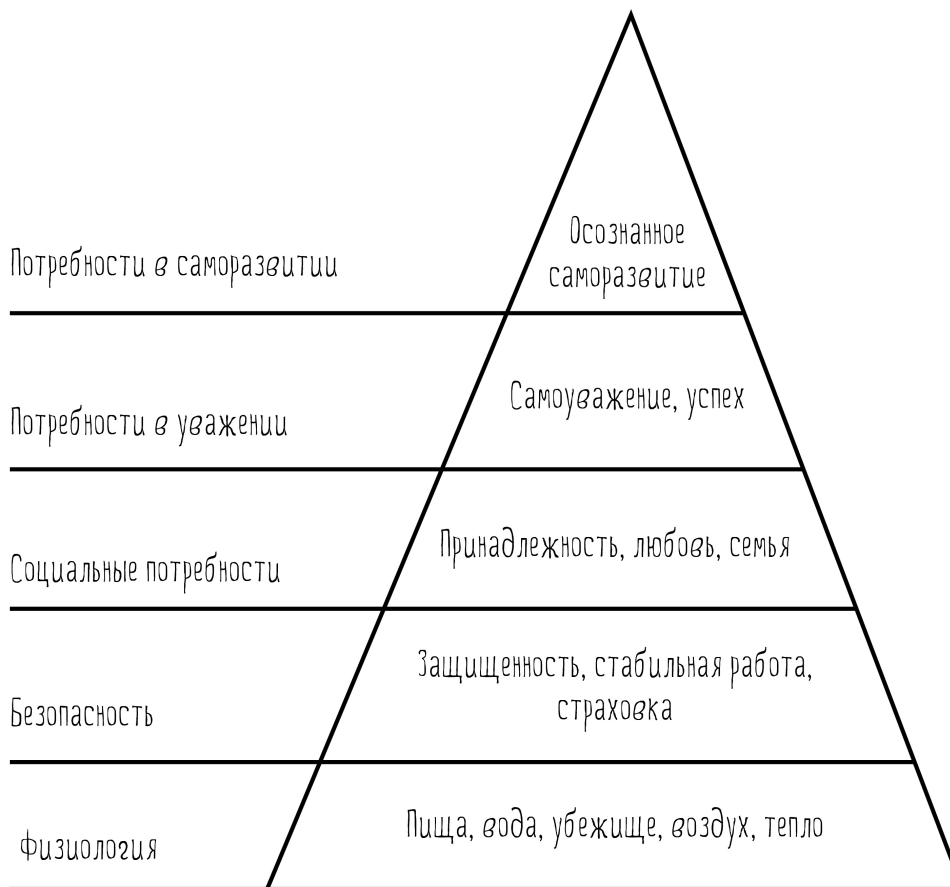
- Что не так? – спросила я.

Он кивнул по направлению к отелю.

Мы шли молча, Август на полшага впереди меня. Я слишком боялась спросить, есть ли у меня причина бояться.

В общем, есть такая штука под названием Пирамида потребностей Маслоу. Если вкратце, этот Авраам Маслоу

знаменит благодаря своей теории о том, что некоторые потребности должны быть удовлетворены до того, как у тебя появятся другие. Пирамида выглядит так:

Пирамида потребностей Маслоу

Как только твоя потребность в пище и воде удовлетворена, ты переходишь на следующий уровень, к

потребностям в безопасности, и затем выше, и выше, но штука в том, что, согласно Маслоу, пока ты испытываешь физиологические потребности, ты не способен даже *беспокоиться* о безопасности или социальных нуждах, не говоря уже о “саморазвитии”, это когда ты начинаешь, типа, творить искусство и размышлять над моралью и квантовой физикой.

По Маслоу, я застряла на втором уровне пирамиды, так как была неспособна чувствовать себя защищенной в плане здоровья и, следовательно, неспособна достичь любви, уважения, искусства и всего другого, что, конечно же, полное дерьмо: стремление заниматься искусством и размышлять над философскими проблемами никуда не уходит, когда ты болен. Эти стремления просто видоизменяются.

Пирамида Маслоу, казалось, подразумевала, что я была менее человеческой, чем остальные, и большинство людей, казалось, с ним соглашались. Но не Август. Я всегда думала, что он был способен на любовь ко мне только из-за своей бывшей болезни. Лишь сейчас я вдруг поняла, что она, возможно, все еще была с ним.

Мы вошли в мою комнату, в Кьеркегор. Я уселась на кровать, ожидая, что он присоединится ко мне, но он сел на корточки в пыльное цветастое кресло. Это кресло. Сколько ему было? Лет пятьдесят?

Я почувствовала, как в горле твердеет комок, пока я смотрела, как он вытаскивает из пачки сигарету и засовывает ее между губ. Он откинулся на спинку кресла и вздохнул.

- Прямо перед тем, как ты оказалась в реанимации, я начал чувствовать боль в бедре.

- Нет, - сказала я. Меня накрыла с головой растущая паника.

Он кивнул.

- Так что я пошел на ПЭТ. – Он замолчал. Вырвал сигарету изо рта и сжал зубы.

Большая часть моей жизни была посвящена овладению умением не плакать перед людьми, которые меня любят, поэтому я знала, что делал Август. Ты сжимаешь зубы. Глядишь в потолок. Говоришь себе, что если они увидят тебя плачущим, им будет больно, и ты будешь не чем иным, как Печалью в их жизнях, а ты не должен стать совершенной печалью, так что ты не будешь плакать, и все это ты произносишь про себя, глядя в потолок, а затем сглатываешь, хотя твое горло не хочет закрываться, глядишь на человека, который любит тебя, и улыбаешься.

Август блеснул своей кривоватой улыбкой и сказал:

- Я засветился, как рождественская елка, Хейзел Грейс. В груди, левом бедре, печени, везде.

Везде. Это слово на какое-то время повисло в воздухе. Мы оба знали, что это значило. Я встала, протащила свое тело и тележку по ковру, который был старше, чем Августу никогда не стать, и опустилась у кресла, положив голову ему на колени и обняв за талию.

Он теребил мои волосы.

- Мне так жаль, - сказала я.

- Прости, что не сказал тебе, - произнес он спокойным голосом. – Твоя мама, наверное, знает. То, как она на меня посмотрела. Моя, должно быть, сказала ей. Мне следовало рассказать тебе. Это было глупо. Эгоистично.

Я, конечно, знала, почему он ничего не сказал: по той же причине, по какой я не хотела, чтобы он видел меня в реанимации. Я не могла сердиться на него ни секунды, и только теперь, когда я любила гранату, я поняла всю глупость попыток спасти других от моего неминуемого разрушения: я не могла разлюбить Августа Уотерса. И я не хотела этого делать.

- Так нечестно, - сказала я. – Это просто чертовски нечестно.

- Мир, - сказал он, - это не фабрика по исполнению желаний, - а затем сломался, всего на секунду, беспомощным рыданием, как ударом грома без молнии, с такой ужасной свирепостью, которые непривычные к страданию люди приняли бы за слабость. Потом он притянул меня к себе и, держа лицо в паре сантиметров от моего, пообещал: - Я буду бороться. Я буду бороться ради тебя. Не смей беспокоиться обо мне, Хейзел Грейс. Я в порядке. Я найду способ болтаться рядом и надоедать тебе еще долгое время.

Я плакала. Но даже тогда он был сильным и прижимал меня к себе так крепко, что я видела жилы на его руках, обнимающих меня. Он сказал:

- Мне жаль. Ты будешь в порядке. Я буду в порядке. Обещаю, - и улыбнулся своей кривоватой улыбкой.

Он поцеловал меня в лоб, и я почувствовала, как его грудь слегка опала.

- Думаю, я все-таки получил свою *гамартию*.

Через какое-то время я потащила его к кровати, и мы лежали там рядом, пока он рассказывал, что они начали проводить паллиативную химию, но он отказался от нее, чтобы поехать в Амстердам, несмотря на то, что его родители были в ярости. Они пытались остановить его прямо тем утром, когда я услышала, как он кричит, что его тело принадлежит ему.

- Мы могли бы перенести поездку, - сказала я.

- Нет, не могли бы, - ответил он. - Это все равно не работало. Я чувствовал, что не срабатывает, понимаешь?

Я кивнула.

- Полная хрень все это лечение, - сказала я.

- Они попробуют что-нибудь еще, когда я вернусь домой. У них всегда есть новые идеи.

- Ага, - сказала я, сама будучи экспериментальной подушечкой для иглолок.

- Я вроде как обдурил тебя, заставив поверить, что ты влюбляешься в здорового человека, - сказал он.

Я пожала плечами.

- Я бы с тобой то же самое сделала.

- Нет, не сделала бы, но мы не можем все быть такими же классными, как ты, - он поцеловал меня, а потом поморщился.

- Болит? – спросила я.

- Нет, просто... - он долго смотрел на потолок, а потом произнес: - Мне нравится этот мир. Мне нравится пить шампанское. Мне нравится не курить. Мне нравится звук голландского языка. А теперь... Мне даже сразиться не дают. Мне не дано ни единой битвы.

- Тебе приходится сражаться с раком, - сказала я. – Это твоя битва. И ты будешь продолжать ее, - сказала я ему. Я ненавидела, когда люди пытались подготовить меня к битве, но я все равно делала это с ним. – Ты... ты... проживешь твою лучшую жизнь сегодня. Теперь это твоя война. – Я почувствовала к себе отвращение за убогие слоганы, но что еще мне оставалось?

- Война какая-то, - сказал он примирительно. – С чем я воюю? С моим раком. А что такое мой рак? Это я. Опухоли состоят из меня. Они состоят из меня с такой же вероятностью, как мой мозг и мое сердце состоят из меня. Это гражданская война, Хейзел Грейс, с предопределенным победителем.

- Гас, - сказала я. Я не могла больше ничего сказать. Он был слишком умен для утешения, которое я могла предложить.

- Хорошо, - сказал он. Но это была неправда. Через пару секунд он сказал: - Если пойти в Рейксмузеум, который я очень хотел посетить – но кого мы обманываем, никто из нас не способен вынести поход в музей. Неважно, я посмотрел на коллекцию в Интернете перед тем, как уехать. Если бы ты туда пошла, и, надеюсь, когда-нибудь ты

это сделаешь, ты бы увидела множество картин с мертвыми людьми. Ты бы увидела Иисуса на кресте, и парня, которого закололи в шею, и людей, тонущих в море, и умерших в битве, и целый парад мучеников. Но. Ни одного. Единственного. Ребенка. С раком. Никого, кто умирал бы от чумы, или от оспы, или от лихорадки, от чего угодно, потому что в болезни нет славы. Нет значимости. Нет чести в смерти *от чего-то*.

Авраам Маслоу, я представляю тебе Августа Уотерса, чья экзистенциальная любознательность превосходит любопытство любого откормленного, окруженного любовью, дышащего здоровьем. Пока большинство людей продолжали вести основательно не осознанные жизни безобразного потребления, Август Уотерс изучал коллекцию Рейксмюзеума на расстоянии.

- Что? – спросил Август через какое-то время.

- Ничего, - сказала я. – Просто... - Я не могла закончить предложение, не знала, как. – Просто я очень, очень люблю тебя.

Он улыбнулся половиной рта в паре сантиметров от меня.

- Эти чувства взаимны. Я не предполагаю, что ты способна забыть об этом и относиться ко мне так, будто я не умираю.

- Я не думаю, что ты умираешь, - сказала я. – Я думаю, что у тебя легкий приступ рака.

Он улыбнулся. Юмор висельника.

- Я на американских горках, которые идут только вверх, - сказал он.

- И это моя привилегия и ответственность доехать с тобой до самого верха, - сказала я.

- Будет ли в данный момент абсолютно нелепо попытаться поцеловать тебя?

- Попытаться нельзя, - сказала я. – Можно только сделать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Во время перелета домой, когда мы были в трех километрах над облаками, которые были в трех километрах над землей, Гас сказал:

- Я раньше думал, что было бы классно жить на облаке.

- Ага, - сказала я. – Это было бы как жить на надувном батуте, только постоянно.

- Но потом, в средней школе, на естествознании, мистер Мартинес спросил, кто из нас когда-либо мечтал жить в облаках, и все подняли руки. Тогда мистер Мартинес сказал нам, что там, в облаках, ветер дует со скоростью шестьдесят семь метров в секунду, и температура – тридцать градусов ниже нуля, и кислорода там нет, и умрем мы за пару секунд.

- Он кажется классным парнем.

- Он специализировался на убийстве мечтаний, Хейзел Грейс, позволь мне сказать. Думаешь, вулканы – это здорово? Скажи это десяти тысячам кричащих трупов в Помпеи. Ты все еще втайне веришь, что в этом мире присутствует волшебство? Это все – просто бездушные, случайно сталкивающиеся друг с другом молекулы. Ты беспокоишься о том, кто будет заботиться о тебе, если родители умрут? Ну так не зря, потому что скоро они будут пищей для червей.

- Незнание – это благословение, - сказала я.

Стюардесса прошла по проходу с тележкой с напитками, полусшепча:

- Напитки? Напитки? Напитки? Напитки?

Гас потянулся через меня, поднимая руку:

- Можно шампанского, пожалуйста?

- Вам есть двадцать один год? – с сомнением спросила она. Я показательно поправила трубки в носу. Стюардесса

улыбнулась, затем бросила взгляд на мою спящую маму. – Она не будет возражать? – спросила она, имея ее в виду.

- Не, - сказала я.

Так что она налила шампанское в два пластиковых стаканчика. Онко-Бонус.

Мы с Гасом чокнулись.

- За тебя, - сказал он.

- За тебя, - сказала я, прикасаясь своим стаканчиком к его.

Мы отхлебнули. Звезды тусклее, чем в Оранжи, но достаточно хорошие, чтобы их пить.

- Знаешь, - сказал мне Гас, - все, что сказал Ван Хаутен, было правдой.

- Может быть, но ему не надо было строить из себя такого кретина. Не могу поверить, чтобы он представил будущее хомячка Сизифа, но не мамы Анны.

Август пожал плечами. Мне показалось, что он внезапно отключился.

- Ты в порядке? – спросила я.

Он микроскопически покачал головой.

- Болит, - сказал он.

- Грудь?

Он кивнул. Сжал кулаки. Позже он опишет это ощущение как одноногого толстяка на шпильке, стоящего посередине его грудной клетки. Я сложила столик, прикрепила его к сиденью впереди меня и наклонилась, чтобы достать таблетки из его рюкзака. Он запил одну шампанским.

- Нормально? – снова спросила я.

Гас сидел, сжимая и разжимая кулаки, ожидая, пока подействует препарат, лекарство, которое не столько уничтожало боль, сколько отдаляло его от нее (и от меня).

- Казалось, что это было личное, - тихо сказал Гас. – Будто он злился на нас по какой-то причине. Я имею в виду

Ван Хаутена. – Он допил остатки шампанского быстрыми глотками и скоро уснул.

Мой папа ждал нас в зоне багажа, стоя среди водителей лимузинов в костюмах, держащих таблички с напечатанными именами своих пассажиров: *Джонсон, Баррингтон, Кармайкл*. У папы был свой знак. Он гласил, *Моя прекрасная семья*, а чуть ниже, *(и Гас)*.

Я обняла его, и он начал плакать (конечно же). Пока мы ехали домой, мы с Гасом рассказывали папе об Амстердаме, но только когда я оказалась дома и прицепилась к Филипу, и села смотреть старое доброе американское телевидение, поедая американскую пиццу с салфеток с коленей, я рассказала папе о Гасе.

- У Гаса рецидив, - сказала я.

- Я знаю, - сказал он. Он быстро пододвинулся ко мне и добавил: - Его мама сказала нам перед поездкой. Мне жаль, что он скрыл это от тебя. Я... я сожалею, Хейзел.

Я ничего не говорила какое-то время. Шоу, которое мы смотрели, было о людях, пытающихся выбрать, какой дом они приобретут.

- Я прочитал *Высшее страдание*, пока вас не было, - сказал папа.

Я повернула к нему голову.

- О, круто. И как тебе?

- Хорошо. Немного слишком для меня. Я специализировался на биохимии, помнишь, а не на литературе. Мне хотелось бы узнать конец.

- Ага, - сказала я. – Многим не нравится.

- Также это было немного безнадежно, - сказал он. – Настроено на поражение.

- Если под этим ты подразумеваешь *честное*, тогда я соглашусь.

- Не думаю, что поражение – это честно, - ответил папа. – Отказываюсь это принять.

- Так все случается не просто так, и мы все будем жить на небе, играть на арфах и обитать в облачных домах?

Папа улыбнулся. Он обернул большую руку вокруг меня и притянул к себе, целуя в щеку.

- Не знаю, во что я верю, Хейзел. Я думал, что быть взрослым означает знать, во что ты веришь, но такого опыта я не приобрел.

- Ага, - сказала я. - Ладно.

Он снова сказал мне, что сожалел о Гасе, и тогда мы продолжили смотреть шоу, и его участники выбрали дом, а папина рука все еще обнимала меня, и я начинала потихоньку засыпать, но не хотела идти в постель, а потом папа сказал:

- Знаешь, во что я верю? Я помню, как в колледже ходил на отличный курс по математике, который вела крохотная старая женщина. Она рассказывала о быстром преобразовании Фурье, и вдруг остановилась посреди предложения и сказала: «Иногда мне кажется, что вселенная хочет, чтобы ее заметили». Вот во что я верю. Я верю в то, что вселенная хочет быть замеченной. Я думаю, что вселенная невероятно склонна к сознательности, что отчасти она награждает интеллект, потому что наслаждается, когда за ее элегантностью наблюдают. И кто я, живущий в середине истории, чтобы говорить вселенной, что она – или мое за ней наблюдение – имеет конец?

- Ты достаточно умен, - сказала я через какое-то время.

- А ты достаточно хорошо делаешь комплименты, - ответил он.

На следующий день я поехала к Гасу домой и ела сэндвичи с арахисовым маслом и джемом с его родителями, и рассказывала им истории про Амстердам, пока Гас дремал на диване в гостиной. К нему уже был подключен ЦВК. Они атаковали рак новым коктейлем: двумя химикатами и

протеиновым рецептором, на который они надеялись в отлучении онкогена в раке Гаса. Они сказали мне, что ему повезло быть включенным в программу. Повезло. Я знала один из препаратов. От одного его названия мне хотелось блевать.

Через какое-то время Айзека завезла его мама.

- Айзек, привет, это Хейзел из группы поддержки, а не твоя злющая бывшая.

Мама довела его до меня, и я рывком встала со стула, чтобы обняться, и его тело секунду искало меня, чтобы обнять в ответ, крепко.

- Как Амстердам? – спросил он.

- Круто, - сказала я.

- Уотерс, - сказал он. – Ты где, братан?

- Он дремлет, - сказала я, и мой голос оборвался. Айзек покачал головой, все молчали.

- Отстой, - сказал Айзек через секунду. Его мама довела его до стула, который она выдвинула из-за стола. Он сел.

- Я все еще выиграю тебя в Карательную миссию, задница слепшарая, - сказал Август, не оборачиваясь к нам. Препараты немного замедлили его речь, но лишь до скорости обычных людей.

- Я вполне уверен, что все задницы слепшарые, - отвел Айзек, водя руками по воздуху, ища свою маму. Она схватила его, подняла, и они дошли до дивана, где Гас и Айзек нелепо обнялись. – Как ты? – спросил Айзек.

- На вкус все как железо. Если забыть об этом, я на американских горках, которые идут только вверх, парень, - ответил Гас. Айзек рассмеялся. – Как глаза?

- О, отлично, - сказал он. – Я хочу сказать, единственная проблема – это то, что они не на моем лице.

- Классно, ага, - сказал Гас. – Не то чтобы я хотел тебя обогнать, но мое тело сделано из рака.

- Я слышал, - сказал Айзек, стараясь, чтобы он его не понял. Он попытался нащупать руку Гаса, но нашел только его бедро.

- Я завоеван, - сказал Гас.

Мама Айзека принесла из столовой два стула, и мы с Айзеком сели рядом с Гасом. Я взяла его за руку, описывая круги в пространстве между его большим и указательным пальцем.

Взрослые отправились вниз, чтобы сочувствовать друг другу или типа того, оставив нас одних в гостиной. Через какое-то время Август повернул к нам голову, медленно очухиваясь.

- Как Моника? – спросил он.

- Ни разу от нее ничего не слышал, - сказал Айзек. – Ни открыток, ни e-мейлов. Кстати, у меня теперь программа, которая читает e-мейлы. Круть. Я у голоса могу менять пол, акцент и все такое.

- Так что, я могу отправить тебе порно-рассказ, и ты заставишь старого немца читать его тебе?

- Точно, - сказал Айзек. – Хотя мама до сих пор помогает мне с ней, так что подожди с немецкой порнухой на неделю или две.

- Она что, даже не отправила тебе смску, чтобы спросить, как ты? – спросила я. Меня это ударило, как необъятная несправедливость.

- Полная тишина в эфире, - сказал Айзек.

- Фигня какая-то, - сказала я.

- Я перестал об этом думать. У меня нет времени на девушку. У меня типа круглосуточная работа – Научись как быть слепым.

Гас медленно отвернулся от нас, уставившись через окно на задний двор. С закрытыми глазами.

Айзек спросил, как у меня дела, и я сказала, что хорошо, а он рассказал мне, что в Группе поддержки появилась

новая девчонка с сексуальным голосом, и я нужна была ему, чтобы сказать, действительно ли она привлекательна. Затем Август вдруг произнес из ниоткуда:

- Нельзя просто перестать контактировать с бывшим парнем после того, как ему глаза из его гребаной башки вырезали.

- Только один... - начал Айзек.

- Хейзел Грейс, у тебя найдется четыре доллара? – спросил Гас.

- Хм, - сказала я. – Ну, да.

- Отлично. Найди мою ногу под кофейным столиком, - сказал он. Гас рывком сел и быстро подобрался к краю дивана. Я протянула ему протез, он, как в замедленной съемке, прикрепил его.

Я помогла ему встать, а затем протянула руку Айзеку, чтобы провести его мимо мебели, которая вдруг показалась мне назойливой, и вдруг поняла, что в первый раз за много лет я являюсь самым здоровым человеком в комнате.

Я повела машину. Август сел спереди, Айзек сзади. Мы остановились у супермаркета, где, по инструкции Августа, я купила дюжину яиц, пока они с Айзеком ждали в машине. А затем Айзек по памяти довел нас до дома Моники, агрессивно чистого двухэтажного дома возле Еврейского центра. Ее ярко-зеленый Понтиак Firebird девяностых годов на толстых колесах стоял на подъезде к дому.

- Он там? – спросил Айзек, когда почувствовал, что мы скоро остановимся.

- О, он там, - сказал Август. – Знаешь, Айзек, на что он похож? На все наши глупые и бессмысленные надежды.

- А она внутри?

Гас медленно повернул голову, чтобы посмотреть на Айзека.

- Кому какая разница, где она? Речь не о ней. Речь о тебе.

Гас сжал грохотку с яйцами на своих коленях, затем открыл дверь и вытащил ноги на улицу. Он открыл дверь Айзеку, и я смотрела в зеркало заднего вида, как Август помогал Айзеку выйти, они оба опирались на ослабевающие плечи друг друга, как сложенные в молитве руки, ладони которых никак не могут встретиться.

Я опустила стекло и смотрела из машины, потому что вандализм заставлял меня нервничать. Они на пару шагов подошли к машине, затем Гас открыл грохотку и протянул Айзеку яйцо. Айзек бросил его, промазав мимо машины на добрых десять метров.

- Немного левее, - сказал Гас.

- Мой бросок был немного левее, или мне нужно целиться немного левее?

- Целься левее. - Айзек повернул плечи как на шарнирах. - Левее, - сказал Гас. Айзек повернулся еще. - Да, отлично. И кидай с силой. - Гас протянул ему другое яйцо, и Айзек бросил его. Яйцо пролетело по дуге над машиной и разбилось о наклонную крышу дома. - В яблочко! - сказал Гас.

- Правда что-ли? - восторженно спросил Айзек.

- Нет, ты метров на пять выше машины бросил. Просто кидай с силой, но низко. И немного правее, чем в прошлый раз. - Айзек потянулся и сам нашупал яйцо в грохотке, которую Гас прижимал к груди. Он бросил его и попал в габаритный огонь. - Да! - сказал Гас. - Да! ГАБАРИТЫ!

Айзек потянулся за следующим яйцом, промазал далеко вправо, затем за другим, промазал ниже, и еще одним, попав в заднее стекло. После этого он втемяшил три подряд в багажник.

- Хейзел Грейс, - крикнул мне Гас. - Сними это, чтобы Айзек увидел фото, когда изобретут роботизированные глаза.

Я подтянула себя вверх, так что теперь я сидела на спущенном стекле, опираясь локтями на крышу машины, и сняла все на свой телефон: Августа, незажженную сигарету у него во рту, его обалденную кривоватую улыбку, почти пустую розовую грохотку с яйцами, которую он держал над головой. Его другая рука лежит на плечах Айзека, чьи темные очки повернуты не совсем в сторону камеры. За ними яичные желтки стекают по заднему стеклу и бамперу зеленого Понтиака. А за всем этим открывающаяся дверь.

- Что, - спросила женщина средних лет через секунду после того, как я сделала фото, - черт возьми... - и потом замолчала.

- Мэм, - сказал Август, кивая ей, - машина вашей дочери только что была заслуженно забросана яйцами слепым человеком. Пожалуйста, закройте дверь и вернитесь обратно в дом, или мы вынуждены будем позвонить в полицию. - Через секундное колебание мама Моника закрыла дверь и исчезла. Айзек быстро бросил последние три яйца одно за другим, и затем Гас проводил его обратно в машину.

- Видишь, Айзек, если ты просто заберешь - мы подходим к бортику - у них чувство законности, если ты перевернешь его с ног на голову так, чтобы *они* чувствовали себя преступниками за то, что смотрят - еще пару шагов, - как их машину забрасывают яйцами, они смутятся, испугаются и забеспокоятся, и просто вернуться к своим - ты найдешь дверную ручку прямо перед собой - тихим и безнадежным жизням. - Гас обошел машину и устроился на переднем сиденье. Двери закрылись, и я с ревом стартанула, проехав добрую сотню метров, пока не поняла, что направлялась в тупиковую улицу. Я развернулась и быстро пронеслась мимо дома Моника.

Я не сделала больше ни одной его фотографии.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Через пару дней, дома у Гаса, его родители, и мои родители, и Гас, и я, все уместились за обеденным столом, вкушая фаршированные перцы за скатертью, которой, согласно папе Гаса, последний раз пользовались в прошлом веке.

Мой папа: «Эмили, это ризотто...»

Моя мама: «Оно великолепно».

Мама Гаса: «О, спасибо. Я буду рада дать вам рецепт».

Гас, пережевывая кусок: «Знаете, основной вкус, который я ощущаю, совсем не Оранжи».

Я: «Отличное замечание, Гас. Эта еда, хотя и аппетитная, на вкус совсем не Оранжи».

Моя мама: «Хейзел».

Гас: «На вкус как...»

Я: «Еда».

Гас: «Да, точно. На вкус как еда, отлично приготовленная. Но она не похожа на, как бы мне деликатно выразиться...?»

Я: «Она не похожа на то, как будто бы Сам Бог приготовил рай в серии из пяти блюд, которые поданы тебе в сопровождении нескольких светящихся шаров ферментированной, пузырящейся плазмы, пока настоящие и образные цветочные лепестки качаются на поверхности канала, возле которого стоит твой столик».

Гас: «Отлично сказано».

Папа Гаса: «Наши дети – странные».

Мой папа: «Отлично сказано».

Через неделю после этого обеда Гас попал в отделение скорой помощи с болью в груди, и его оставили на ночь, так что на следующее утро я поехала в Мемориал и навестила его на четвертом этаже. Я не была в Мемориале с

тех пор, как навещала Айзека. Тут не было клоунски ярких крашенных стен или картинок с собачками за рулем автомобилей, которые можно было увидеть в детской больнице, но абсолютная стерильность этого места заставила меня почувствовать ностальгию по счастливой детской херне, к которой я привыкла. Мемориал был таким *утилитарным*. Это был склад. Прематорий.

Когда двери лифта открылись на четвертом этаже, я увидела маму Гаса, меряющую шагами комнату ожидания, с телефоном у уха. Она быстро повесила трубку, обняла меня и предложила взять мою тележку.

- Я в порядке, - сказала я. - Как Гас?

- У него была трудная ночь, Хейзел, - сказала она. - Его сердцу слишком тяжело. Ему нужно сократить активность. Будет сидеть в инвалидном кресле, когда выйдет. Ему назначили какой-то новый препарат, который лучше будет справляться с болью. Его сестры только что вошли.

- Хорошо, - сказала я. Могу я его увидеть?

Она положила мне на плечи руку и жала меня. Это было уютно.

- Ты знаешь, что мы любим тебя, Хейзел, но сейчас нам нужно быть семьей. Гас согласился с этим. Хорошо?

- Хорошо, - сказала я.

- Я скажу ему, что ты заходила.

- Хорошо, - сказала я. - Думаю, я просто почитаю здесь немного.

Она пошла дальше по коридору, туда, где он лежал. Я ее понимала, но я все еще скучала по нему, все еще думала, что я могу упустить последний шанс увидеть его, попрощаться или что-то вроде того. Комната ожидания была вся покрыта коричневым ковром и заполнена коричневыми тканевыми креслами. Минуту я сидела в кресле для двоих, держа тележку с кислородом одной ногой. На мне были

конверсы и моя футболка *Ceci n'est pas une pipe*, та же одежда, которую я надела две недели назад поздним вечером Диаграмм, и он этого не увидит. Я начала пролистывать фотографии на телефоне, обратный отсчет последних нескольких месяцев, начиная со снимка с ним и Айзеком у дома Моники и заканчивая первой фотографией Августа, которую я сделала по пути на *Клевые кости*. Казалось, будто это было вечность назад, будто у нас было это краткое, но все еще бесконечное навсегда. Некоторые бесконечности больше, чем другие.

Две недели спустя я везла Гаса на кресле-каталке через парк по направлению к *Клевым костям*, у него на коленях лежали целая бутылка очень дорогого шампанского и мой кислородный баллон. Шампанское пожертвовал один из докторов Гаса – он вообще такой человек, который вдохновляет докторов отдавать их лучшие бутылки с шампанским детям. Мы сели, Гас на каталке, я на сырой траве, так близко к *Клевым костям*, как мы могли с ним в его кресле. Я показала на детей, подстрекающих друг друга пропрыгать от грудной клетки до плеча, и Гас ответил так тихо, чтобы через их шум услышала только я:

- В прошлый раз я представлял себя ребенком. В этот – скелетом.

Мы пили из бумажных стаканчиков с Винни Пухом.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Типичный день с Гасом на поздней стадии:

Я заехала к нему домой около полудня, после того, как он съел и вытошнил завтрак. Он встретил меня у двери в своем инвалидном кресле, уже не прекрасный мускулистый парень, который пялился на меня в Группе поддержки, но все еще кривовато улыбающийся, все еще курящий свою незажженную сигарету, голубые глаза яркие и живые.

Мы съели ланч с его родителями за обеденным столом. Сендвичи с арахисовым маслом и джемом и вчерашняя спаржа. Гас не ел. Я спросила, как он себя чувствует.

- Превосходно, - сказал он. - А ты?
- Хорошо. Что делал вчера вечером?
- Я много спал. Я хочу написать для тебя сиквел, Хейзел Грейс, но я все время безумно устаю.

- Ты можешь просто рассказать его мне, - сказала я.
- Ну, я остановился на своем до-Ван Хаутенском анализе Голландца с тюльпанами: не мошенник, но и не такой богатый, как заставляет поверить.

- А что насчет мамы Анны?
- Здесь у меня еще нет конкретного мнения. Терпение, кузнечик, - улыбнулся Гас. Его родители сидели тихо, смотря на него, никогда не отворачиваясь, будто они просто хотели насладиться Шоу Августа Уотерса, пока он еще был в городе. - Иногда я мечтаю, что напишу мемуары. Мемуары были бы просто способом сохранить меня в сердцах и памяти моей обожаемой публики.

- Зачем тебе нужна обожаемая публика, когда у тебя есть я? - задала я вопрос.

- Хейзел Грейс, когда ты так очаровательна и физически привлекательна, как я, то тебе достаточно легко завоевать людей, которых ты встречаешь. Но заставить незнакомцев любить тебя... вот *это* задача.

Я закатила глаза.

После ланча мы вышли на задний двор. У него все еще было достаточно сил, чтобы самому толкать кресло и тянуть миниатюрные колесики, чтобы переехать через порог входной двери. Все еще атлетичный, несмотря ни на что, благословленный равновесием и быстрыми рефлексами, которые не смогли победить даже обильные наркотики.

Его родители остались внутри, но когда я бросала взгляд назад, в столовую, они постоянно смотрели на нас.

Мы в тишине посидели там минуту, а потом Гас сказал:

- Иногда мне хочется, чтобы у нас были те качели.
- Качели из моего двора?
- Да. Моя ностальгия настолько беспредельна, что я способен скучать по качелям, которых моя задница даже никогда не касалась.

- Ностальгия – это побочный эффект рака, - сказала я ему.

- Нее, ностальгия – побочный эффект умирания, - ответил он. Над нами дул ветер, и тени от веток выстраивались на нашей коже. Гас сжал мою руку. – Это хорошая жизнь, Хейзел Грейс.

Мы вернулись вовнутрь, когда ему понадобились лекарства, которые закачивались в него вместе с питательным раствором через желудочную трубку, кусок пластика, исчезающий в его животе. Какое-то время он сидел тихо, практически отключившись. Его мама хотела, чтобы он прилег, но он качал головой, когда она это предлагала, так что мы позволили ему сидя дремать в его кресле.

Его родители смотрели старое видео с Гасом и его сестрами – они были примерно моего возраста, а Гасу было около пяти. Они играли в баскетбол около какого-то дома, и даже несмотря на то, что Гас был совсем крохой, он вел мяч,

обегая своих смеющихся сестер, будто родился с ним. Это был первый раз, когда я видела его играющим в баскетбол.

- Он был хорош, - сказала я.

- Жаль, ты не видела его в старшей школе, - сказал его папа. – Стал играть за команду университета.

Гас пробормотал:

- Могу я пойти вниз?

Его родители спустили коляску по лестнице, оставив Гаса в ней, и эти сумасшедшие удары о ступени были бы опасны, если бы опасность сохраняла свою существенность. Они оставили нас одних. Он забрался на кровать, и мы лежали вместе под покрывалом, я на боку, Гас на спине, я держала голову на его костлявом плече, его жар проникал в меня через его футболку-поло, мои ноги переплелись с его настоящей ногой, моя рука лежала у него на щеке.

Когда я приблизилась к его лицу настолько близко, что касалась его носом и могла увидеть только его глаза, я перестала чувствовать, что он болен. Мы целовались какое-то время, а потом просто лежали вместе, слушая одноименный альбом *The Hectic Glow*, и, в конечном счете, заснули, словно объемное переплетение трубок и тел.

Позже мы проснулись и переставили армаду подушек так, чтобы мы удобно могли сидеть у края кровати и играть в *Карательную миссию 2: Цену рассвета*. Я лажала, конечно же, но мой проигрыш помогал ему: становилось легче красиво умереть, прыгнуть на снайперскую пулю и пожертвовать собой ради меня или убить часового, который готовился меня застрелить. Какое удовольствие он получал, спасая меня. Он кричал: «Ты *не посмеешь* убить мою девушку, Международный террорист сомнительной национальности!»

Мне вдруг в голову пришла идея притвориться, что я задыхаюсь, чтобы он смог ударить меня под диафрагму. Может, так он смог бы освободиться от страха, что его

жизнь прошла и была потеряна не ради великого добра. Но потом я представила, что ему не хватит физических сил, чтобы встряхнуть меня, а мне придется открыть, что это была хитрость, и последует взаимное унижение.

Чертовски трудно удерживать достоинство, когда восходящее солнце слишком ярко отражается в твоих закрывающихся глазах, и вот о чем я думала, пока мы охотились на плохих парней в руинах города, который никогда не существовал.

Наконец, зашел его папа и потащил Гаса обратно наверх, и в прихожей, под Ободрением, говорящим мне, что Друзья – навсегда, я присела, чтобы поцеловать его на ночь. Я вернулась домой и поужинала с моими родителями, оставив Гаса съесть (и вытошнить) свой собственный ужин.

Немного посмотрев телик, я пошла спать.

Я проснулась.

Около полудня я опять поехала туда.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Однажды утром, через месяц после возвращения из Амстердама, я поехала к нему домой. Его родители сказали мне, что он все еще спал внизу, поэтому я громко постучала в дверь перед тем, как войти, а потом позвала: «Гас?»

Я нашла его бормочущим на языке собственного создания. Он описал кровать. Это было ужасно. Я даже не смогла смотреть. Я просто криком позвала его родителей, и они спустились, а я пошла наверх, пока они его чистили.

Когда я вернулась вниз, он медленно очухивался от наркотиков, чтобы начать мучительный день. Я поправила подушки, чтобы мы могли сыграть в *Карательную миссию* на голом матрасе без простыней, но он был такой усталый, что лажал практически так же, как я, и мы не могли пройти пяти минут без того, чтобы быть убитыми. Больше не было красивых героических смертей, только невнимательные.

Я ему ничего особенного не сказала. Думаю, я почти хотела, чтобы он забыл, что я была здесь, и надеялась, что он не помнил, как я нашла свою любовь в безумии и луже его собственной мочи. Я вроде как мечтала, чтобы он взглянул на меня и сказал: «Ого, Хейзел Грейс. А как ты здесь оказалась?».

Но к сожалению, он помнил.

- С каждой минутой я все глубже осознаю слово *униженный*, - наконец сказал он.

- Я тоже писала в постель, Гас, поверь мне. Это не конец света.

- Раньше, - сказал он, и резко вдохнул, - ты звала меня Август.

- Знаешь, - сказал он через какое-то время, - это ребячество, но я всегда думал, что мой некролог напечатают в газетах, что у меня будет история, которую

стоит рассказать. У меня всегда было тайное подозрение, что я особенный.

- Так и есть, - сказала я.

- Ты знаешь, что я имею в виду, - сказал он.

Я и вправду знала, что он имеет в виду. Я просто не хотела с этим соглашаться.

- Мне все равно, если Нью-Йорк Таймс напишет для меня некролог. Я хочу, чтобы ты его написал, - сказала я ему. - Говоришь, ты не особенный, потому что мир не знает о тебе, но для меня это оскорбление. Я знаю о тебе.

- Не думаю, что у меня получится написать для тебя некролог, - сказал он вместо извинения.

Я была так разочарована в нем.

- Я просто хочу, чтобы тебе хватало меня, но это невозможно. Тебе этого никогда не достаточно. Но это все, что у тебя есть. Я, твоя семья, этот мир. Это твоя жизнь. Мне жаль, если это отстой. Но ты не будешь первым человеком на Марсе, не будешь звездой баскетбола, не будешь сражаться с нацистами. Я хочу сказать, ну посмотри на себя, Гас. - Он не ответил. - Я не это имела в виду... - начала я.

- О, именно это, - перебил он. Я начала извиняться, а он сказал: - Нет, это ты меня прости. Ты права. Давай просто поиграем.

И мы просто играли.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я проснулась от того, что мой телефон играл песню *The Hectic Glow*. Любимую песню Гаса. Это значило, что звонил он – или кто-то с его телефона. Я взглянула на часы: 2:35 ночи. *Его больше нет*, подумала я, и все во мне развалилось.

Я едва смогла проскрипеть:

«Алло?»

Я ожидала убитого родительского голоса.

«Хейзел Грейс», - слабо сказал Август.

«Ох, слава Богу, это ты. Привет. Привет, я люблю тебя».

«Хейзел Грейс, я на заправке. Что-то не так. Ты должна мне помочь».

«Что? Где ты?»

«На шоссе, возле 86-ой и Дитч. Я что-то не то сделал с трубкой, не могу сообразить, и...»

«Я звоню 911», - сказала я.

«Нет нет нет нет нет, они заберут меня в больницу. Хейзел, послушай меня. Не звони 911 или моим родителям, я никогда не прощу тебя, не делай этого, пожалуйста, просто приезжай, просто приезжай и почини мою гребаную желудочную трубку. Я просто... Господи, это так глупо. Я не хочу, чтобы мои родители знали, что я уехал. Пожалуйста. У меня с собой есть лекарство, я просто не могу его ввести. Пожалуйста». – Он плакал. Я никогда не слышала, чтобы он так рыдал, за исключением того дня перед Амстердамом, когда я стояла у его дома.

«Хорошо, - сказала я. – Я выезжаю».

Я отключила БИПАП и прицепила себя к кислородному баллону, поставила баллон в тележку и надела кроссовки, оставшись в розовых пижамных штанах и баскетбольной футболке, которая раньше принадлежала Гасу. Я взяла ключи с кухонного ящика, где мама их

хранила, и написала записку на случай, если они проснутся, пока меня нет.

*Поехала проверить Гаса. Это важно. Простите.
Люблю, Х.*

Пока я вела машину пару километров до заправки, я достаточно проснулась, чтобы задуматься, почему Гас уехал из дома посреди ночи. Может, у него были галлюцинации, или эти мученические фантазии полностью захватили его.

Я разогналась по улице Дитч мимо мигающих желтым светофоров, я ехала так быстро отчасти, чтобы успеть к нему, отчасти – в надежде, что меня остановит коп и даст мне возможность сказать кому-то, что мой умирающий парень застрял на заправке с трубкой у себя в желудке. Но ни один коп не появился, чтобы принять за меня решение.

На парковке стояло только две машины. Я подъехала к его. Открыла дверь. В машине включилась подсветка. Август сидел на месте водителя, покрытый собственной рвотой, его руки были прижаты к тому месту на животе, куда входила трубка.

- Привет, - пробормотал он.
- О, Боже, Август, нам нужно отвезти тебя в больницу.
- Пожалуйста, просто взгляни на нее. – Я подавилась запахом, но нагнулась, чтобы осмотреть место над его пупком, куда хирурги установили трубку. Кожа его живота была горячей и ярко-красной.
- Гас, думаю, что-то воспалилось. Я не могу это исправить. Почему ты здесь? Почему ты не дома? – Его вырвало, а у него не было сил даже отвернуться от коленей.
- Ох, родной... - сказала я.

- Я хотел купить пачку сигарет, - пробормотал он. – Я потерял свою. Или они забрали ее. Не знаю. Они сказали,

что принесут мне другую, но я хотел... сам это сделать. Сделать что-то крошечное самостоятельно.

Он смотрел прямо вперед. Я тихо достала телефон и взглянула на экран, чтобы набрать 911.

- Прости меня, - сказала я ему. *Девять один один, что случилось?* – Здравствуйте, я на шоссе на пересечении 86-ой и Дитч, и мне нужна скорая помощь. У любви всей моей жизни проблемы с желудочной трубкой.

Он взглянул на меня. Это было ужасно. Я едва могла смотреть на него. Август Уотерс кривых усмешек и нетронутых сигарет исчез, оставив после себя это отчаявшееся, униженное существо, сидящее рядом со мной.

- Вот и все. Я больше не могу даже не-курить.

- Гас, я люблю тебя.

- Где мой шанс стать чьим-то Питером Ван Хаутеном?

– Он слабо ударил по рулю, сигнал вскрикнул вместе с его рыданиями. Он откинул голову, смотря в потолок. – Я ненавижу себя, ненавижу, ненавижу, ненавижу, я себе мерзок, я ненавижу это, ненавижу, ненавижу, просто дайте мне блять умереть.

Согласно обычаям жанра, Август Уотерс сохранил свое чувство юмора до самого конца, ни на секунду не отказался от своей храбрости, и его дух парил как неукротимый орел, пока даже целый мир не смог сдержать его радостной души.

Но вот она, правда: жалкий парень, который отчаянно не хочет быть жалким, кричащий и рыдающий, отравленный зараженной желудочной трубкой, которая сохраняла ему жизнь, но не до конца.

Я вытерла ему подбородок, обхватила его лицо руками и присела так, чтобы видеть его глаза, которые все еще жили.

- Мне жаль. Хотелось бы мне, чтобы это было как в том фильме, с персами и спартанцами.

- Мне тоже, - сказал он.

- Но это не так, - сказала я.
- Я знаю, - сказал он.
- Нет плохих парней.
- Угу.
- Даже рак – не совсем плохой парень. Он просто хочет жить.

- Угу.
- Ты будешь в порядке, - сказала я ему. Я слышала сирены.

- Хорошо, - сказал он. Он терял сознание.
- Гас, ты должен пообещать никогда больше так не делать. Я куплю тебе сигареты, хорошо? – Он взглянул на меня. Его глаза тонули в глазных впадинах. – Ты должен пообещать.

Он слегка кивнул, а потом его глаза закрылись, а голова покачнулась.

- Гас, - сказала я. – Не отключайся.
- Почитай мне что-нибудь, - сказал он, когда чертова скорая помощь с ревом пронеслась мимо. Так что пока я ждала, чтобы они развернулись и нашли нас, я рассказала единственное стихотворение, которое пришло мне на ум: *Красная тачка* Уильяма Карлоса Уильямса¹.

так многое зависит
от

красной
тачки

покрытой дождевой
водой

стоящей возле белых

¹ Уильям Карлос Уильямс – один из известнейших поэтов США, работал в русле авангарда.

цыпляют.

Уильямс был доктором. Мне казалось, что это подходящее для доктора стихотворение. Оно закончилось, но скорая помощь все еще уезжала от нас, так что я продолжила сочинять дальше.

И так многое зависит, сказала я Августу, от голубого неба, иссеченного ветвями деревьев. Так многое зависит от прозрачной трубки, выходящей из кишок парня с синими губами. Так многое зависит от этого наблюдателя за вселенной.

В полусознании он взглянул на меня и пробормотал:

- И ты говоришь, что не пишешь стихи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Он вернулся домой из больницы через несколько дней, окончательно и бесповоротно лишенный своих абмиций. Чтобы освободить его от боли, потребовалось больше лекарств. Он наконец переехал наверх: в больничную койку рядом с окном в гостиной.

Это были дни пижамы и щетины на лице, дни бормотания, просьб и бесконечных благодарностей всем за то, что они за него делали. Однажды днем он протянул слабую руку в сторону корзины для белья в углу комнаты и спросил меня:

- Что это?
- Та корзина для белья?
- Нет, рядом с ней.
- Я ничего не вижу рядом с ней.
- Это последний клочок моего достоинства. Он совсем крохотный.

На следующий день я сама себя впустила. Они не хотели, чтобы я больше пользовалась дверным звонком, потому что он мог его разбудить. Его сестры были там со своими мужьями-банкирами и тремя детьми, мальчиками, которые подбежали ко мне и пропели *кто ты кто ты кто ты кто ты*, нарезая круги по прихожей, будто объем легких был возобновляемым ресурсом. Я уже встречалась с сестрами, но не с детьми или их отцами.

- Я Хейзел, - сказала я.
- У Гаса есть *подружка*, - сказал один из мальчиков.
- Я в курсе, что у Гаса есть подружка, - сказала я.
- У нее есть титьки, - сказал другой.
- Да правда что-ли?

- Зачем тебе это? – спросил первый, показывая на кислородный баллон.

- Помогает мне дышать, - сказала я. – Гас проснулся?

- Нет, он спит.

- Он умирает, - сказал другой.

- Он умирает, - подтвердил третий, внезапно серьезный. На какое-то время стало тихо, и я задумалась, что мне следует сказать, но потом один из них пнул другого, и они снова побежали наперегонки, завалив друг друга в потасовку, которая переместилась в сторону кухни.

Я пошла к родителям Гаса в гостиную и познакомилась с его зятьями, Крисом и Дейвом.

Я не очень хорошо знала его сводных сестер, но они обе все равно меня обняли. Джули сидела на краю кровати, говоря со спящим Гасом абсолютно так же, как она бы говорила маленькому ребенку, что он просто прелесть: «Ох, Гасси-Гасси, наш маленький Гасси». Наш Гасси? Они его что, приобрели?

- Как жизнь, Август? – сказала я, пытаюсь изобразить должное поведение.

- Наш прекрасный Гасси, - сказала Марта, наклоняясь к нему. Я задумалась, а спит ли он вообще, или просто не убирает палец с кнопки подачи обезболивающего, чтобы избежать Атаки сестер с благими намерениями.

Он проснулся через какое-то время, и первым, что он сказал, было «Хейзел», и, должна признать, это сделало меня каким-то образом счастливой, вроде как я тоже стала частью его семьи.

- На улицу, - тихо сказал он. – Можем пойти?

Мы пошли, его мама толкала кресло-каталку, а сестры, зятья, папа, племянники и я плелись рядом. День был облачный, безветренный и жаркий, приближающееся лето давало о себе знать. На нем была темно-синяя футболка с длинным рукавом и флисовые штаны. По какой-то причине

он постоянно мерз. Он захотел пить, так что его папа вернулся в дом и принес ему стакан.

Марта попыталась вовлечь Гаса в разговор, присев на колени рядом с ним и говоря:

- У тебя всегда были такие красивые глаза. – Он слегка кивнул.

Один из мужей положил руку на его плечо и сказал:

- Как тебе на свежем воздухе? – Гас пожал плечами.

- Хочешь лекарство? – спросила его мама, присоединяясь к кругу присевших возле него. Я отошла на шаг назад, смотря на племянников, прорвавшихся через клумбу на клочок травы на заднем дворе. Они мгновенно начали игру, которая включала бросание друг друга на землю.

- Дети! – почти закричала Джули. – Я могу только надеяться, - сказала она, поворачиваясь к Гасу, - что они вырастут в думающих, интеллектуальных молодых людей, одним из которых ты стал.

Я подавила в себе желание изобразить, что меня тошнит.

- Он не такой уж и умный, - сказала я Джули.

- Она права. Просто обычно по-настоящему красивые люди тупые, так что я превосхожу все ожидания.

- Точно, в основном это его сексуальность, - сказала я.

- Она может быть ослепительной, - сказал он.

- Она даже ослепила нашего друга Айзека, - скаала я.

- Это ужасная трагедия. Но могу ли я справиться с собственной убийственной красотой?

- Не можешь.

- Это прекрасное лицо – мое бремя.

- Не говоря уже о твоём теле.

- Seriously, даже не напоминай мне о моей идеальной форме. Ты не хочешь видеть меня обнаженным, Дейв. Хейзел Грейс чуть не задохнулась, когда это увидела, - сказал он, кивая в сторону кислородного баллона.

- Ладно, хватит, - сказал папа Гаса, а потом вдруг из ниоткуда положил руку мне на плечо, поцеловал мои волосы и прошептал: «Я каждый день благодарю за тебя Господа, дитя».

В общем, это был последний хороший день с Гасом до Последнего хорошего дня.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Одним из наименее хреновых сборищ для детей с раком была конвенция Последний хороший день, где жертва рака обнаруживает на несколько часов, что непрерывный уклон внезапно распрямился, что боль на какое-то время становится выносимой. Проблема, конечно, заключается в том, что невозможно никак узнать, что твой последний хороший день – Последний хороший день. До самого конца это просто еще один хороший день.

Я сделала себе выходной от посещения Августа, потому что сама не очень хорошо себя чувствовала: ничего особенного, просто устала. Это был ленивый день, и когда Август позвонил около пяти вечера, я уже была прицеплена к БИПАПу, который мы перетащили в гостиную, чтобы я могла смотреть телик с мамой и папой.

«Привет, Август», - сказала я.

Он ответил голосом, в который я влюбилась:

«Добрый вечер, Хейзел Грейс. Как думаешь, ты сможешь быть в Буквальном сердце Иисуса около восьми вечера?»

«Эээ, да?»

«Отлично. Также, если тебе не сложно, подготовь, пожалуйста, прощальную речь».

«Хм», - сказала я.

«Я люблю тебя», - сказал он.

«И я тебя», - ответила я. Затем телефон отключился.

- Ээм, - сказала я. - Мне нужно пойти в Группу поддержки в восемь. Экстренное собрание.

Мама отключила звук телевизора.

- Все в порядке?

Я секунду смотрела на нее, приподняв брови.

- Полагаю, это риторический вопрос.

- Но почему...

- Потому что я зачем-то нужна Гасу. Все нормально. Я поведу. – Я повозилась с БИПАПом, чтобы мама помогла мне его отключить, но она не стала.

- Хейзел, - сказала она, - мы с папой считаем, что мы едва ли *видим* тебя последнее время.

- Особенно те из нас, кто работает всю неделю, - сказал папа.

- Я нужна ему, - сказала я, наконец отключив БИПАП самостоятельно.

- Нам ты тоже нужна, детка, - сказал папа. Он взял меня за руку, будто я была двухлетним ребенком, готовым рвануть на улицу, и крепко обхватил запястье.

- Ну, так подхвати неизлечимую болезнь, пап, и я буду больше оставаться дома.

- Хейзел, - сказала мама.

- Это ты не хотела, чтобы я была домоседкой, - сказала я ей. Папа все еще не отпускал мою руку. – А теперь ты хочешь, чтобы он поскорее умер, чтобы я снова оказалась привязана к этому месту и позволила тебе обо мне заботиться, как было всегда. Но мне это не нужно, мам. Ты не нужна мне так, как раньше. Это тебе нужно начать жить.

- Хейзел! – сказал папа, сильнее сжимая мою руку. – Извинись перед матерью.

Я дернула руку, но он не отпускал, а я не могла вставить канюлю одной рукой. Я была в ярости. Все, чего я хотела, это старой доброй Подростковой забастовки, когда я с топотом вылетаю из комнаты, и хлопаю дверь в спальне, и включаю *The Hectic Glow*, и яростно пишу прощальную речь. Но я не могла так сделать, потому что, черт возьми, я дышать не могла.

- Канюля, - всхлипнула я. – Мне нужна канюля.

Папа мгновенно отпустил меня и бросился подсоединять к кислороду. Я видела вину в его глазах, но он все еще злился.

- Хейзел, извинись перед матерью.
- Ладно, прости меня, просто дай мне туда пойти.

Они ничего не сказали. Мама просто сидела, сложив руки и не смотря на меня. Через какое-то время я встала и пошла в свою комнату, чтобы написать об Августе.

И мама, и папа несколько раз пытались стучать в дверь и все такое, но я просто говорила им, что занимаюсь важным делом. Прошла целая вечность, прежде чем я поняла, что же я хочу сказать, и даже тогда я не была этим вполне довольна. Перед тем, как я *технически* закончила, я заметила, что на часах 19:40, а это значило, что я опоздаю, даже если *не буду* переодеваться, так что я осталась в голубых хлопковых пижамных штанах, тапочках и баскетбольной футболке Гаса.

Я вышла из комнаты и попыталась пройти мимо родителей, но папа сказал:

- Ты не можешь выйти из дома без разрешения.
- Господи, папа. Он хотел, что я написала для него *прощальную речь*, понимаешь? Я буду дома каждый. Чертов. Вечер. Начиная с сегодняшнего дня, ладно? – Это наконец их заткнуло.

Я потратила всю дорогу, чтобы успокоиться по поводу родителей. Я заехала за церковь и припарковалась на полукруглом подъезде, за машиной Августа. Задняя дверь церкви была открыта и прижата камнем размером с кулак. Зайдя вовнутрь, я рассмотрела возможность спуститься по ступеням, но решила подождать старый скрипящий лифт.

Когда двери лифта скользнули в стороны, я оказалась в комнате Группы поддержки с обычным кругом стульев. Но теперь я видела только Гаса в кресле-каталке, худого, как упырь. Он смотрел на меня из центра круга. Он ждал, пока откроются двери лифта.

- Хейзел Грейс, - сказал он, - ты восхитительно выглядишь.

- Да, я знаю.

Я услышала шарканье из темного угла комнаты. Айзек стоял за маленькой деревянной кафедрой, опираясь на нее.

- Хочешь сесть? – спросила я его.

- Нет, я готовлюсь произнести речь. Ты опоздала.

- Ты... эмм... что?

Гас показал рукой, чтобы я села. Я вытащила стул на центр круга рядом с ним, когда он повернул кресло так, чтобы находиться лицом к Айзеку.

- Я хочу посетить мои похороны, - сказал Гас. – Кстати, ты скажешь что-нибудь на моих похоронах?

- Эээ, конечно, да, - сказала я, опустив руку ему на плечо. Я потянулась и обняла одновременно его и кресло. Он дернулся. Я отпустила.

- Супер, - сказал он. – Я полон надежд, что смогу быть там как призрак, но просто чтобы удостовериться, я решил... ну, не хочу ставить вас в неловкое положение, но я только сегодня подумал, что могу устроить пре-похороны, и раз уж я относительно в духе, нет лучше времени, чем прямо сейчас.

- Как ты вообще сюда вошел? – спросила я.

- Ты согласишься, если я скажу тебе, что они дверь всю ночь открытой держат? – спросил Гас.

- Эмм, нет, - сказала я.

- Ну, ты и не должна, - улыбнулся Гас. – В общем, я знаю, что этим решением я себя немного возвеличил.

- Эй, ты крадешь мою речь, - сказал Айзек. – В моем первом абзаце говорится о том, каким ты был постоянно пытающимся возвысить себя придурком.

Я рассмеялась.

- Хорошо, хорошо, - сказал Гас. – Как тебе будет угодно.

Айзек прочистил горло.

- Айзек был постоянно пытающимся возвысить себя придурком. Но мы прощаем его. Мы прощаем его не потому,

что у него было сердце настолько же метафорически доброе, насколько буквально больное, или потому, что он знал больше о том, как держать сигарету, чем любой другой не-курящий во всей истории, или потому, что он получил восемнадцать лет, хотя должен был получить больше.

- Семнадцать, - поправил Гас.

- Я предполагаю, что у тебя еще есть время, не перебивай.

Говорю вам, - продолжил Айзек, - Август Уотерс говорил так много, что перебил бы вас на своих собственных похоронах. И он был претециозен: Господи Боже, этот парень не мог нужду справить без того, чтобы задуматься об избытии метафоричных отзвуков человеческого производства отходов. И он был тщеславен: не думаю, что я когда-либо встречал более физически привлекательного человека, который острее бы осознавал свою физическую привлекательность.

Но я скажу вот что: когда ученые будущего покажутся у меня дома с роботизированными глазами и попросят меня их примерить, я скажу им валить ко всем чертям, потому что я не хочу видеть мир без него.

К этому моменту я почти плакала.

- А затем, сделав этот риторический возглас, я надену эти глаза, потому что, ну сами понимаете, с роботизированными глазами можно, наверное, смотреть сквозь девчачьи футболки и все такое. Август, друг мой, Бог тебе в помощь.

Август кивал какое-то время со сжатыми губами, а затем показал Айзеку большой палец. После того, как он оправился от хладнокровия, он добавил:

- Я бы вырезал тот кусок про девчачьи футболки.

Айзек все еще держался за кафедру. Он начал плакать. Он прижал лоб к доске, и я видела, как трясутся его плечи. Наконец, он сказал:

- Черт возьми, Август, ты исправляешь собственную похоронную речь.

- Не ругайся в Буквальном сердце Иисуса, - сказал Гас.

- Черт возьми, - снова сказал Айзек. Он поднял голову и сглотнул. – Хейзел, можешь мне помочь?

А я и забыла, что он не мог сам вернуться обратно в круг. Я встала, положила его руку себе на предплечье и медленно довела его до стула рядом с Гасом, где я сидела. Затем я дошла до кафедры и развернула листок бумаги, на котором я напечатала свою речь.

- Меня зовут Хейзел. Август Уотерс был великой, предначертанной звездами любовью всей моей жизни. Наша история любви была эпична, и я не смогу произнести больше одного предложения не утонув в слезах. Гас знал. Гас знает. Я не буду рассказывать вам нашу историю, потому что – как все настоящие истории любви – она умрет вместе с нами, как и должно случиться. Я надеялась, что он будет говорить на моих похоронах, потому что никто, кроме него... - я начала плакать. – Нет, я не буду плакать. Не буду... Хорошо. Хорошо.

Я пару раз глубоко вдохнула и вернулась к листку.

- Я не могу говорить о нашей истории любви, поэтому я буду говорить о математике. Я не математик, но я знаю вот что: между нулем и единицей существует бесконечность чисел. Есть 0,1, и 0,12, и 0,112, и бесконечный набор остальных. Конечно, существует *большая* бесконечность между нулем и двумя, или между нулем и миллионом. Некоторые бесконечности больше, чем другие. Писатель, который нам раньше нравился, научил нас этому. Бывают дни, и таких много, когда я негодую на размер моей бесконечности. Я хочу больше чисел, чем могу получить, и, Господи, я хочу больше чисел для Августа Уотерса, чем он получил. Но, Гас, любовь моя, я не могу объяснить, как я тебе благодарна за нашу маленькую бесконечность. Я не отдала бы ее ни за что на свете. Ты

подарил мне бесконечность внутри ограниченного количества дней, и я счастлива.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Август Уотерс умер через восемь дней после его похорон, в Мемориале, в реанимации, когда рак, который состоял из него, наконец остановил его сердце, которое тоже состояло из него.

Он был со своими мамой, папой и сестрами. Его мама позвонила мне полчетвертого утра. Конечно, я знала, что он умирает. Я говорила с его папой перед тем, как пойти спать, и он сказал мне: «Это может случиться сегодня», но все равно, когда я схватила телефон с прикроватного столика и увидела на экране надпись *Мама Гаса*, все внутри меня взорвалось. Она просто плакала на другом конце провода и сказала мне, что ей очень жаль, и я сказала, что мне тоже очень жаль, и она сказала, что он был без сознания пару часов перед тем, как умереть.

Мои родители вошли в комнату с ожиданием на лице, и я просто кивнула, а они упали друг другу в объятия, чувствуя, как я подозреваю, тот же ужас, который в свое время придет и к ним.

Я позвонила Айзеку, который проклял жизнь, вселенную и Самого Господа Бога и воскликнул, где же чертовы трофеи, когда так нужно их разбить, а потом я поняла, что больше звонить было некому, и это было самым печальным. Единственным человеком, с которым я действительно хотела поговорить об Августе Уотерсе, был Август Уотерс.

Родители оставались в комнате целую вечность, пока не наступило утро, и папа не сказал: «Хочешь побыть одна?», и я кивнула, а мама сказала: «Мы будем прямо за дверью», и я подумала *Не сомневаюсь в этом*.

Это было невыносимо. Все это. Каждая секунда ужасней предыдущей. Я все хотела позвонить ему, мне было интересно, что случится, если кто-то ответит. В последние

недели наше совместное времяпрепровождение ограничивалось воспоминаниями, но это было еще ничего: теперь у меня забрали и удовольствие вспоминать, потому что больше было не с кем это делать. Чувство было такое, будто потеря со-вспоминателя означала потерю самой памяти, будто вещи, которые мы совершили, стали менее реальными и важными, чем они были несколько часов назад.

Когда ты попадаешь в отделение скорой помощи, первое, что они просят сделать, это оценить твою боль по шкале от одного до десяти, и так они решают, какое лекарство ввести и как быстро. Мне задавали этот вопрос сотню раз за все эти годы, и я помню, как однажды, когда я не могла дышать, и грудь моя была будто в огне, будто языки пламени лизали мои ребра изнутри, пытаюсь пробраться наружу, чтобы сжечь все мое тело, родители отвезли меня в скорую помощь. Медсестра спросила меня о боли, а я не могла даже говорить, так что я подняла девять пальцев.

Позже, когда они мне что-то ввели, медсестра вошла, и она вроде как гладила меня по руке, пока измеряла давление, и она сказала: «Знаешь, как я поняла, что ты боец? Ты назвала десятку девяткой».

Но дело было не совсем в этом. Я назвала ту боль девяткой, потому что сохраняла себе десятку. И вот они, великие и ужасные десять, ударяющие меня еще и еще, пока я не двигаясь лежу на кровати, уставившись в потолок, и волны швыряют меня на скалы, а затем уносят обратно в море, чтобы потом снова запустить меня в зубристые выступы утеса и оставить лежать на воде неутонувшей.

Наконец я ему все-таки позвонила. После пяти гудков включилась голосовая почта. «Вы позвонили Августу

Уотерсу, - сказал он чистым, влюбившим меня в него голосом. – Оставьте сообщение». Гудок. Тишина на линии была такой зловещей. Я просто хотела вернуться в то секретное внеземное пространство, которое мы посещали, когда говорили по телефону. Я ждала этого ощущения, но оно не появлялось: мертвый воздух на линии не утешал, и я повесила трубку.

Я достала ноутбук из-под кровати, включила его и отправилась на его страницу, где соболезнования уже лились потоком. Самое недавнее гласило:

Люблю тебя, бро. Увидимся на той стороне.

...написанное кем-то, о ком я никогда не слышала. На самом деле, почти все сообщения, которые прибывали почти так быстро, что я только успевала их прочесть, были написаны людьми, которых я ни разу не встречала, и о ком он никогда не говорил, людьми, которые превозносили его достоинства теперь, когда он был мертв, несмотря на то, что я знала наверняка, что они не видели его месяцами и не пытались навестить его. Я подумала, а будет ли моя страница выглядеть так же, когда я умру, или я достаточно долго была исключена из школы и жизни, чтобы избежать обширной меморизации.

Я продолжала читать.

Я уже скучаю по тебе, бро.

Я люблю тебя, Август. Благослови и храни тебя Бог.

Ты навсегда останешься в наших сердцах, друг.

(Это особенно меня возмутило, потому что намекало на бессмертие тех, кто остался здесь: Ты будешь вечно жить в моей памяти, потому что я буду жить вечно! Я ТЕПЕРЬ

ТВОЙ БОГ, МЕРТВЫЙ ПАРЕНЬ! Я ВЛАСТВУЮ НАД ТОБОЙ!
(Думать, что ты не умрешь, это все-таки тоже еще один
побочный эффект умирания.)

Ты всегда был таким отличным другом мне так жаль
что я не часто тебя видел после школы, бро. Держу пари
ты уже играешь в баскетбол в раю.

Я представила, как Август Уотерс анализирует этот
комментарий: если я играю в баскетбол в раю,
подразумевает ли это физическое существование рая,
включающего физические баскетбольные площадки? Кто
вообще будет делать баскетбольные мячи? Есть ли в раю
менее удачные души, которые работают на небесной
фабрике мячей, чтобы я смог играть? Или всемогущий Бог
создает баскетбольные мячи из космического вакуума?
Находится ли этот рай в недоступной нам вселенной, где не
работают законы физики, и если да, то почему, черт возьми,
я должен играть в баскетбол, когда я мог бы летать, читать,
смотреть на красивых людей или делать что-то еще, что
действительно приносит мне удовольствие? Можно было
бы сказать, что то, как ты представляешь меня мертвым,
говорит о тебе больше, чем о человеке, которым я был или
который я есть сейчас.

Его родители позвонили около полудня, чтобы сказать,
что похороны назначены через пять дней, в субботу. Я
представила себе церковь, набитую людьми, которые
думали, что ему нравился баскетбол, и меня начало
тошнить, но я знала, что должна пойти, раз уж я произношу
речь и все такое. Когда я повесила трубку, я вернулась к
изучению его страницы:

Только что узнал, что Гас Уотерс умер после долгой
борьбы с раком. Покойся с миром, дружище.

Я знала, что эти люди были искренне опечалены, и что я не была так уж зла на них. Я злилась на вселенную. Пусть даже и так, меня это бесило: ты получаешь всех этих друзей, когда они тебе уже не нужны. Я написала ответ на этот комментарий:

Мы живем во вселенной, посвященной созданию и истреблению разума. Август Уотерс умер не после долгой борьбы с раком. Он умер после долгой борьбы с человеческим сознанием, пал жертвой – которой рано или поздно станешь и ты – необходимости вселенной создать и разрушить все, что возможно.

Я опубликовала это и подождала чьего-нибудь ответа, обновляя страницу раз за разом. Ничего. Мой комментарий исчез в пурге новых сообщений. Все будут так по нему скучать. Все молились за его семью. Я вспомнила письмо Ван Хаутена: язык не воскрешает. Он погребает.

Через какое-то время я пошла в гостиную, чтобы посидеть с родителями и посмотреть телевизор. Я не могу даже вспомнить, что это было за шоу, но в какой-то момент мама сказала:

- Хейзел, что мы можем для тебя сделать?

А я просто покачала головой. Я снова начала плакать.

- Что мы можем сделать? – снова спросила мама.

Я пожала плечами.

Но она продолжала спрашивать, будто она могла что-то сделать, пока наконец я не свернулась калачиком на диване, положив голову ей на колени, а папа пододвинулся и очень крепко обнял меня за ноги, и я обернула руки

вокруг мамы, и они держали меня долго-долго, пока меня
накрывало волнами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда мы туда приехали, я села в конце зала для прощания, маленькой комнаты с голыми каменными стенами в стороне от алтаря церкви Буквального сердца Иисуса. Здесь стояло около восьмидесяти стульев, которые были заполнены на две трети, но комната ощущалась на одну треть пустой.

Какое-то время я просто смотрела, как люди подходят к гробу, установленному на чем-то вроде тележки, покрытой фиолетовой скатертью. Все эти люди, которых я никогда раньше не видела, вставали перед ним на колени или просто склонялись и смотрели на него, может, плакали, может, что-то говорили, а потом все прикасались к гробу вместо того, чтобы прикоснуться к нему, потому что никто не хочет трогать труп.

Родители Гаса стояли возле гроба и обнимали всех, кто подходил к нему, но когда они заметили меня, то улыбнулись и сделали пару шагов в мою сторону. Я встала со стула и сначала обняла его отца, а потом мать, которая слишком крепко в меня вцепилась, сжимая лопатки, как раньше делал Гас. Они оба выглядели такими старыми – глаза ввалились, кожа обвисла на утомленных лицах. Они тоже пришли к финишу бега с препятствиями.

- Он так тебя любил, - сказала мама Гаса. - По-настоящему. Это не была... это не была щенячья любовь, - добавила она, будто я этого не знала.

- Он вас тоже очень любил, - тихо сказала я. Это трудно объяснить, но, говоря с ними, я чувствовала, будто режу ножом, а меня режут в ответ. - Мне очень жаль, - сказала я. А потом его родители говорили с моими – с кивками головы и сжатыми губами. Я взглянула на деревянный ящик и обнаружила, что рядом с ним никого нет, так что решила подойти туда. Я вытащила кислородную трубку из ноздрей и подняла ее над головой,

протягивая папе. Я хотела, чтобы там были только я и он. Я схватила свой клатч и пошла по импровизированному проходу между рядами кресел.

Казалось, что идти было далеко, но я повторяла своим легким, чтобы они заткнулись, что они сильные и могут с этим справиться. Когда я приблизилась, я смогла на него посмотреть: лицо словно пластмассовое, а волосы... он пришел бы в ужас, если бы увидел, как их разделили на пробор. Но он все еще был Гасом. Моим тощим, но прекрасным Гасом.

Я хотела надеть маленькое черное платье, которое я купила для вечеринки по случаю моего пятнадцатилетия, мое смертное платье, но оно на меня больше не налезало, поэтому сейчас на мне было простое черное платье до колена. На Августе был надет тот костюм с узкими лацканами, который был на нем в Оранжи.

Когда я присела рядом с гробом на колени, я поняла, что его глаза были закрыты – конечно же – и что я никогда больше не увижу его голубых глаз.

- Я люблю тебя в настоящем времени, - прошептала я, а потом положила руку ему на грудь и сказала: - Все хорошо, Гас. Все хорошо. Правда. Все хорошо, слышишь меня? – У меня не было – и сейчас нет – абсолютно никакой уверенности в том, что он меня слышит. Я нагнулась и поцеловала его в щеку. – Хорошо, - сказала я. – Хорошо.

Я вдруг осознала, что на нас смотрят все эти люди, и что в последний раз так много людей видели, как мы целуемся, в Доме Анны Франк. Но, строго говоря, *нас* уже не было. Была только я.

Я открыла клатч, засунула туда руку и достала плотную пачку Кэмэла. Быстрым движением, которое, как я надеялась, никто не заметит, я заткнула их между его телом и плисовой серебряной обивкой гроба.

- Можешь их зажечь, - прошептала я ему. – Я не буду против.

Пока я с ним говорила, мои родители подошли ко второму ряду кресел с моей тележкой, чтобы мне не пришлось далеко идти. Папа протянул мне салфетку, когда я села. Я продула нос, протянула трубки за ушами и вставила их обратно.

Я думала, что мы пойдем к нормальному алтарю для настоящих похорон, но все прошло в этой маленькой комнате – Буквальной руке Иисуса, как мне кажется, в той части креста, где его прибили. Священник встал за гробом, будто за кафедрой или вроде того, и немного рассказал нам о храброй битве, которую вел Август, и о том, что его героизм был воодушевлением для всех нас, и меня уже потихоньку начало тошнить, когда он сказал: «В раю Август будет, наконец, здоровым и полноценным», намекая на то, что он был менее полноценным, чем другие, из-за недостатка ног, и я как-то не смогла сдержать вздох отвращения. Папа схватил меня над коленом и выдал мне осуждающий взгляд, но за спиной кто-то пробормотал прямо у меня над ухом:

- Несет какую-то хрень, согласна?

Я обернулась.

На Питере Ван Хаутене был белый льняной костюм, скроенный с учетом его полноты, зеленовато-голубая сорочка и зеленый галстук. Он был одет будто для колонизации Панамы, а не похорон. Священник сказал: «Давайте помолимся», но когда все склонили головы, я все еще, разинув рот, пялилась на Питера Ван Хаутена. Через пару секунд он прошептал: «Нужно притвориться, что мы молимся», и склонил голову.

Я попыталась забыть о нем и просто помолиться за Августа. Мне пришлось приложить усилия к тому, чтобы слушать священника и не оглядываться.

Священник вызвал Айзека, который был более серьезен, чем на пре-похоронах.

- Август Уотерс был губернатором тайного штата Онкохомы, и он незаменим, - начал Август. – Другие люди могут рассказать вам всякие веселые случаи, потому что Гас был веселым парнем, но позвольте мне поведать вам серьезную историю: на следующий день после того, как мне вырезали глаз, Гас пришел в больницу. Я был слеп, и сломлен, и ничего не хотел делать, а Гас ворвался ко мне в палату и прокричал: «У меня отличные новости!», а я такой: «Не очень-то я хочу сейчас слышать отличные новости», а Гас сказал: «Это такие новости, которые тебе захочется услышать», и я спросил его: «Ну ладно, что там?», а он сказал: «Ты проживешь хорошую и долгую жизнь, полную прекрасных и ужасных событий, которые ты даже представить себе не можешь!».

Айзек не мог продолжать, или, может, это было все, что он написал.

После того, как школьный друг рассказал пару историй о баскетбольном таланте Гаса и его качествах прекрасного товарища по команде, священник сказал:

- А теперь мы услышим несколько слов от Хейзел, особого друга Августа.

Особого друга? В зале кто-то хихикнул, поэтому я подумала, что будет безопасно начать с того, чтобы произнести: «Я была его девушкой». В зале рассмеялись. Затем я начала зачитывать прощальную речь, которую я написала.

- В доме Гаса есть замечательная цитата, которую мы оба считали особенно утешающей: *Без боли, как бы мы узнали радость?*

Я продолжала разглагольствовать о чертовых Ободрениях, а родители Гаса, обнявшись и держа друг друга за руки, кивали каждому слову. Я решила, что похороны устраивают ради живых.

После речи его сестры Джулии служба закончилась молитвой о единении Гаса с Богом, и я снова подумала о том, что он сказал мне в Оранжи, что он не верит в облачные дворцы и арфы, но верит во Что-то с большой буквы, и поэтому я постаралась представить его Где-то с большой буквы, пока мы молились, но даже тогда я не смогла полностью убедить себя, что мы рано или поздно будем вместе. Я уже знала слишком много мертвых. Я знала, что теперь время для меня пойдет иначе, нежели для него, что я, как и все в этой комнате, продолжу собирать любовь и потери на своем пути, а он нет. И для меня это была окончательная и непереносимая трагедия: как все бесчисленные мертвые, он раз и навсегда превратился в одного из призраков, которые раньше его пугали.

А потом один из зятьев Гаса принес бумбокс, и они включили песню, которую выбрал Гас: тихую и печальную композицию *The Hectic Glow* под названием *The New Partner*. Честно говоря, я просто хотела пойти домой. Я едва знала всех этих людей и чувствовала, как маленькие глазки Питера Ван Хаутена впиваются в мои обнаженные лопатки, но после того, как песня закончилась, все посчитали нужным подойти ко мне и сказать, что я произнесла прекрасную речь, и что служба была отличная, но это была ложь: мы были на похоронах. Они прошли, как любые другие похороны.

Те, кто нес гроб - его двоюродные братья, отец, дядя, друзья, которых я никогда не видела, - подошли и подняли его, чтобы отнести к катафалку.

Когда мама, папа и я забрались в машину, я сказала:

- Я не хочу идти. Я устала.
- Хейзел, - сказала мама.
- Мам, там будет негде сесть, и все это продлится уйму времени, а я смертельно устала.
- Хейзел, нам нужно пойти ради мистера и миссис Уотерс, - сказала мама.

- Просто... - сказала я. Я почему-то чувствовала себя такой маленькой на заднем сиденье. Я, в принципе, хотела быть маленькой. Я хотела, чтобы мне было лет шесть. – Ладно, - сказала я.

Я просто смотрела в окно. Я и вправду очень не хотела идти. Я не хотела видеть, как его опустят в землю на том месте, которое он выбрал со своим отцом, и как его родители упадут на колени в мокрую от росы траву и застонут от боли, и я не хотела видеть, как пузо алкоголика Питера Ван Хаутена растягивает его льняной пиджак, и я не хотела плакать перед кучей народа, и не хотела бросать пригоршню земли на его могилу, и не хотела, чтобы моим родителям пришлось стоять там под чистым голубым небом, очевидно клонящимся к вечеру, и думать об их дне и их ребенке, и моем месте на кладбище, и моем гробе, и моей земле.

Но я все это сделала. Я сделала все это и еще хуже, потому что папа с мамой думали, что так нужно.

После того, как все закончилось, Ван Хаутен подошел ко мне, положил толстую руку на мое плечо и спросил:

- Можете подвезти? Я оставил машину внизу холма.

Я пожалала плечами, и он открыл дверь на заднее сиденье, как только папа снял машину с сигнализации.

Когда мы были внутри, он наклонился между передними сиденьями и сказал:

- Питер Ван Хаутен, писатель в отставке и полупрофессиональный разочарователь.

Мои родители представились. Он пожал им руки. Я была удивлена, что Питер Ван Хаутен пролетел через полмира, чтобы попасть на похороны.

- Как вы вообще... - начала я, но он меня прервал.

- Я воспользовался вашим дьявольским Интернетом, чтобы следить за некрологами в Индианаполисе. – Он залез рукой в льняной костюм и достал почти двухлитровую бутылку виски.

- И вы просто купили билет и...

Он снова перебил меня, пока откручивал крышку.

- Он стоил мне пятнадцать тысяч за первый класс, но я достаточно обеспечен, чтобы потакать подобным прихотям. И потом, напитки бесплатно. Если ты амбициозен, можно даже окупить расходы.

Ван Хаутен сделал большой глоток виски и протянул его папе, который сказал: «Ммм, нет, спасибо». Затем Ван Хаутен качнул бутылкой в мою сторону. Я взяла ее.

- Хейзел, - сказала мама, но я отвернула крышку и глотнула. Мой желудок почувствовал себя примерно как легкие. Я вернула бутылку Ван Хаутену, который щедро отхлебнул из нее и сказал:

- Ну что ж, *omnis cellula e cellula*.

- Что-что?

- Мы с твоим парнем Уотерсом немного переписывались, и в его последнем...

- Погодите, вы теперь что, письма поклонников читаете?

- Нет, он отправил его ко мне домой, а не через издателя. И едва ли я могу назвать его поклонником. Он меня презирал. Но, в любом случае, он настаивал, что мое поведение будет прощено, если я посету его похороны и скажу тебе, что становится с матерью Анны. Ну вот он я, и вот твой ответ: *omnis cellula e cellula*.

- Что? – снова спросила я.

- *Omnis cellula e cellula*, - снова сказал он. – Всякая клетка из клетки. Каждая клетка происходит от другой клетки, которая родилась из предыдущей. Жизнь происходит от жизни. Жизнь порождает жизнь порождает жизнь порождает жизнь порождает жизнь.

Мы доехали до подножия холма.

- Ладно, хорошо, - сказала я. Я была не в настроении. Питер Ван Хаутен не сможет испортить похороны Гаса. Я ему не позволю. - Спасибо, - сказала я. - Ну, я думаю, что мы приехали.

- Ты не хочешь услышать объяснение? - спросил он.

- Нет, - сказала я. - Обойдусь. Я думаю, что вы - жалкий алкоголик, который произносит цветистые фразочки, чтобы привлечь внимание, как не по годам развитый одиннадцатилетка, и мне вас очень жаль. Но... да, вы уже не тот, кто написал *Высшее страдание*, так что вы не сможете написать к нему продолжение, даже если захотите. Но все равно спасибо. Живите счастливо.

- Но...

- Спасибо за бухло, - сказала я. - А теперь выметайтесь. - Он выглядел обиженным. Папа остановил машину, и мы стояли там, с могилой Гаса позади нас, пока наконец замолчавший Ван Хаутен не открыл дверь и не вышел.

Пока мы отъезжали, я смотрела через заднее стекло, как он сделал глоток и поднял бутылку в мою сторону, словно пил за мое здоровье. Его глаза были такими печальными. Честно говоря, мне стало его вроде как жаль.

Мы наконец оказались дома около шести, и я была жутко уставшая. Я хотела просто лечь спать, но мама заставила меня поесть немного макарон с сыром. Зато мне хотя бы было позволено съесть их в постели. Я поспала пару часов с включенным БИПАПом. Пробуждение было ужасным, потому что на какое-то запутанное мгновение я подумала, что все было в порядке, а потом меня ударило по новой. Мама отключила меня от БИПАПа, я прицепила себя к переносному баллону и, спотыкаясь, прошла в ванную, чтобы почистить зубы.

Рассматривая себя в зеркало, я думала о том, что существует два вида взрослых: есть Питеры Ван Хаутены – жалкие создания, рыскающие во земле в поисках, кому бы причинить вред. И еще были такие, как мои родители – бродящие зомби, делающие все, что нужно, чтобы продолжать бродить.

Ни одна из этих перспектив не показалась мне особенно привлекательной. Мне вздумалось, что я уже видела все доброе и светлое в мире, и я начала подозревать, что даже если бы не вмешалась смерть, такая любовь, как у нас с Августом, не продлилась бы долго. Один поэт написал: *Лишь день прольет свой цвет – / Вот золота и нет.*¹

Кто-то постучал в дверь ванной.

- Оккупада², - сказала я.

- Хейзел, - сказал папа. – Я войду?

Я не ответила, но через пару секунд открыла дверь. Я села на опущенное сиденье унитаза. Почему дышать – это так сложно? Папа присел на колени рядом со мной. Он схватил мою голову и прижал ее к своим ключицам, а потом сказал:

- Мне жаль, что Гас умер.

Дышать, прижавшись к его футболке, было трудно, но чувствовать, как крепко он меня обхватил, и погрузиться в его умиротворяющий запах было приятно. Он словно сердился или вроде того, и мне это нравилось, потому что я тоже сердилась.

- Это все полная хрень, - сказал он. – Все это. Восьмидесятипроцентная вероятность выздоровления, а он попадает в двадцать процентов? Херня. Он был таким ярким парнем. Херня. Ненавижу. Но любить его было чем-то особенным, правда же?

Я кивнула в его футболку.

¹ Строчка из стихотворения Роберта Фроста *Nothing Gold Can Stay* (Перевод с английского К.Николаева)

² Occupada (исп.) – занято.

- Помогает понять, как я тебя люблю, - сказал он.
Мой старик. Всегда знал, что именно сказать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пару дней спустя я проснулась около полудня и поехала домой к Айзеку. Он сам открыл дверь.

- Мама пошла с Грэхэмом в кино, - сказал он.

- Надо чем-нибудь заняться, - сказала я.

- Этим чем-нибудь может стать сидение на диване и слепая видео-игра?

- Ага, как раз о чем-то таком я и думала.

Пару часов мы сидели и говорили с экраном, продвигаясь через невидимый пещерный лабиринт без единого пятнышка света. Самым захватывающим было пытаться вступить в юмористическую беседу с компьютером:

Я: «Дотронься до стены».

Компьютер: «Вы дотрагиваетесь до стены. Она влажная».

Айзек: «Облизни стену».

Компьютер: «Я не понимаю. Повторите».

Я: «Трахни влажную стену».

Компьютер: «Вы пытаетесь стряхнуть воду. Вы ударяетесь о стену пещеры».

Айзек: «Не *отряхнуться*. ТРАХНУТЬ».

Компьютер: «Я не понимаю».

Айзек: «Чувак, я целыми неделями брожу по этой пещере в полной темноте, и мне необходимо расслабиться. Трахни стену».

Компьютер: «Вы пытаетесь отрях...»

Я: «Прижмись тазом к стене».

Компьютер: «Я не...»

Айзек: «Займись любовью со стеной».

Компьютер: «Я не...»

Я: «ЛАДНО. Иди налево».

Компьютер: «Вы идете налево. Проход сужается».

Я: «Пригнись».

Компьютер: «Сто метров вы идете согнувшись. Проход сужается».

Я: «Ползи».

Компьютер: «Вы ползете тридцать метров. Тонкая струйка воды течет под вами. Вы достигаете насыпи маленьких камней, блокирующих проход».

Я: «Могу я теперь трахнуть пещеру?»

Компьютер: «Вы не можете отряхнуться не вставая».

Айзек: «Мне отвратителен мир без Августа Уотерса».

Компьютер: «Я не понимаю...»

Айзек: «Я тоже. Пауза».

Он бросил пульт на диван между нами и спросил:

- Не знаешь, это было больно?

- Я думаю, ему было трудно вздохнуть, - сказала я. - Рано или поздно он потерял сознание, но скорее всего, это не было так уж круто. Умирать отстойно.

- Ага, - сказал Айзек. И после долгой паузы: - Это просто кажется таким нереальным.

- А случается постоянно, - сказала я.

- Ты будто сердисься, - сказал он.

- Да, - сказала я. Мы просто сидели долго-долго, и это было нормально, и я думала, как давным-давно, в самом начале, в Буквальном сердце Иисуса Гас сказал нам, что он боится забвения, и как я сказала ему, что он боится чего-то глобального и неизбежного, и что на самом деле проблема не в страдании или забвении как таковом, но в развращенной бессмысленности этих понятий, в абсолютно бесчеловечном отрицании страдания. Я подумала о папе, который сказал мне, что вселенная хочет, чтобы ее заметили. Но чего мы хотим, так это быть замеченными вселенной, чтобы вселенная, черт возьми, обратила на нас внимание – не на собирательную идею разумной жизни, а на нас как личности.

- Знаешь, Гас очень любил тебя, - сказал он.
- Я знаю.
- Он все заткнуться не мог.
- Я знаю, - сказала я.
- Прямо надоел мне.
- А мне не особенно, - сказала я.
- Он тебе передал ту штуку, которую он писал?
- Какую штуку?
- Ну продолжение или типа того к той книге, которая тебе нравилась.

Я повернулась к Айзеку.

- Чего?
- Он сказал, что работает над чем-то для тебя, но у него не слишком хорошо выходит.

- Когда он это сказал?
- Не знаю. Вроде в какой-то момент после возвращения из Амстердама.

- В какой момент? – нажала я. Неужели он не успел закончить? Или закончил и оставил у себя на компьютере?

- Ммм, - вздохнул Айзек. – Ммм, я не знаю. Мы об этом говорили один раз. Он сидел здесь... мы игрались с моей программой для чтения e-мейлов, и мне как раз пришло письмо от бабушки. Я могу проверить дату, если ты...

- Да, да, где оно?

Это было месяц назад. Месяц. Надо сказать, что это был не самый лучший месяц, но все равно... Достаточно времени, чтобы написать хотя бы *что-нибудь*. Что-то от него, или, по крайней мере, что-то сделанное им до сих пор парило где-то рядом. Я нуждалась в этом.

- Я поеду к нему домой, - сказала я Айзеку.

Я помчалась обратно к минивэну и затащила кислородный баллон внутрь, на пассажирское сиденье. Я завела мотор. Хип-хоп ритм грянул из стерео-системы, и,

когда я потянулась к кнопкам, чтобы сменить радиостанцию, кто-то начал читать рэп. По-шведски.

Я обернулась и закричала, когда увидела сидящего на заднем сиденье Питера Ван Хаутена.

- Прошу прощения, что напугал тебя, - сказал Питер Ван Хаутен, перекрикивая рэп. На нем все еще был костюм с похорон - а прошла почти неделя. От него пахло так, будто он потел алкоголем. - Можешь оставить себе диск, - сказал он. - Это *Spook*, один из основных шведских...

- Ааа ааа УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕЙ МАШИНЫ! - Я выключила звук.

- Насколько я понимаю, это машина твоей мамы, - сказал он. - А еще, она не была закрыта.

- О, Господи! Выметайся из моей машины, или я позвоню 911. Старик, что с тобой *не так*?

- Если бы дело ограничивалось только одной проблемой, - задумчиво произнес он. - Я здесь, просто чтобы извиниться. Ты была права, когда ранее заметила, что я жалкий маленький человечиска, зависимый от алкоголя. У меня была единственная знакомая, которая проводила со мной время только потому, что я платил ей за это, - и что еще хуже, она ушла, оставив меня одинокой душой, не способной завоевать дружеские отношения даже с помощью взятки. Все это так, Хейзел. И много чего еще.

- Ладно, - сказала я. Эта речь была бы более трогательной, если бы он говорил разборчивее.

- Ты напоминаешь мне Анну.

- Я многим кого-то напоминаю, - ответила я. - Мне правда нужно ехать.

- Так стартуй, - сказал он.

- Вылезай из машины.

- Нет. Ты напоминаешь мне Анну, - снова сказал он. Через секунду я включила заднюю передачу и выехала с парковки. Я не могла заставить его уйти, и мне не нужно

было этого делать. Я поеду домой к Гасу, и его родители заставят Ван Хаутена убраться.

- Ты, конечно, знакома, - начал Ван Хаутен, - с историей Антониетты Мео.

- Конечно, нет, - сказала я. Я включила стереосистему, и она взорвалась шведским хип-хопом, но Ван Хаутен начал ее перекрикивать.

- Она может стать самой юной святой, канонизированной Католической церковью. У нее был тот же рак, что и у мистера Уотерса, остеосаркома. Ей ампутировали правую ногу. Боль терзала ее. Когда Антониетта Мео умирала от мучительного рака в зрелом возрасте шести лет, она сказала своему отцу: «Боль – словно ткань. Чем она крепче, тем больше стоит». Это так, Хейзел?

Я не смотрела прямо на него, а только на отражение в зеркале.

- Нет, - прокричала я через музыку. – Это хрень собачья.

- А тебе никогда не хотелось, чтобы это было правдой? – крикнул он в ответ. Я выключила музыку. – Прости, что испортил вашу поездку. Вы были слишком молоды. Вы... - его голос сорвался. Будто у него было право оплакивать Гаса. Ван Хаутен был просто еще одним плакальщиком, который не знал его, еще одним запоздалым соболезнованием на его странице.

- Ты не испортил нашу поездку, ты, самовлюбленный болван. У нас было обалденное путешествие.

- *Я пытаюсь*, - сказал он. – *Честное слово, я пытаюсь.*

В этот момент я поняла, что Питер Ван Хаутен потерял кого-то из своей семьи. Я поразмыслила над правдивостью, с которой он описал больных раком; над тем, что в Амстердаме он не смог задать мне ни одного вопроса, кроме как не специально ли я оделась как Анна; над его грубостью по отношению к нам с Августом; над животрепещущим

вопросом, влияет ли степень боли на ее значимость. Он выпивал на заднем сиденье, вечно пьяный старик. Я вспомнила статистику, которую мне не хотелось бы знать: половина всех браков заканчивается через год после смерти ребенка. Я обернулась и посмотрела на Ван Хаутена. Подъехав к колледжу, я остановилась возле ряда припаркованных машин и спросила:

- У вас умер ребенок?

- Моя дочь, - сказал он. - Ей было восемь. Страдала, как мученица. А канонизирована никогда не будет.

- У нее была лейкемия? - спросила я. Он кивнул. - Как у Анны, - сказала я.

- Почти как у нее, да.

- Вы были женаты?

- Нет. То есть, не в момент ее смерти. Я был непереносим задолго до того, как мы ее потеряли. Скорбь не меняет человека, Хейзел. Она его раскрывает.

- Вы жили с ней?

- Поначалу нет, хотя в самом конце мы перевезли ее ко мне в Нью-Йорк для серии экспериментальных попыток, которые прибавили страданий ее последним дням, не увеличив их количество.

Через секунду я сказала:

- Так вы вроде как подарили ей вторую жизнь, в которой ей удалось стать подростком.

- Мне кажется, что это справедливое суждение, - сказал он, а затем быстро добавил: - Полагаю, тебе известен мысленный эксперимент Филиппы Фут¹ с вагонеткой²?

- А тут в вашем доме появляюсь я, одетая как девушка, которой, как вы надеялись, она могла бы стать, и вы, типа, захвачены врасплох.

¹ Филиппа Фут (1920 – 2010) – британский философ, известна своими работами на тему этики.

² Проблема вагонетки – мысленный эксперимент в этике, ставящий в числе многих проблему цены человеческой жизни.

- Неуправляемая вагонетка несется по рельсам, - сказал он.

- Мне пофиг на ваш тупой мысленный эксперимент, - сказала я.

- Он не мой, он Филиппы Фут.

- На ее эксперимент мне тоже пофиг, - сказала я.

- Она не понимала, что происходит, - сказал он. - Мне пришлось сказать ей, что она умрет. Ее соцработник сказал, что мне нужно это сделать. Мне пришлось сообщить ей, что она умрет, и я сказал ей, что она направляется в рай. Она спросила, буду ли я там, и я сказал, что нет, пока что нет. Но когда-нибудь, сказала она, и я пообещал, что да, конечно же, очень скоро. И я сказал ей, что там, наверху, у нас есть замечательная семья, которая о ней позаботится. И она спросила, когда я приду туда, и я сказал, что скоро. Двадцать два года назад.

- Мне очень жаль.

- Мне тоже.

Через какое-то время я спросила:

- А что с ее мамой?

Он улыбнулся.

- Ты все еще пытаешься узнать продолжение, хитрюга.

Я улыбнулась в ответ.

- Вам нужно домой, - сказала я. - Протрезвейте. Напишите еще один роман. Займитесь тем, что у вас получается. Не многим везет быть такими талантливыми.

Он долго-долго пялился на меня в зеркало.

- Хорошо, - сказал он. - Да. Ты права. Ты права. - Но сразу после того, как сказать это, он достал свои практически пустые два литра виски. Выпил, закрыл бутылку и открыл дверцу. - Пока, Хейзел.

- Береги себя, Ван Хаутен.

Он сел на бордюр за машиной. Я смотрела, как он уменьшался в зеркале заднего вида, и тут он вытащил

бутылку. На секунду мне показалось, что он оставит ее на бордюре. А потом он сделал большой глоток.

В Индианаполисе был жаркий вечер, воздух был плотным и неподвижным, будто мы находились внутри облака. Для меня такой воздух был хуже некуда, и я говорила себе, что это просто воздух, в то время как путь от парковки у его дома до входной двери казался бесконечным. Я позвонила в дверь, ответила мама Гаса.

- Ох, Хейзел, - сказала она и, плача, вроде как обхватила меня.

Она заставила меня съесть немного лазаньи с баклажаном – думаю, им приносили еду, – с ней и с папой Гаса.

- Как вы?

- Я скучаю по нему.

- Ага.

Я не знала, что сказать. Я просто хотела пойти вниз и найти то, что он для меня написал. К тому же, тишина в комнате мне была совсем не по душе. Я хотела, чтобы они говорили с друг другом, утешали или держались за руки, или еще чего. Но они просто сидели и ели очень маленькие порции лазаньи, даже не смотря друг на друга.

- В раю был нужен еще один ангел, - сказал его папа через какое-то время.

- Я знаю, - сказала я. Затем его сестры и куча из их детей ввалились на кухню. Я встала и обняла обеих сестер, а потом смотрела, как дети бегали по кухне с отчаянно необходимым всем шумом и движением, словно возбужденные молекулы, сталкивающиеся друг с другом и кричащие: «Теперь ты нет ты нет я был до этого а потом я тебя поймал да не поймал ты меня ты промахнулся ну тогда я ловлю тебя сейчас да нет же тупая задница сейчас тайм-аут ДЭНИЭЛ НЕ СМЕЙ НАЗЫВАТЬ СВОЕГО БРАТА ТУПОЙ ЗАДНИЦЕЙ мам если мне нельзя говорить это слово

то почему ты его только что сказала тупая задница тупая задница», а потом хором *тупая задница тупая задница тупая задница тупая задница*, а за столом родители Гаса теперь держались за руки, и мне сразу стало лучше.

- Айзек сказал мне, что Гас что-то писал, что-то для меня, - сказала я. Дети все еще пели их песню про тупую задницу.

- Мы можем поискать у него на компьютере, - сказала его мама.

- Последние пару недель он не особенно им пользовался, - сказала я.

- Правда. Я даже не уверена, поднимали ли мы его наверх. Он все еще внизу, Марк?

- Без понятия.

- Ну, - сказала я, - можно мне... - Я кивнула в сторону лестницы.

- Мы не готовы, - сказал его папа. - Но, конечно, да, Хейзел. Конечно, можно.

Я спустилась, прошла мимо незаправленной кровати, мимо кресел перед телевизором. Его компьютер все еще был включен. Я дернула мышкой, чтобы он проснулся, и поискала последние изменения в файлах. Ничего за последний месяц. Самым последним документом был его комментарий на *Самые голубые глаза* Тони Моррисон¹.

Может, он написал что-то вручную. Я подошла к книжным полкам в поисках записной книжки или тетради. Ничего. Я пролистнула его копию *Вечного страдания*. Ни одной пометки.

Потом я пошла к его прикроватному столику. *Вечный Хаос*, девятое продолжение *Цены рассвета*, лежал на столике рядом с ночником, уголок страницы 138 был загнут. Он даже не смог дочитать.

¹ Тони Моррисон — американская писательница. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1993 года

- Внимание, спойлер: Хаос выживет, - сказала я ему вслух, просто на всякий случай.

А затем я забралась в его кровать, обернула вокруг себя ватное одеяло как кокон, окружила себя его запахом. Я вытащила канюлю, чтобы лучше чувствовать аромат, вдыхая и выдыхая Августа, но его след испарялся, пока я там лежала, а грудь горела так, что скоро я перестала различать две разные боли.

Я пару минут посидела в кровати, вернув на место канюлю и подышав немного, прежде чем подниматься по лестнице. Я просто отрицательно покачала головой в ответ на ожидающие взгляды его родителей. Дети пронеслись мимо меня. Одна из его сестер – я не умела их различать – сказала:

- Mam, хочешь, я отведу их в парк или куда-нибудь еще?

- Нет, нет, все нормально.

- А есть какое-то место, куда он мог положить тетрадь? У больничной кровати или еще где?

Кровать уже забрали обратно в больницу.

- Хейзел, - сказал его папа, - ты была с нами каждый день. Ты... он долго один не оставался, милая. У него не было времени ничего написать. Я знаю, чего тебе хочется... Я тоже этого хочу. Но послания, которые он нам оставляет, теперь идут с небес, Хейзел. – Он показал на потолок, будто он парил прямо над домом. Может, так и было. Не знаю. Его присутствия я не ощущала.

- Ага, - сказала я. Я пообещала снова навестить их через пару дней.

Больше я ни разу не смогла ощутить его запах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Три дня спустя, на одиннадцатый день, папа Гаса позвонил мне. Я все еще была прицеплена к БИПАПу, поэтому говорить я не стала, но прослушала его сообщение в тот момент, когда оно включилось. «Хейзел, привет, это папа Гаса. Я нашел, ммм, черный молескин на журнальной стойке, которая была рядом с его кроватью, думаю, достаточно близко, чтобы он мог дотянуться. К сожалению, там ничего не написано. Все страницы белые. Но первые – кажется, три или четыре – первые несколько страниц вырваны. Мы обыскали весь дом, но не смогли их найти. Так что не знаю, чем тебе это поможет. Но вдруг это именно те страницы, о которых говорил Айзек? В любом случае, надеюсь, что у тебя все в порядке. Ты всегда в наших молитвах, Хейзел. Ладно, пока».

Три или четыре страницы вырваны из молескина и потеряны где-то вне дома Августа Уотерса. Где же он мог их для меня оставить? Прилепить к *Клевым костям*? Нет, он недостаточно хорошо себя чувствовал, чтобы добраться туда.

Буквальное сердце Иисуса. Может, он оставил их там в свой Последний хороший день?

Поэтому на следующий день я поехала на Группу поддержки на полчаса раньше. Я заехала к Айзеку, забрала его, а потом мы отправились к Буквальному сердцу Иисуса, опустив стекла и слушая просочившийся в сеть новый альбом *The Hectic Glow*, который Гас никогда не услышит.

Мы поехали на лифте. Я довела Айзека до стула в Круге доверия, а потом неторопливо прогулялась по Буквальному сердцу. Я проверила везде: под стульями, возле кафедры, у которой я говорила предсмертную речь, под столом с угощением, на доске для объявлений, увешанной рисунками детей из Воскресной школы, изображающими Божью любовь. Ничего. Церковь была единственным

местом, в котором мы были вместе в последние дни, кроме его дома, и либо страницы были здесь, либо я что-то упустила. Может, он оставил их для меня в больнице, но если это так, их скорее всего выбросили после его смерти.

К тому моменту, как я упала на стул рядом с Айзеком, я совсем задышалась, и все безъязычное свидетельство Патрика я посвятила убеждению моих легких в том, что все нормально, что они могут дышать, что кислорода достаточно. Их опустошили за неделю до смерти Гаса – я видела, как янтарная раковая жидкость сочится из меня через трубку – и все равно я снова чувствовала их наполненность. Я была так погружена в попытки заставить себя дышать, что не сразу услышала, как Патрик произнес мое имя.

Я сфокусировалась.

- Да? – спросила я.

- Как ты?

- Я в порядке, Патрик. Немного задыхаюсь.

- Хочешь поделиться с группой воспоминаниями об Августе?

- Я просто хочу умереть, Патрик. Тебе никогда не хотелось просто взять и умереть?

- Да, - сказал Патрик без своей обычной паузы. – Да, конечно. Так почему же нет?

Я задумалась. У меня в запасе был старый ответ о том, что я хотела остаться жить ради моих родителей, потому что без меня они станут просто выпотрошенными и бездетными, и это все еще было правдой, но не совсем.

- Я не знаю.

- В надежде, что ты поправишься?

- Нет, - сказала я. – Нет, не поэтому. Я правда не знаю.

Айзек? – спросила я. Я устала от разговора.

Айзек начал говорить о настоящей любви. Я не могла признаться всем, о чем я думала, потому что мне это казалось слишком слащавым, но я размышляла о том, как

вселенная хочет быть замеченной, и что я должна заметить ее как можно лучше. У меня было такое чувство, будто я была должна вселенной, и долг этот сможет оплатить только мое внимание, а еще я будто бы была должна всем, кто больше не может быть человеком, и всем, кому еще не привелось им стать. В общем, о том, что мне сказал папа.

Я молчала все оставшееся время, и Патрик отдельно помолился за меня, и имя Гаса добавилось к длинному списку мертвых – по четырнадцать на каждого из нас, – и мы пообещали прожить нашу лучшую жизнь сегодня, а потом я довела Айзека до машины.

Когда я добралась до дома, мама и папа сидели за обеденным столом, каждый за своим ноутбуком, и в тот момент, как я вошла в столовую, мама с хлопком закрыла компьютер.

- Что там у тебя?
 - Да всякие рецепты с антиоксидантами. Готова к БИПАПу и *Топ-модели по-американски*?
 - Я хочу полежать минутку.
 - Ты в порядке?
 - Да, просто устала.
 - Только поешь перед тем, как...
 - Мам, я совершенно не хочу есть. – Я шагнула к двери, но она преградила мне путь.
 - Хейзел, тебе нужно поесть. Совсем немного ма...
 - Нет. Я иду спать.
 - Нет, - сказала мама. – Не идешь.
- Я посмотрела на папу: он пожал плечами.
- Это моя жизнь, - сказала я.
 - Ты не должна голодать до смерти только потому, что Август умер. Ты обязана поесть.
- По какой-то причине меня все это очень взбесило.
- Я не могу есть, мам. Не могу. Понятно?

Я попыталась пройти мимо нее, но она схватила меня за плечи и сказала:

- Хейзел, поешь. Тебе нужно заботиться о твоём здоровье.

- НЕТ! – прокричала я. – Не буду я есть, и здоровой не буду, потому что я умираю, мам. Я умру и оставлю тебя одну, и больше не буду болтаться рядом, и ты больше не будешь матерью, и мне жаль, но я ничего не могу с этим поделать, ясно???

Я тут же пожалела, что сказала такое.

- Так ты меня слышала.

- Что?

- Ты слышала, как я это говорила папе? – На ее глазах выступили слезы. – Да? – Я кивнула. – Боже, Хейзел. Прости. Я ошибалась, дорогая. Это не правда. Я сказала это, отчаявшись. Я не верю в это.

Она присела, и я устроилась рядом. Я подумала, что надо было просто вытошнить ради нее немного макарон вместо того, чтобы так беситься.

- А во что ты тогда веришь? – спросила я.

- Пока одна из нас жива, я буду твоей матерью, - сказала она. – Даже если ты умрешь, я...

- Когда, - сказала я.

Она кивнула.

- Даже когда ты умрешь, я все равно останусь твоей мамой, Хейзел. Я не перестану ей быть. Ты же не перестала любить Гаса? – Я покачала головой. – Ну, а как же тогда я могу перестать любить тебя?

- Ясно, - сказала я. Папа плакал.

- Я хочу, чтобы у вас была жизнь, ребята, - сказала я. – Я боюсь, что вы перестанете жить, что вы будете сидеть здесь целыми днями, а ухаживать будет не за кем, и вы оставите на стену и захотите себя укокошить.

Через минуту мама сказала:

- Я учусь. Онлайн, в университете Индианы. Чтобы получить магистра по соцработе. На самом деле, я не читала про антиоксиданты, я писала реферат.

- Ты серьезно?

- Я не хочу, чтобы ты думала, будто я планирую жить без тебя. Но если я получу это образование, я смогу помогать семьям в кризисе, или вести группы поддержки, или...

- Mam, ты что, собираешься стать Патриком?

- Ну, не совсем. Соцработа разная бывает.

Папа сказал:

- Мы беспокоились, что ты можешь почувствовать себя брошенной. Важно, чтобы ты знала: мы *всегда* будем рядом, Хейзел. Твоя мама никуда не сбегает.

- Да нет, это здорово. Это просто супер! – Я на самом деле улыбалась. – Мама станет Патриком. Из нее выйдет отличный Патрик! Она будет гораздо круче, чем Патрик.

- Спасибо, Хейзел. Это ужасно много для меня значит.

Я кивнула. Я плакала. Я не могла скрывать, насколько счастливой я себя чувствовала, представляя маму на месте Патрика и проливая слезы искренней радости в первый раз, наверное, за целую вечность. Я подумала о маме Анны. Из нее тоже вышел бы хороший соцработник.

Потом мы включили телевизор и стали смотреть *ТМА*. Но через пять секунд я поставила шоу на паузу, потому что у меня к маме была целая куча вопросов.

- А ты скоро закончишь?

- Если получится поехать на неделю в Блумингтон этим летом, смогу закончить к декабрю.

- И как долго ты от меня это скрывала?

- Год.

- *Mam*.

- Я не хотела обидеть тебя, Хейзел.

Просто класс.

- Так все то время, пока ты ждала меня у колледжа или Группы поддержки, ты всегда...

- Да, работала или читала.

- Это так здорово. Если я умру, хочу, чтобы ты знала: я буду вздыхать с небес каждый раз, когда ты попросишь кого-то поделиться тем, что они чувствуют.

Папа рассмеялся.

- Я буду с тобой, роднуля, - заверил он меня.

Наконец, мы смотрели *ТМА*. Папа очень старался не умереть со скуки, но он постоянно путал девушек между собой и спрашивал:

- Нам она нравится?

- Нет, нет. Анастасию мы *не любим*, нам нравится *Антония*, другая блондинка, - объяснила мама.

- Они все высокие и мерзкие, - ответил папа. - Извините, что не могу их различить.

Папа дотянулся через меня до маминой руки.

- Как вы думаете, вы останетесь вместе, если я умру? - спросила я.

- Хейзел, что такое? Родная... - Она нащупала пульт и снова поставила видео на паузу. - Что не так?

- Просто... вы сможете это сделать?

- Да, конечно. Конечно, - сказал папа. - Мы с твоей мамой любим друг друга, и если мы тебя потеряем, то пройдем через это вместе.

- Богом клянись, - сказала я.

- Богом клянусь, - сказал он.

Я снова взглянула на маму.

- Богом клянусь, - согласилась она. - Почему тебя вообще это беспокоит?

- Просто не хочу вам жизнь испортить.

Мама нагнулась, опустила лицо в мои беспорядочные космы и поцеловала в макушку. Я сказала папе:

- Не хочу, чтобы ты стал типа несчастным безработным алкоголиком.

Мама улыбнулась.

- Хейзел, твой папа не Питер Ван Хаутен. Ты как никто другой знаешь, что жить с болью возможно.

- Ага, ладно, - сказала я. Мама обняла меня, и я не стала сопротивляться, хотя и не хотела, чтобы меня обнимали. - Ладно, можешь снять с паузы, - сказала я. Анастасию выгнали. Она устроила истерику. Это было круто.

Я поклевала ужин – макароны-бабочки с соусом песто, – и мне даже удалось удержать его внутри.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

На следующее утро я проснулась в панике, потому что мне приснилось огромное озеро и я посреди него – одинокая и без лодки. Я вздрогнула, ударилась о БИПАП и почувствовала на себе мамину руку.

- Привет, ты в порядке?

Мое сердце колотилось, но я кивнула. Мама сказала:

- Тебе звонит Кейтлин.

Я указала на БИПАП. Она помогла мне освободиться от него и прицепила меня к Филипу, а потом я наконец взяла у мамы телефон и сказала:

- Привет, Кейтлин.

- Просто звоню, чтобы тебя проведать, - сказала она. – Узнать, как у тебя дела.

- Ага, спасибо, - сказала я. – Все нормально.

- Тебе ужасно не повезло, родная. Просто *вопиющая* несправедливость.

- Наверное, - сказала я. Последнее время я совсем никак не думала о своей удаче. Честно говоря, мне вообще не хотелось ничего обсуждать с Кейтлин, но она продолжила тянуть разговор.

- Так как это было? – спросила она.

- Столкнуться со смертью своего парня? Хмм, хреново.

- Да нет, - сказала она. – Влюбиться.

- Ох, - сказала я. – Ох. Это было... было здорово проводить время с кем-то настолько интересным. Мы были очень разными и не соглашались по многим поводам, но он всегда был очень интересным, понимаешь?

- Увы, не особенно. Молодые люди, с которыми я имею честь быть знакомой, чрезвычайно неинтересны.

- Он не был так уж идеален. Совсем не Прекрасный принц из сказки. Пытался иногда им казаться, но мне он больше нравился, когда забывал про эту чушь.

- А у тебя есть какой-нибудь альбом с его фотками и письмами?

- У меня есть фотографии, но он никогда мне не писал. Только если... в общем, в его блокноте не хватает нескольких страниц, на которых могло быть что-то для меня, но, думаю, он их выбросил, или они где-то потерялись.

- Может, он послал их тебе по почте.

- Не, они бы уже дошли.

- Тогда, возможно, они предназначались не тебе, - сказала она. - Возможно... не хочу тебя расстраивать, но может, он написал их для другого человека и отправил их...

- ВАН ХАУТЕН! - закричала я.

- Ты в порядке? Это был кашель?

- Кейтлин, я тебя люблю. Ты гений. Мне нужно идти.

Я повесила трубку, перевернулась на живот, нашла ноутбук, включила его и отправила e-мэйл по адресу lidewij.vliegenthart@gmail.com.

Лидевай,

Я думаю, что Август Уотерс отправил несколько страниц из своего блокнота Питеру Ван Хаутену незадолго до того, как он (Август) умер. Для меня очень важно, чтобы кто-нибудь прочел эти страницы. Конечно, я хочу их увидеть, но может, они были написаны не для меня. Неважно, их все равно нужно прочесть. Необходимо. Вы можете помочь ?

Ваш друг,
Хейзел Грейс Ланкастер

Она ответила во второй половине дня.

Дорогая Хейзел,

Я не знала, что Август умер. Это очень печальные новости. Он был очень харизматичным молодым человек. Мне очень жаль, и я очень опечалена.

Я не говорила с Питером с того дня, когда я уволилась. Сейчас здесь поздняя ночь, но с самого утра я первым делом пойду к нему домой, чтобы найти это письмо и заставить Питера его прочесть. С утра он обычно лучше всего себя чувствует.

Ваш друг,
Лидевай Флиханхарт

P.S. : Я возьму с собой своего парня на случай, если Питера придется физически удерживать.

Почему он написал Ван Хаутену в свои последние дни, а не мне, почему он сказал Ван Хаутену, что тот будет прощен, если я получу свое продолжение? Может, страницы из блокнота просто повторяли его просьбу к Ван Хаутену? Гас использовал свою неминуемую смерть, чтобы исполнить мою мечту: продолжение книги было такой мелочью, чтобы ради этого умирать, но это все, что у него осталось.

Я бесконечно обновляла e-мэйл той ночью, поспала несколько часов, а потом снова начала обновлять около пяти утра. Но ничего не приходило. Я попыталась посмотреть телевизор, чтобы отвлечься, но мысли продолжали относить меня к Амстердаму, я представляла, как Лидевай Флиханхарт и ее парень кружат на велосипедах по городу, пытаюсь выполнить это безумное боевое задание – найти последнее письмо мертвого подростка. Как было бы здорово подсказывать на камнях мощеных улочек, сидя за спиной Лидевай, чувствовать, как ее волнистые рыжие волосы откидывает ветром мне в

лицо, вдыхать запах каналов и сигаретный дым, смотреть на всех этих людей в уличных кафе, пьющих пиво и произносящих «р» и «х» так, как я никогда не смогу.

Я скучала по будущему. Конечно же, я понимала даже до его рецидива, что я никогда не смогу состариться вместе с Августом Уотерсом. Но когда я думала о Лидевай и ее парне, то чувствовала себя так, будто меня ограбили. Скорее всего, я никогда больше не увижу океан с высоты десять тысяч метров, так высоко, что невозможно даже различить волны или лодки, и все это выглядит как единое бесконечное пространство. Я могла представить это. Могла вспомнить. Но не могла увидеть снова, и до меня вдруг дошло, что прожорливые человеческие амбиции никогда не укрощаются исполненными мечтами, потому что мысль о том, что все может быть снова и лучше, никуда не исчезает.

Скорее всего, так оно и есть, даже если дожить до девяноста – хотя я завидую тем, кому доведется это проверить. Но все же, я уже прожила вдвое больше, чем дочь Ван Хаутена. Чего бы он не отдал только за то, чтобы его ребенок умер в шестнадцать лет.

Внезапно мама выросла между мной и телевизором, держа руки за спиной.

- Хейзел, - сказала она. Ее голос был таким серьезным, что я испугалась худшего.

- Да ?

- Ты знаешь, какой сегодня день ?

- Явно не мой День рождения.

Она рассмеялась.

- Не совсем. Четырнадцатое июля, Хейзел.

- Это *твой* День рождения ?

- Нет...

- День рождения Гарри Гудини ?

- Нет...

- Мне уже надоело угадывать.

- ДЕНЬ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ! – Она вынула руки из-за спины и восторженно замахала двумя маленькими пластиковыми французскими флагами.

- Звучит как что-то придуманное. Как День борьбы с холерой.

- Поверь мне, Хейзел, в Дне взятия Бастилии нет ничего выдуманного. Ты знала, что ровно двести двадцать три года назад французский народ взял приступом тюрьму под названием Бастилия, чтобы побороться за свою свободу?

- Ух ты, - сказала я. – Нам нужно отметить это наиважнейшее событие.

- Так случилось, что я только что назначила твоему папе пикник в Холлидей парке.

Она никогда не переставала пытаться. Я оттолкнулась от дивана и встала. Вместе мы собрали кое-какую начинку для бутербродов и нашли пыльную корзинку для пикника в кладовке.

День был прекрасный, наконец-то похожий на настоящее лето, теплый и влажный – такая погода после долгой зимы напоминает тебе, что если мир и не был предназначен для людей, то мы-то уж точно были для него предназначены. Папа, одетый в желто-коричневый костюм, ждал нас на стоянке для инвалидов, набирая что-то на карманном компьютере. Когда мы припарковались, он помахал нам, а потом подошел и обнял меня.

- Отличная погода, - сказал он. – Живи мы в Калифорнии, каждый день был бы таким.

- Да, но тогда бы они так тебя не радовали, - сказала мама. Она ошибалась, но я не стала ей возражать.

Мы расстелили одеяло рядом с Руинами, странноватым прямоугольником римских развалин, словно с неба упавших посреди поля в Индианаполисе. Руины не настоящие: это вроде скульптурной реконструкции

восьмидесятилетней давности, но за этой фальшивкой особо никто не следил, поэтому она вроде как случайно стала настоящими руинами. Ван Хаутену они бы понравились. Да и Гасу тоже.

Мы уселись в тени Руин и перекусили.

- Тебя намазать солнцезащитным кремом? – спросила мама.

- Нет, не нужно, - сказала я.

Ветер, играющий листвой, приносил отдаленные крики детей. Они пытались постичь законы жизни на примере игровой площадки, которая была построена для них, в то время как мир, в котором им придется жить, – нет. Папа увидел, что я смотрю на детей, и спросил:

- Скучаешь по тому, как раньше так же носилась?

- Наверное, иногда.

Но я думала не об этом. Я просто пыталась замечать все вокруг: свет, падающий на развалины Руин, едва способного говорить мальчишку, которого привлекла палочка в углу площадки, мою неутомимую маму и то, как она зигзагами наносит горчицу на свой сендвич с индейкой, то, как папа похлопывает по карману, в котором лежит компьютер, и сопротивляется позыву проверить почту, парня, бросающего фрисби, и его собаку, которая всегда ловила тарелку и возвращала ее хозяйину.

Кто я такая, чтобы предположить недолговечность всего этого? Кто такой Питер Ван Хаутен, чтобы доказывать гипотезу о временности нашего существования? Все, что я знаю о рае и смерти, находится в этом парке: грациозная вселенная в бесконечном движении, наполненная развалинами и кричащими детьми.

Папа махал рукой у меня перед лицом.

- Хейзел, очнись. Ты с нами?

- Прости, да, что?

- Мама предложила пойти поведать Гаса.

- Ах, да, - сказала я.

Поэтому после ланча мы поехали на кладбище Краун Хилл, место последнего пристанища для трех вице-президентов, одного президента и Августа Уотерса. Заехав на холм, мы припарковались. Машины с ревом пронеслись мимо по 38 улице. Мы легко нашли его могилу: она была самая свежая. Земля неровная. Надгробие еще не установили.

Я не чувствовала, что он был рядом, ничего такого, но все равно взяла один из маминых идиотских французских флагов, чтобы воткнуть его в землю у него в ногах. Может, проходящие мимо подумают, что он был членом Французского Иностранного легиона или героическим миссионером.

Лидевай наконец ответила мне в шесть часов вечера, когда я сидела на диване и смотрела одновременно телевизор и видео на ноутбуке. Я сразу заметила, что к письму были прикреплены четыре файла, и хотела сначала открыть их, но победила соблазн и прочла письмо.

Дорогая Хейзел,

Когда мы пришли в дом Питера тем утром, он был очень пьян, но это немного облегчило нам работу. Бас (мой парень) отвлекал его, пока я просматривала мешок для мусора, в котором Питер хранит почту поклонников. Но потом я вспомнила, что Август знал домашний адрес Питера. На его обеденном столе лежала огромная гора почты, где я очень быстро нашла письмо. Я распечатала конверт и увидела, что оно предназначалось Питеру, поэтому я попросила его прочитать письмо.

Он отказался.

В этот момент я очень разозлилась, Хейзел, но я не стала на него кричать. Вместо этого я сказала ему, что он должен прочитать это письмо от мертвого парня ради своей мертвой дочери, и дала ему письмо, и он прочел его полностью и сказал – цитирую дословно: «Отправь его девочке и скажи, что мне нечего к этому добавить».

Я не читала письмо, хотя мои глаза и зацепились за некоторые фразы, пока я сканировала страницы. Я прикрепила их к e-мейлу, а сами листы сейчас отправлю по почте тебе домой; адрес не изменился? Благослови и храни тебя Бог, Хейзел.

Твой друг,
Лидевай Флиханхарт.

Я открыла четыре приложенных файла. Его почерк был в беспорядке, он промазывал мимо строк, размер букв менялся вместе с цветом чернил. Письмо было написано больше, чем за пару дней, то в ясном, то в замутненном сознании.

Ван Хаутен,

Я хороший человек, но хреновый писатель. Ты хреновый человек, но писатель хороший. Из нас вышла бы отличная команда. Не хочу просить тебя об одолжении, но если у тебя есть время, – а из того, что я видел, можно сделать вывод, что его у тебя завались, – не мог бы ты написать для Хейзел прощальную речь? У меня есть кое-какие заметки, но их надо бы слепить во вразумительное целое. Или просто скажи, что здесь изменить.

Вот что я вам скажу о Хейзел: почти все мы одержимы желанием отметить в этом мире. Оставить наследие. Пережить смерть. Мы все хотим, чтобы нас помнили. И я не исключение. Что больше всего меня беспокоит – это остаться еще одной безвестной потерей в древней и бесславной войне против болезни.

Я хочу оставить след.

Но, Ван Хаутен: следы, которые чаще всего оставляют люди, – это шрамы. Ты открываешь уродский супермаркет, начинаешь государственный переворот или пытаешься стать рок-звездой, и думаешь: «Ну теперь-то меня запомнят», но а) тебя не помнят, и б) все, что ты оставляешь после себя – еще большие шрамы. Твоя революция ведет к диктаторству. Твой магазин разоряется.

(Ладно, может я не такой уж и хреновый писатель. Но у меня не получается наводить порядок в словах. Мои мысли – это звезды, из которых я никак не могу составить созвездия.)

Мы как куча собак, которые метят пожарные гидранты. Мы отравляем подземные воды нашей ядовитой мочой, помечая все значками «МОЕ» в смехотворных попытках пережить смерть. Я не могу перестать писать на гидранты. Я знаю, что это глупо и бесполезно – невероятно бесполезно в моем нынешнем состоянии – но я такое же животное, как и другие.

Хейзел не такая. Она ступает легко, старик. Она легко ступает по земле. Хейзел знает правду: мы с такой же вероятностью можем навредить вселенной, как и

помочь ей, и, скорее всего, не способны ни на то, ни на другое.

Кто-нибудь скажет, что то, что она оставляет не такой глубокий шрам, - это печально, что меньше людей ее помнят, что любили ее сильно, но не много. Однако это не печально, Ван Хаутен. Это триумфально. Достоинство героя. Разве это не настоящий героизм? Как говорят доктора: во-первых, не навреди.

В любом случае, настоящие герои – это не те, кто что-то делает; настоящие герои – это люди, которые ЗАМЕЧАЮТ вещи, обращают на них внимание. Тот парень, который изобрел вакцину от оспы, ничего на самом деле не изобретал. Он просто заметил, что те, у кого коровья оспа, не заболевают натуральной оспой.

После того, как я засветился на ПЭТ, я прокрался в реанимацию посмотреть на Хейзел, пока она была без сознания. Я просто вошел туда прямо за медсестрой с пропуском, и у меня вышло посидеть рядом с ней минут десять перед тем, как меня поймали. Я и вправду думал, что она умрет до того, как я скажу ей, что тоже умру. Это было жутко: бесконечное механическое бормотание интенсивной терапии. У нее из груди сочилась темная раковая жидкость. Глаза закрыты. Вся в трубках. Но ее рука все еще была ее рукой, все еще теплой, и ногти все так же накрашены этим темно-синим, почти черным лаком, и я просто держал ее за руку и пытался представить мир без нас, и на какую-то секунду я стал достаточно человечен, чтобы понадеяться на ее смерть, чтобы она никогда не узнала, что я тоже умираю. Но потом я захотел больше времени на то, чтобы мы смогли влюбиться. Кажется, мое желание сбылось. Я оставил свой шрам.

Медбрат вошел и сказал, чтобы я уходил, что посетителей не пускают, и я спросил, все ли с ней будет в порядке, а он сказал: «У нее все еще накапливается вода». Благословение в пустыне, проклятие в океане.

Что еще сказать? Она такая красивая. На нее можно смотреть, не уставая. Я никогда не беспокоился, что она умнее меня: и так понятно, что это правда. Она смешная, но не грубая. Я люблю ее. Мне так повезло любить ее, Ван Хаутен. Старик, в этом мире мы не можем решать, принесут нам боль или нет, но только за нами остается слово в выборе того, кто это сделает. Я доволен своим выбором. Надеюсь, и она своим.

Конечно, Август.

Конечно.

БЛАГОДАРНОСТИ

В этом романе болезнь и ее лечение представлены с художественной точки зрения. Например, такого препарата, как Фаланксифор, не существует. Я выдумал его, потому что мне хотелось, чтобы он был. Кто-либо, кто желает узнать настоящую историю рака, должен прочитать *Императора всех болезней* Сидхардхи Мукхердже. Я также признателен *Биологии рака* Роберта Вайнберга и Джошу Сандквисту, Маршалу Уристу и Йоннеке Холландерс, которые делились со мной своим временем и опытом по части медицинских фактов, которые я с радостью игнорировал в соответствии с моими прихотями.

Автор хотел бы выразить свою признательность:

Эстер Эрл, чья жизнь была подарком для меня и многих других. Я также благодарен семье Эрл – Лори, Уэйну, Эбби, Энгл, Гранту и Эйб – за их дружбу и великодушие. Вдохновленные Эстер, Эрлы основали благотворительную организацию *This Star Won't Go Out*. Больше можно узнать на сайте tswgo.org.

Голландскому литературному фонду, который предоставил мне возможность два месяца работать над книгой в Амстердаме. Я особенно благодарен Флер Ван Коппен, Яну Кристофу Буле Ван Хенсбрек, Янетте де Виц, Карляйн Ван Равенстейн, Мархи Схипсма и голландскому сообществу нердфайтеров.

Моему издателю, Джулии Страус-Гэйбел, которая не отцеплялась от этой истории в течение многих лет взлетов и падений, так же как и великолепная команда издательства Penguin. Особая благодарность Розанне Лоер, Деборе Каплан, Лизе Каплан, Стиву Мельтзеру, Нове Рен Суме и Ирене Вандервурт.

Илин Купер, моему наставнику и фее-крестной.

Моему агенту Джоди Римеру, чей мудрый совет не раз спасал меня от бесчисленных катастроф.

Нердфайтерам, за то, что остаются классными.

Кэтитюд, за единственное желание сделать мир не таким хреновым местом.

Моему брату Хэнку, лучшему другу и ближайшему коллеге.

Моей жене Саре, которая не только является любовью всей моей жизни, но и первым и самым доверенным читателем. Также, крошке Генри, которого она мне подарила. А еще, моим родителям, Майку и Сидни Грин, и родителям жены, Конни и Маршалу Уристу.

Моим друзьям Крису и Марине Уотерс, которые помогали с этой историей в наиважнейшие моменты, а также Джоэлин Хослер, Шэннон Джеймс, Ви Харт, блестящему специалисту по диаграммам Карен Каветт, Валери Барр, Розianne Холс Рохас и Джону Дарниэллу.

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	37
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	46
ГЛАВА ПЯТАЯ	59
ГЛАВА ШЕСТАЯ	83
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	95
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	103
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	116
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	121
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	137
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	155
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	183
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	191
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	200
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	203
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	207
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	209
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	214
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	218
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	225
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	231
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	241
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	251
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	258